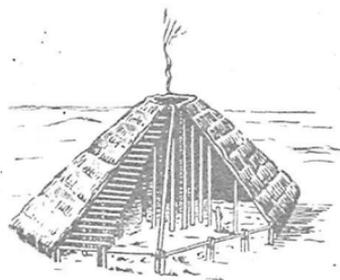

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. В. ВИНОГРАДОВ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
ХОРЕЗМА

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

А. В. ВИНОГРАДОВ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
ХОРЕЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1968

МАТЕРИАЛЫ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Под общей редакцией С. П. Толстова

Выпуск 8

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

С. П. ТОЛСТОВ и М. А. ИТИНА

В книге публикуются материалы неолитических памятников Хорезма, открытых и исследованных за период с 1938 по 1965 г. Автором предложена новая периодизация и уточнены границы распространения памятников кельтеминарской культуры. На новом материале рассмотрены некоторые особенности материальной культуры неолитического Хорезма, его связи с другими территориями. Комплексные археолого-географические работы последних лет позволили уточнить некоторые известные по публикациям Хорезмской экспедиции данные о характере расселения неолитического человека в связи с физико-географическими условиями.

Книга хорошо иллюстрирована. Она рассчитана на археологов, а также историков, интересующихся древнейшим прошлым Средней Азии.

ВВЕДЕНИЕ

Первые неолитические памятники на территории Хорезма были найдены в конце 30-х годов. С момента первых публикаций и до настоящего времени материалы стоянок, известных в литературе под именем кельтеминарских, в особенности стоянки Джанбас 4, широко использовались при анализе синхронных памятников не только Средней Азии и Казахстана, но и некоторых других территорий.

В послевоенные годы на обширных пространствах приаральских и прикаспийских степей и пустынь, в том числе и в Хорезме, открыты многие десятки новых памятников неолитического времени. Близость — большая или меньшая — материалов (в особенности кремневых орудий) неолитических стоянок некоторых других районов к кельтеминарским материалам из Хорезма позволила интерпретировать эти стоянки как кельтеминарские¹. В результате границы кельтеминарской культуры были значительно расширены. А. А. Формозов, исследовавший первобытные памятники Западного Казахстана, отнес к ней памятники не только Северо-Восточного Приаралья, но и обширного района, простиравшегося до бассейна Уила, Сагиза и Эмбы на северо-западе и до Тургая и Иргиза — на севере и северо-востоке². Исследования Хорезмской экспедиции позволили включить в зону распространения кельтеминарских памятников обширные районы вдоль Узбоя (верхнеузбойская культура)³, а позднее (в результате работ той же экспедиции и археологов АН Узбекской ССР) огромные пространства Центральных и Южных Кызылкумов⁴. Мы не касаемся здесь правомерности отнесения неолитических памятников всех этих районов к одной культуре; об этом будет сказано ниже (см. гл. IV, стр. 153—158). Отметим лишь, что хорезмский материал сейчас является своего рода эталоном для определения, что же такое кельтеминарская культура.

¹ Подробнее о кельтеминарской культуре см.: С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 27 и сл.

² А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, см. карту на стр. 4.

³ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 34 и сл.; М. А. Итпина. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя. ТХЭ, т. II. М., 1958, стр. 255—304.

⁴ Н. Н. Вактурская. О поездке в Южные Кызылкумы в 1955 г. МХЭ, вып. I, 1959, стр. 39—51; У. Исламов. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана. Л., 1963. Автореф. канд. дисс.

Наиболее крупная и известная из хорезмских кельтеминарских стоянок — Джанбас 4, еще совсем недавно являлась главным опорным пунктом для хронологии многих десятков разветвленных стоянок пустынь и степей Средней Азии. За последнее десятилетие положение коренным образом изменилось. Сейчас в зоне пустынь и степей имеются и другие комплексы неолитического времени, хорошо документированные раскопками. Главные из них — это пещера Джебел в Прикаспии⁵, стоянки Дарбазакыр в Южных Кызылкумах⁶, Усть-Нарым в Казахстане⁷. Материалы этих и некоторых других менее значительных памятников так же, как и дающие много точек соприкосновения с кельтеминаром памятники неолита и энеолита Южной Туркмении⁸, позволяют несколько по-иному и более обоснованно построить периодизацию и хронологию кельтеминарских стоянок Хорезма с их очень своеобразной керамикой и кремневым инвентарем.

Наконец, нельзя не отметить того большого интереса, который вызывает неолит Приаралья и Прикаспия, в особенности кельтеминарская культура, у авторов многих гипотез, связанных с генезисом археологических культур эпохи неолита на многих весьма отдаленных от Хорезма территориях⁹.

Разрешение всех этих и многих других важных вопросов истории неолитического населения Приаралья и сопредельных областей очень осложнялось тем, что накопленный за многие годы материал либо очень мало, либо вообще оставался неопубликованным. Вслед за предварительными публикациями итогов раскопок стоянки Джанбас 4 — наиболее крупной и важной из кельтеминарских стоянок — развернутой публикации ее материалов не последовало. Другие неолитические стоянки джанбасской группы — Джанбас 5, 11, 12, 14, материал которых характеризует дальнейшие ступени развития кельтеминарской культуры, специально никем не рассматривались и не публиковались. Между тем исследователи, рассматривавшие в той или иной связи памятники кельтеминарской культуры, пользовались лишь данными предварительных публикаций

⁵ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры Прикаспийских племен Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. VII. Ашхабад, 1956.

⁶ У. Исламов. Многослойная стоянка кельтеминарской культуры в низовьях Зеравшана. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 31—45; Он же. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана.

⁷ С. С. Черников. К изучению древней истории Восточного Казахстана. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 14, 15; Г. Ф. Коробкова. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма. «Новые методы в археологических исследованиях». М.—Л., 1963, стр. 215—233.

⁸ В. М. Массон. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур (в свете работ ЮТАКЭ 1955—1958 гг.). «Труды ЮТАКЭ», т. X. Ашхабад, 1960; Он же. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964.

⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 64, 65; Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 71—74; А. В. Збруева. Древние культурные связи Средней Азии и Приаралья. ВДИ, 1946, № 3; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1961, стр. 21, 22, 32, 33, 60; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1963, стр. 60; В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956, стр. 147—149; И. В. Синицын. Археологические памятники по реке Малый Узень (Саратовская область и Западный Казахстан). КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 104; Н. Н. Гурина. К вопросу об этнокультурных областях лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. Доклад на VII МКАЭН. М., 1964, стр. 5 и другие работы.

и в меньшей степени — хранящимися в музеях и фондах Хорезмской экспедиции коллекциями.

Из стоянок, открытых экспедицией в послевоенные годы, подробно опубликованы лишь некоторые — Кават 5, Дингильдже 6, Кунык 1¹⁰. Между тем в Хорезме известно сейчас уже около сорока кельтеминарских стоянок, в том числе такие крупные, как Кават 7.

Основная цель настоящей работы — насколько возможно полная публикация материалов всех неолитических памятников Хорезма, открытых и исследованных за период с 1938—1939 по 1965 г. Вместе с тем в работе подведены некоторые итоги исследований по периодизации и хронологии кельтеминарской культуры, выяснены особенности материальной культуры ее носителей, связи их с другими территориями и другие вопросы. В работе отражены также основанные на комплексных археолого-географических исследованиях последних лет уточнения уже известных по публикациям Хорезмской экспедиции данных о характере расселения неолитического человека в связи с физико-географическими условиями¹¹.

¹⁰ А. В. Виноградов. Раннекельтеминарская стоянка Кунык 1. КСИЭ, вып. XXX, 1958, стр. 16—22; Он же. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР 1957 г. МХЭ, вып. 4, 1960, стр. 63—81.

¹¹ «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения», МХЭ, вып. 3, 1960.

Глава первая

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ. ИСТОРИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Неолит Хорезма — это в сущности неолит древней Акчадарьинской дельты Аму-Дарьи. Лишь здесь, на правом берегу нижнего течения Аму-Дарьи, на ее древних дельтовых протоках имеется большая серия памятников неолитической эпохи. Правда, несколько развешенных стоянок с обильным кремневым инвентарем (Гяур 1, Хатыб 1, 2 и др.) было найдено в 1953 г. на самых дальних западных окраинах Хорезма, в низовьях южного протока Присарыкамьшской дельты — Туны-Дарьи¹. Однако эти стоянки, близкие по культуре неолитическим памятникам Узбоя (верхнеузбойская культура), должны рассматриваться вместе с последними. Керамика на этих стоянках полностью уничтожена, и они не могут иметь существенного значения для периодизации и хронологии кельтеминарской культуры.

Есть основания полагать, что в эпоху неолита были заселены и районы более северных протоков Присарыкамьшской дельты — ДAUDANA и ДАРЬЯЛКА. Следы пребывания там неолитического человека, по-видимому, погребены под аллювием, накопившимся в связи с более поздним функционированием этих протоков, а возможно, и уничтожены активной агропрригационной деятельностью человека в этих районах в античный и средневековый периоды².

На территории современной Приаральской дельты Аму-Дарьи находки неолитического времени стали известны лишь в самые последние годы; они немногочисленны и маловыразительны. Обнаруженные В. Н. Ягодиным на восточных границах современной дельты (урочища Жумыр-булак и Кесек-кала) кремневые изделия и керамика кельтеминарского типа³, хотя и представляют собой подъемный материал, но, очевидно, стратиграфически они связаны с аллювием Акчадарьинской дельты, западные протоки которой погребены под толщей отложений современной Приаральской дельты. Лишь находка в 1965 г. кремневых изделий неолитического облика в левобережном Хорезме в районе Гяур-калы (Миздахканской) дает основание предполагать, что по крайней мере в ряде районов аллювий современной дельты перекрывает следы жизнедеятельности человека первобытной эпохи⁴.

¹ «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамьш, Узбой. История формирования и заселения», МХЭ, вып. 3, 1960, стр. 174—179.

² «Низовья Аму-Дарьи...», стр. 179.

³ В. Н. Ягодин. Археологические памятники Приаральской дельты Аму-Дарьи. М., 1963, стр. 4. Автореф. канд. дисс.; Он же, Итоги и перспективы археологического изучения Приаральской дельты. «Вестник ККФАН Уз. ССР». Нукус, 1965, № 1, стр. 59.

⁴ В. Н. Ягодин, ознакомивший автора с кремневыми находками из района Гяур-калы, предполагает, что они могли попасть на поверхность в результате связанных с прригацией крупных земляных работ.

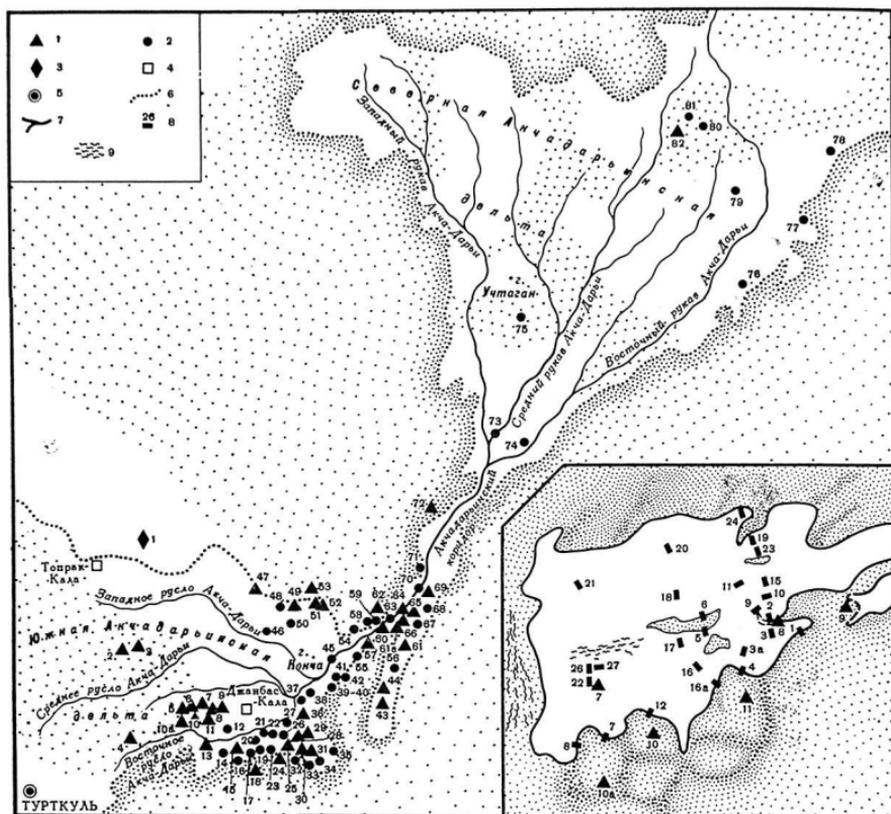

Рис. 1. Неолитические памятники и находки на территории Акчадарьинской дельты.
На врезке внизу справа — Джанбасский такыр.

1 — стоянки; 2 — отдельные находки; 3 — кремневая мастерская Бурлы 3; 4 — археологические памятники эпохи классового общества; 5 — современные населенные пункты; 6 — границы Акчадарьинской дельты; 7 — древние русла Акча-Дарьи; 8 — шурфы на Джанбасском такыре (врезка); 9 — разрушающиеся такыры (врезка).

1 — каменоломня и кремнеобрабатывающая мастерская Бурлы 3; 2 — стоянка Кават 7; 3 — стоянка Кават 5; 4 — стоянка Дингильдже 6; 5 — стоянка Джанбас 18; 6 — стоянка Джанбас 14; 7 — стоянка Джанбас 31; 8 — стоянка Джанбас 32 (защитка у шурфа № 2); 9 — стоянка Джанбас 4; 10 — стоянка Джанбас 12; 10а — стоянка Джанбас 11; 11 — стоянка Джанбас 5; 12 — находки к Ю и ЮВ от Джанбас-калы, у коренного берега дельты; 13 — находки у коренного берега дельты, в 6 км к Ю от кол. Байрам-Казган; 14 — находки в 4,5 км к Ю от кол. Байрам-Казган; 15 — стоянка Байрам-Казган I; 16 — находки в 3 км к В от кол. Байрам-Казган; 17 — находки в 3 км к ВЮВ от кол. Байрам-Казган; 18 — стоянка Байрам-Казган 4; 19 — находки в 3,3 км к В от кол. Байрам-Казган; 20—22 — находки в 5—7 км к ВСВ от кол. Байрам-Казган; 23 — находки в 9,5 км к В от кол. Байрам-Казган; 24 — стоянка Мамур 1; 25 — стоянка Мамур 4; 26—27 — находки у восточного коренного берега дельты к Ю и ЮВ от возв. Джанбас; 28 — стоянки Мамур 3; 29 — стоянки Мамур 3А; 30 — стоянка Мамур 3Б; 31 — стоянка Кунык 1; 32 — находки в 1—1,5 км к В от стоянки Мамур 3; 33—34 — находки в 2 км к ЗЮЗ от кол. Кунык-Казган; 35 — находки у кол. Кунык-Казган; 36 — стоянка Джингельды 6; 37 — находки в 100 м к ЮЮЗ от стоянки Джингельды 6; 38 — находки в 12 км к СВ от Джанбас-калы; 39—40 — находки в 2—3 км к С от кол. Джингельды; 41 — находки в 4—5 км к С от кол. Джингельды; 42 — находки в 6—7 км к С от кол. Джингельды; 43 — стоянка «поиск 65»; 44 — стоянка «поиск 60»; 45 — находки в 6—7 км к ЮЮЗ от кол. Кокча; 46 — находки в 3 км к ЮЮЗ от Кургашии-калы; 47 — стоянка Кырныз 1; 48 — находки в 0,7 км к З от Кургашии-калы; 49 — стоянка Кургашии А; 50 — находка на крепости Кургашии-калы; 51 — стоянка Кургашии Д; 52 — стоянка Кургашии Г; 53 — стоянка Кургашии Ж; 54 — находки в 2,5 км к С от кол. Кокча; 55 — находки в 3 км к В от кол. Каунды (сев.); 56 — находки в 18 км к ЮВ от кол. Таджи-Казган; 57 — стоянка Каунды 3; 58—59 — находки в 5—6 км к ЮЮЗ от кол. Таджи-Казган; 60 — стоянка Таджи-Казган 3; 61 — стоянка Таджи-Казган 14; 62 — стоянка Таджи-Казган 2; 63 — находки в 6,5 км к ЮВ от кол. Таджи-Казган; 64 — стоянка Таджи-Каз-

Итак, основной район расселения неолитического человека в Хорезме— Акчадарьинская дельта. История ее так же, как и других древних русел Аму-Дарьи, достаточно хорошо известна сейчас по материалам многолетних геологических и географических исследований и особенно широко развернувшихся за последние годы комплексных археолого-геоморфологических работ⁵. Поэтому мы лишь кратко остановимся на характеристике физико-географических условий дельты и ее водного режима в интересующее нас время — в IV — начале II тысячелетия до н. э. Более детальные данные по отдельным районам дельты в связи с расселением там неолитического человека приведены во второй главе.

Древняя Акчадарьинская дельта начинается в районе г. Турткуля (рис. 1). Треугольник, занятый многочисленными ее протоками, ограничен на западе современным течением Аму-Дарьи, на севере — невысоким хребтом Султануиздаг, на востоке — высокими (20—30 м выше уровня дельты) песками Кызылкум. Эта часть дельты называется Южной Акчадарьинской дельтой. Западные русла ее, огибая с юга Султануиздаг, соединяются в северо-восточном углу с восточными руслами в один мощный проток. Воды его некогда прорезали Кызылкумы длинным и узким Акчадарьинским коридором, а затем на севере снова разбегались веером русел, образующим Северную Акчадарьинскую дельту. Как и Южная дельта, с востока она ограничена Кызылкумами, с запада ее сухие русла смыкаются с протоками современной Приаральской дельты Аму-Дарьи. На северо-востоке протоки Северной дельты выходят к Аральскому морю.

В меридиональном направлении Южная дельта простирается на 70 км, Акчадарьинский коридор — на 75 км, а Северная дельта — на 120 км. Таким образом, общая протяженность дельты с юга на север достигает 270—280 км, при максимальной ширине в 90 км в Южной и в 110—120 км в Северной дельте.

Дельта сложена слоистыми аллювиальными отложениями мощностью в среднем 20—25 м (песок, супесь, суглинки). Для современного рельефа дельты характерны плоские, преимущественно такырные поверхности и массивы барханных песков, образовавшихся за счет перевевания дельтового аллювия. Кое-где на дельтовой равнине возвышаются останцы коренных пород (Кокча, Джанбас, Кургагин, Учтаган и др.). Эти возвышенности часто также покрыты песками.

Поверхность дельты расчленена системой древних русел различной сохранности: от хорошо выраженных в рельефе, особенно на отдельных участках, до полностью выполненных наносами и прослеживающихся лишь по слабо прогнутым полосам на поверхности такыра. И в Южной, и в Северной дельтах наиболее отчетливо прослеживаются три главных русла, условно называемые: Восточное, Среднее, Западное. Повсюду между ними следы более мелких русел, стариц, дельтовых озер.

⁵ Результаты последних работ см.: «Низовья Аму-Дарьи...»; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. Все приводимые здесь общие сведения о дельте основаны на этих работах.

ган 6; 65 — стоянка Таджи-Казган 6А; 66 — стоянка Таджи-Казган 10; 67 — находки западнее стоянок Таджи-Казган 5 и 6; 68 — находки в 4,5 км к В от кол. Таджи-Казган; 69 — стоянка Таджи-Казган 8; 70 — находки в 4 км к ВСВ от кол. Таджи-Казган; 71 — находки в 6—7 км к С от кол. Таджи-Казган; 72 — стоянка Куралы 1; 73 — находки в 6—6,5 км к ЗЮЗ от кол. Камысты; 74 — находки в р-не стоянки бронзового века Камысты 1; 75 — находки в 6 км к ЮВ от бугра Уч-Таган; 76 — находки в 22 км к Ю от кол. Бальджан; 77 — находки в 10—11 км к ССВ от кол. Бальджан; 78 — находки в 2,5 км к Ю от кол. Бай-Чувак; 79 — находка у развалин Барак-там; 80 — находки в 13—14 км к ССЗ от развалин Барак-там; 81 — находки в 10—11 км к ССЗ от развалин Барак-там; 82 — стоянка Барак-там

Комплексные археолого-географические исследования показали, что Акчадарьинская дельта, сформировавшаяся в основном в раннехвалынское время, действовала, правда в ослабленном виде, и в IV—II тысячелетиях до н. э., одновременно с протоками Присарыкамьшской дельты⁶. На рубеже III и II тысячелетий до н. э., когда значительная часть протоков Присарыкамьшской дельты была занесена аллювием, течение по Акчадарьинским руслам усилилось; были снова обводнены многие из отмирающих протоков дельты. Позднее, в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.), происходит значительное обводнение Северной дельты; в Южной наблюдается врезание протоков и в связи с этим дренирование ее, исчезновение болот. На рубеже II и I тысячелетий до н. э., в результате интенсивного накопления осадков, районы обеих древних дельт Аму-Дарьи — Акчадарьинской и Присарыкамьшской — оказались сильно приподнятыми; воды реки прорвались в понижения между ними. Началось формирование современной дельты. В античное время Акчадарьинская дельта оказалась полностью осушенной; искусственное орошение базировалось уже на главном русле Аму-Дарьи⁷.

Экологические условия в Акчадарьинской дельте в IV—III тысячелетия до н. э. были близки к наблюдаемым сейчас в современной, Приаральской дельте. «...В это время дельта была, очевидно, еще сильно обводнена, на многих участках заболочена, покрыта густыми зарослями тростника, камышей, осок, деревьев и труднопроходимых кустарников и часто затоплялась паводковыми водами. Здесь, несомненно, водились тигры и другие хищники, было много комаров и гнуса. Человеку тогда нелегко было преодолеть все эти трудности, и потому он мог приходиться сюда на охоту или рыбную ловлю, но жить предпочитал за пределами дельты, хотя и в непосредственной близости к воде»⁸.

Открытые в последние годы неолитические памятники позволяют несколько уточнить последний тезис. Высокие желтые кызылкумские пески, образующие восточный коренной берег дельты, за редкими исключениями не дают находок неолитического времени. Для разветвленных неолитических местонахождений наиболее типична принадлежность их к желтовато-серым аллювиальным пескам, которые на границе дельты наслаиваются на желтые кызылкумские пески и в свою очередь на более низких отметках перекрываются более молодыми акчадарьинскими аллювиальными отложениями (серые пески). Таким образом, точнее будет сказать, и это неоднократно уже отмечалось в печати⁹, что кельтеминарцы предпочитали селиться в окраинных частях дельты, преимущественно вдоль ее восточного коренного берега. Аналогичная картина наблюдается и на северной границе Южной Акчадарьинской дельты, где неолитические находки найдены в зоне контакта дельтовых отложений с возвышенной равниной, сложенной частично коренными породами, частично более древними (верхнетретичными) аллювиальными отложениями.

Сейчас уже довольно значительную группу составляют и стоянки, найденные внутри дельты. По условиям расположения их можно разделить на две группы: 1) стоянки, расположенные близ внутريدельтовых возвышенностей — останцов коренных пород, и 2) стоянки, располагающиеся на берегах русел на внутريدельтовой равнине, вне связи с каким-либо заметными повышениями рельефа. Наиболее выразительны из пер-

⁶ «Низовья Аму-Дарьи...», стр. 344, 345; С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 25, 26.

⁷ С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 91, 92 и сл.

⁸ С. П. Толстов, А. С. Кесъ. История первобытных поселений на протоках древних дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи; «Вопросы географии. Сборник статей для XVIII Международного географического конгресса». М.—Л., 1956, стр. 332.

⁹ «Низовья Аму-Дарьи...», стр. 67, 73 и др.; С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 31; «Очерки истории Каракалпакской АССР», т. 1. Ташкент, 1964, стр. 11.

вых — стоянки Джанбасской группы, из вторых — Каватской. Гипсометрически, да отчасти и геоморфологически, положение стоянок Джанбасской группы близко положению стоянок пограничной части дельты. Часть их расположена в желтовато-серых песках; как и прибрежные стоянки, они находятся рядом с незатоплявшимися возвышенными участками. Каватские стоянки (Кават 5, 7) по своему расположению являются пока уникальными. Они находятся на внутридельтовой равнине и связаны с одним из небольших протоков западной ее части.

Не вызывает сомнения, что разные условия расположения стоянок в пределах дельты в значительной степени связаны с характером водного режима и дельты в целом и отдельных ее районов на том или ином хронологическом этапе исследуемого периода.

Мы уже говорили об основном преимущественно на археологическом материале предположении о том, что на рубеже III и II тысячелетий до н. э. затухающие протоки Акчадарьинской дельты были снова обводнены и дельта вновь возродилась полностью¹⁰. Новые неолитические материалы из разных районов Южной дельты в целом не противоречат этому утверждению. Суммируя все данные по хронологической классификации неолитических памятников дельты, мы не рискнули бы категорически утверждать, что все внутридельтовые материалы — ранние, а прибрежные — поздние. Известно, что стоянки и Джанбасской, и Каватской групп внутри каждой из них разновременны. Однако хорошо известно и другое: все без исключения кельтеминарские стоянки пограничных районов дельты — сравнительно поздние. До сих пор на границе дельтового аллювия и желтых кызылкумских песков не найдено материалов, сколько-нибудь близких хронологически ранним джанбасским.

Ранних находок нет также и в Акчадарьинском коридоре и в Северной дельте. Очевидно, это связано с тем, что они в это время уже не были обводнены. Лишь позднее, в конце III и на рубеже III и II тысячелетий до н. э. в связи с избытком воды в Южной дельте северные русла вновь начали функционировать, что и привлекло сюда часть кельтеминарского населения с юга.

Наконец, если обратиться к топографии еще более поздних энеолитических или раннебронзовых стоянок (камышлинский этап суярганской культуры), то нельзя не отметить, что они полностью продолжают позднекельтеминарскую традицию. В Северной дельте камышлинские стоянки в противоположность более поздним тазабагъябским и суярганским памятникам не связаны с руслами, а найдены на границе дельты с коренными высокими песками, а также во внутридельтовых массивах таких песков¹¹.

Позднекельтеминарские стоянки Южной дельты располагаются на границе дельты, на желтовато-серых аллювиальных песках. Это, видимо, указывает на значительную обводненность и увлажненность дельты еще в начале II тысячелетия до н. э.

История отдельных районов дельты и ее многочисленных и разновременных протоков на разных этапах исследуемой эпохи очень сложна и известна сейчас только в очень общем виде. Однако обилие в дельте разновозрастных неолитических памятников, число которых ежегодно увеличивается, делает вероятной перспективу детального ее изучения.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

15 августа 1939 г. участники раскопок, проводившихся Хорезмской экспедицией на крепости Джанбас-кала, студенты МГУ А. Я. Абрамович и Н. Н. Вактурская обнаружили на песке в 1,5 км к юго-западу от крепос-

¹⁰ «Низовья Аму-Дарьи...», стр. 66 и др.

¹¹ Там же, стр. 83, 84; С. П. Толстов, М. А. Иттипа. Проблема суярганской культуры. СЭ, 1960, № 1, стр. 15.

ти скопление орнаментированной керамики, изделий из кремня, раковинных украшений, костей животных и рыб. Центральная часть скопления располагалась в котловине, замкнутой с севера и с юга небольшими останцами такыра. Площадь ее составляла примерно 50 × 50 м. В том же году был произведен поквдратный сбор находок, все они были нанесены на план. В обрыве северного такырного останца были отмечены выходы неразвезанного, перекрытого суглинком культурного слоя. Небольшая зачистка по краю такыра (квадраты Н—10, 11, 12; О, П—8—10)¹² подтвердила залегание под суглинистым панцирем такыра культурного слоя, сильно насыщенного следами горения. Так была открыта первая неолитическая стоянка в Хорезме — Джайбас 4.

Работы на стоянке были продолжены осенью 1940 г. под руководством С. П. Толстова. Было вскрыто более 150 м² площади стоянки, проведена расчистка и просеивание песка на разрушенной части, давшие дополнительно к сборам 1939 г. новый интересный материал¹³.

Исследование стоянки было прервано Великой Отечественной войной и продолжено в 1945 г., когда была раскопана вся остальная часть ее — северо-восточная четверть, площадью свыше 60 м²¹⁴.

Начавшиеся еще в 1939 г. систематические обследования окрестностей стоянки Джайбас 4 привели к открытию в этом районе множества стоянок первобытной эпохи, большей частью с полностью разрушенным культурным слоем. В 1940 г. число их было доведено до 18, а в 1945 г. — почти до 30. Из них к неолиту были отнесены развезанные стоянки Джайбас 5, 11, 12, 14, 18¹⁵.

В последующее десятилетие изучение первобытных памятников на территории Хорезма почти не производилось, и лишь в ходе широких разведывательных археолого-географических работ в Акчадарьинской дельте (1954—1956 гг.) была обнаружена новая большая серия неолитических стоянок и находок.

В 1954 г. после разведочного автмаршрута Хорезмская экспедиция провела большой наземный маршрут. Он охватил центральную и восточную части Южной дельты, Акчадарьинский коридор, а также отдельные районы Северной дельты — преимущественно центральные, восточные и северо-восточные¹⁶. Наиболее интересные неолитические находки были обнаружены в этом же году в Южной Акчадарьинской дельте — в ее восточной части (район возвышенностей Кокча, Кургашин) и вдоль ее восточной границы (урочища Кунык-Казган, Джингельды, Каунды). В последнем случае были открыты довольно крупные развезанные стоянки,

¹² См. ниже рис. 6.

¹³ О работах на Джайбас 4 в 1940 г. см.: С. П. Толстов. Хорезмская археологическая экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 90, 91; Он же. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. (Предварительные итоги работ Хорезмской археологической экспедиции Ин-та истории материальной культуры АН СССР 1940 г.). ВДИ, 1946, № 1, стр. 81—85. В работах 1940 г. помимо С. П. Толстова непосредственно участвовали Н. Н. Вактурская, Я. Г. Гулямов, И. В. Пташников, Т. В. Равдина, Н. П. Толстов. Раскопные дневники и полевые чертежи 1940 г. хранятся в архиве Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР.

¹⁴ О раскопках на Джайбас 4 в 1945 г. см.: С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1945 г. «Известия АН СССР, серия истории и философии», т. 3, 1946, № 1, стр. 83—86. В раскопках стоянки под рук. С. П. Толстова участвовали Н. Н. Вактурская, Я. Г. Гулямов, М. А. Итина, А. И. Першиц, Т. В. Равдина, Л. Синютина, Н. П. Толстов, Л. С. Толстова.

Полевой документальный материал, за исключением дневников, хранятся в архиве Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР.

¹⁵ О некоторых из этих стоянок см. полевой дневник С. П. Толстова (№ 4, запись от 8.X 1940 г., стр. 43, архив ХЭ); С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 70, рис. 18а, 8—10.

¹⁶ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, 1955, № 6, стр. 95—103.

такие, как Куняк 1, Джингельды 6, Каунды 3 и 4¹⁷, а также сделаны отдельные находки.

В Акчадарьинском коридоре и Северной дельте сколько-нибудь существенных неолитических материалов в 1954 г. не было найдено. Отдельные кремневые изделия были собраны в южной части коридора, в урочище Таджи-Казган, в средней его части, в урочище Кара-Батыр, и, наконец, на восточной границе Северной дельты, в урочищах Бальджан и Байчувак.

В следующем 1955 г. детально обследовался Акчадарьинский коридор и некоторые районы Северной дельты. Находки неолитического времени были обильными. Несколько неолитических стоянок и отдельные находки обнаружены в урочище Таджи-Казган (стоянки Таджи-Казган 2, 3, 5, 6, 6А, 8, 14) и в урочище Куралы (Куралы 1, средняя часть Акчадарьинского коридора). В северной дельте была найдена стоянка Барак-там 10 (северо-восточная часть дельты) и отдельные предметы неолитического времени в урочищах Камысты и Уч-Таган¹⁸.

В 1956 г. разведочными маршрутными работами были охвачены некоторые районы Северной Акчадарьинской дельты, в ходе которых были обнаружены лишь отдельные находки эпохи неолита.

Маршрутные обследования 1954—1956 гг. сыграли важную роль в изучении заключительных этапов истории Акчадарьинской дельты и освоении ее человеком. Ценный материал получен и по эпохе неолита. Десятки вновь открытых местонахождений этого времени — стоянок и отдельных предметов — не только расширили представления о материальной культуре, но и позволили поставить некоторые вопросы истории кельтеминарских племен, в частности вопрос о времени и характере заселения в этот период отдельных районов дельты¹⁹.

Все последующие открытия неолитических памятников связаны с Южной Акчадарьинской дельтой. В 1957 г. были произведены сбор материала и топосъемка — на двух довольно крупных развеечных стоянках: Дингильдже 6 и Кават 5²⁰. Последняя оказалась наиболее интересной, так как была первой стоянкой эпохи неолита, найденной во внутренних районах дельты, вне связи с какими-либо возвышенностями.

В том же году на северной границе Южной дельты, в районе Кургашина, археолого-топографическим отрядом экспедиции было обнаружено еще несколько пунктов с кремневыми орудиями и керамикой неолитического типа, в том числе две небольшие развеечные стоянки (Кургашин Г и Д)²¹.

В 1958—1961 гг. на территории Южной дельты и в горах Султануиздаг были проведены специальные работы по изучению неолитических памятников. Наиболее крупным из исследованных за этот период памятников

¹⁷ Краткую характеристику их в связи с геоморфологическими условиями находок см.: «Низовья Аму-Дарьи...», стр. 71—80; см. также полевые дневники участников разведок Т. А. Жданко, М. А. Итиной (архив ХЭ), А. С. Кесь (Ин-т географии АН СССР) и др.

¹⁸ Об итогах работ 1955 г. см.: С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА 1958, № 1, стр. 106—111; Он же. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг. МХЭ, вып. 1, 1959, стр. 38; «Низовья Аму-Дарьи...», стр. 71—81. Подробные описания условий находок и краткая характеристика материала см. в полевых дневниках участников маршрута Т. А. Жданко, М. А. Итиной, В. Н. Ягодина (архив ХЭ), А. С. Кесь (Ин-т географии АН СССР) и др.

¹⁹ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг., стр. 4—8.

²⁰ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г., МХЭ, вып. 4, 1960, стр. 34; А. В. Виноградов. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР, 1957 г. МХЭ, вып. 4, 1960, стр. 63—81.

²¹ А. В. Виноградов. Новые неолитические находки..., стр. 75, 76.

была стоянка Кават 7. Она была найдена в 1958 г. в том же районе, что и Кават 5. В 1959 г. специальной группой первобытного отряда Хорезмской экспедиции на стоянке был произведен поквартный сбор подъемного материала (на площади около 1600 м²), сняты топографические планы стоянки и окрестностей. Разборка поверхностного горизонта супеси на некоторых участках показала, что культурный слой стоянки неполностью уничтожен и что в нижнем горизонте вместе с множеством столбовых и хозяйственных ям и кострищ он сохранился. Расчистка остатков культурного слоя стоянки дала много интересных находок²². В следующем году работы на стоянке были продолжены специальным отрядом экспедиции. Дополнительно к 200 м² площади, расчищенной в предыдущем году, было раскопано еще 360 м². Одним из главных результатов работ 1959—1960 гг. было выявление на стоянке Кават 7 контуров большого наземного овального жилища с каркасной конструкцией, аналогичного джанбасскому²³.

В это же время список неолитических памятников Хорезма был дополнен новым интереснейшим памятником — каменоломней и мастерской по первичной обработке кремня Бурлы 3, найденной сотрудниками экспедиции во время небольшой разведывательной поездки в горах Султануиздаг. Тогда же она была осмотрена и описана автором, а в следующем, 1961 г. специальным отрядом на ней были проведены разведочные раскопки²⁴. В результате этих работ и последующего осмотра мастерской геологом С. В. Лопатыным (Главгеология Уз.ССР) были выяснены геологические условия месторождения кремня, характер разработки его в древности, объем выработок и основные хронологические этапы работ.

Детальные исследования неолитических и энеолитических памятников дельты были начаты Хорезмской экспедицией совместно с геоморфологами Института географии АН СССР (доктор географических наук А. С. Кесь) в 1965 г. Они проводились разведывательной группой Джанбаскалинского отряда экспедиции²⁵ в двух направлениях: 1) детально обследовался участок восточного берега дельты к югу от Джанбаской возвышенности; 2) проводились комплексные археолого-геоморфологические исследования Джанбасской группы стоянок. Результаты работ оказались очень интересными. Было найдено восемь новых кельтеминарских стоянок (Байрамказганская и Мамурская группы стоянок на восточном берегу; стоянки в районе Джанбаской возвышенности), в том числе две — Джанбас 31 и Джанбас 32 — с культурным слоем, перекрытым мощными отложениями суглинка. Из остальных открытых разведгруппой первобытных памятников особенный интерес представляет раннебронзовая стоянка Байрам-Казган 2, на которой в слое песка, перекрытого суглинком, разведочной шурфовкой обнаружены хорошо сохранившиеся остатки сгоревшего жилища, вероятно полужемлянки с перекрытием каркасной конструкции. Дальнейшие исследования этого памятника, где пока немногочисленная керамика найдена вместе с кремневыми изделиями, несомненно дадут ценный материал для изучения вопроса о судьбах кельтеминарской культуры и генезисе культур бронзового века Хорезма. Наконец, важные результаты

²² В работах 1959 г. участвовали: А. В. Виноградов, С. А. Оленич, С. В. Припоров.

²³ В работах 1960 г. участвовали А. В. Виноградов (нач. отряда), Р. Л. Садоков, Л. А. Фадеев. Основные итоги двухлетних работ на стоянке см.: С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. МХЭ, вып. 6, 1963, стр. 4—6.

²⁴ В работах 1961 г. на Бурлы 3 участвовали: А. В. Виноградов (нач. отряда), С. А. Арутюнов, О. А. Вишневская, Л. А. Фадеев, Н. И. Игонин, О. Бердыев. Краткую информацию о результатах работ см.: С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Указ. соч., стр. 7, 8.

²⁵ Начальник отряда М. А. Итина, руководитель группы А. В. Виноградов. В работе группы участвовали Л. А. Фадеев, Н. И. Игонин (ИЭ АН СССР), Т. П. Грязнова (Ин-т географии АН СССР).

дали комплексные исследования по выяснению основных закономерностей размещения стоянок различных периодов неолита, энеолита и бронзового века в пределах дельты. Продолжение исследований важно не только для характеристики физико-географических условий и их изменений в разные периоды, но и для хронологической классификации стоянок, а следовательно, и истории заселения дельты.

* * *

Попытки обобщить материал были на разных этапах исследования неолитических памятников Хорезма. За четверть века, прошедших с момента открытия первых кельтеминарских стоянок, знания об истории кельтеминарских племен, их хозяйстве, культуре, образе жизни существенно обогатились. В обобщающих работах по истории Хорезма С. П. Толстов, основываясь на материалах стоянок только Джанбасской группы, реконструировал основные черты хозяйства и общественного строя кельтеминарцев²⁶. Его выводы о хозяйстве, общественном строе и круге культурных связей и взаимоотношений неолитических племен Хорезма полностью сохраняют, по крайней мере для раннего этапа, свое значение.

Следующий этап исторических и историко-естественных обобщений связан с широкими комплексными работами в северной и южной частях Акчадарьинской дельты в 1954—1956 гг. Основное внимание, что частично объясняется характером полученного материала, было уделено истории позднелитических племен и главным образом тому физико-географическому фону, на котором она развивалась²⁷. В этот же период автор подвел итог исследований неолитических памятников Хорезма и ряда сопредельных районов — Верхнего Узоя, Центральных и Южных Кызылкумов, Северо-Восточного Приаралья. Наиболее существенными результатами сравнительного изучения неолитических материалов с этой обширной территории была попытка хронологически классифицировать кельтеминарские памятники (выделение раннего и позднего этапов), а также обосновать и выяснить конкретное содержание намеченных в свое время в общем виде С. П. Толстовым южных связей кельтеминара²⁸.

Новые археологические открытия в Хорезме, в особенности в Южной Акчадарьинской дельте, дают сейчас возможность дополнить и уточнить наши знания по некоторым вопросам истории неолитического населения этой территории.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВЕЯННЫХ СТОЯНОК

Так как большая часть неолитических и энеолитических стоянок Хорезма представлена пока стоянками с полностью разрушенным культурным слоем, а остальные в той или иной степени затронуты разрушением, нам представляется необходимым остановиться на некоторых вопросах методики работ на подобного рода памятниках.

²⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 59—66; Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 65—74.

²⁷ С. П. Толстов, А. С. Кесъ. История первобытных поселений на протоках древних дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, стр. 327—336; «Низовья Аму-Дарьи...», стр. 35—82; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 27—47; М. А. Итига. Южное и восточное Приаралье в эпоху первобытности. «Очерки истории Каракалпакской АССР», т. 1. Ташкент, 1964, стр. 9—16 и другие работы.

²⁸ А. В. Виноградов. Кельтеминарская культура. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1957; Он же. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1957, № 1, стр. 25—45.

Роль подъемного материала в общей массе археологических источников может быть различна. Нередки случаи, когда даже после многолетних работ, некоторые этапы истории исследуемого района могут быть охарактеризованы только материалами сборов. Пренебрегать подъемным материалом было бы ошибочно, так как при минимальной затрате сил и средств он почти всегда позволяет сделать некоторые выводы о характере культуры и некоторых сторонах хозяйства населения исследуемой территории в определенный период.

Без использования материала развеечных стоянок нельзя обойтись при определении территории и границ распространения тех или иных элементов материальной культуры, составлении различного рода археологических карт и т. п.²⁹

Особенно велико значение подъемного материала в археологических коллекциях, относящихся к первобытной эпохе. Многочисленные сборы на разрушенных стоянках можно грубо разделить на две группы. К первой относятся отдельные находки и коллекции, собранные во время различного рода работ (сельскохозяйственных, строительных, геологических и пр.), а также часть материала, собранного краеведами. Обычно этот материал сопровождается лишь указанием места находок; часто при сборах на большой территории в одну коллекцию попадает материал нескольких разрушенных стоянок, иногда разновременных. Примером такого рода сборов является известная коллекция краеведов братьев Белослюдовых из района Семипалатинска, хранящаяся ныне в МАЭ. Это очень большое собрание, представляющее и поныне значительную ценность при изучении древнейшей истории Казахстана и Средней Азии, является результатом многолетних сборов на развеечных дюнных стоянках. В коллекции искусственно объединены материалы сборов, по-видимому, на нескольких десятках разновременных (от неолита до эпохи раннего железа) памятников. Хронологически расчленить этот материал трудно, каких-либо гарантий избежать ошибки нет.

Ко второй группе можно отнести материал, собранный как археологами, так и неспециалистами, но хорошо документированный. Сборы проведены, как правило, с каждой разрушенной стоянки отдельно, там, где это было возможно в пределах одного памятника, произведен сбор по отдельным скоплениям, котловинам и т. п.; снят план стоянки с учетом рельефа и расположения отдельных скоплений; описаны условия расположения находок и характер окружающей стоянку местности. Изредка в этих случаях сбор находок проводится по квадратам.

Научная ценность этих двух групп подъемного материала различна. Если первая позволяет получить только общее представление о характере культуры данной территории, о наличии или отсутствии тех или иных форм и признаков на этой территории, то вторая предоставляет исследователю значительно большие возможности, позволяя делать заключения по ряду общих и частных исторических проблем. Мы имеем в виду вопросы хронологии, определения границ археологической культуры, вопросы хозяйства, характера жилища и т. п.

Можно привести убедительные примеры использования подобного материала. В частности по материалам большого числа стоянок с разру-

²⁹ Нельзя не согласиться с А. А. Формозовым, автором единственной, пожалуй, на русском языке специальной статьи об использовании подъемного материала в археологических исследованиях, утверждающим, что «...сборы на дюнах дают важный материал о распространении тех или иных типов орудий и керамики. При установлении области распространения геометрических орудий, области распространения ямочно-гребенчатой керамики и исследовании других подобных вопросов мы не обойдемся без материалов дюнных стоянок. Коллекций из раскопок будет для этой цели недостаточно» (А. А. Формозов. Использование подъемного материала с дюнных стоянок в археологических исследованиях. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 87).

шенным культурным слоем удалось в свое время выделить группы памятников печорской и беломорской неолитических культур, выявить основные черты образа жизни и хозяйства древнего населения, а что касается печорской культуры, то и наметить пути расселения племен — ее носителей³⁰. Не менее убедительны в этом плане недавние археологические исследования в Кайраккумах, в результате которых по материалам нескольких десятков развеечных стоянок выделена кайраккумская археологическая культура эпохи бронзы. Поквадратный сбор и фиксация находок позволили на ряде поселений выявить некоторые элементы их структуры³¹. Некоторые подобного рода примеры приведены в статье А. А. Формозова³².

Наши выводы основаны на практике многолетних работ Хорезмской экспедиции. В ходе работ сотрудники экспедиции выработали основные методические приемы исследования стоянок с развеечным культурным слоем. Правда, развеечные стоянки пустыни, особенно некоторых ее районов, имеют свою специфику, связанную с палеогеографическими и геоморфологическими особенностями территории, отличающую их от дюнных стоянок Европейской части СССР³³, однако, как нам кажется, методика сборов на тех и других не может иметь принципиальных отличий.

Практикой работ установлено, что разрушенные стоянки пустыни по давности и степени разрушения культурного слоя можно разделить на три типа. Деление это чисто условное, однако вызвано практической необходимостью, так как от принадлежности к тому или иному типу зависит применение тех или иных приемов методики сборов материала.

К первому типу относятся стоянки с полностью и очень давно разрушенным культурным слоем. Не исключено, что культурный слой многих стоянок уничтожен еще в глубокой древности, а на некоторых, по видимому, сразу же или вскоре после того как они были оставлены людьми. Уже после разрушения культурного слоя подстилающая его поверхность со спроецированными на нее материалами (изделия из кремня, керамика и т. п.) неоднократно перекрывалась движущимися песками. К такого рода памятникам относятся многие стоянки Узбоя, некоторые стоянки Акча-Дарьи, а из крупных стоянок Северо-Восточного Приаралья, возможно, Саксаульская. Стоянки, развеечные в древности и перекрытые впоследствии песками, часто вводят исследователя в заблуждение. В частности при обследовании стоянки Саксаульской было установлено, что найденные в одной котловине изделия из кремня и кварцита и мелкие обломки керамики относятся к поверхности несколько уплотненной и гумифицированной почвы, которая сохранилась в виде террасок на склонах песчаных бугров, достигающих высоты в 5—6 м³⁴.

³⁰ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, МИА, № 29, 1952, стр. 120—145.

³¹ В. А. Литвинский. Работа отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г. «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.». «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. LXIII. Сталинабад, 1956, стр. 27—34; В. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Раиов. Древности Кайраккумов. (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе, 1962, стр. 142—156, 287—300.

³² А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 85—87.

³³ Непостоянство — во времени и пространстве — источников воды, вокруг которых всегда было сосредоточена жизнь в пустыне (см. А. С. Кесъ. Природные факторы, обуславливающие расселение древнего человека в пустынях Средней Азии. КСИЭ, вып. XXX, 1958, стр. 3—6), привело к тому, что в массе материал развеечных стоянок пустынной зоны хронологически чище, чем такой же материал из районов с иными физико-географическими условиями. К тому же выводу, объясняемому, правда, другими причинами, пришел и А. А. Формозов, обследовавший дюнные стоянки Казахстана и Европейской части СССР (А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 88).

³⁴ А. Л. Янин. Геология Северного Приаралья. М., 1953, стр. 647.

Такая локализация находок вызвала предположение, что под мощным слоем песка могут быть значительные участки неразвезенного культурного слоя. Однако траншеи, заложенные во многих местах стоянки, показали, что песок перекрывает участки и с уже разрушенным культурным слоем³⁵.

Находки на таких стоянках под действием ветра, воды или массы движущегося песка рассеиваются на большой площади, как правило, более или менее равномерно. Часто бывает невозможно установить точное местонахождение стоянки³⁶. Локализация материала по отдельным котловинам, скоплениям является в данном случае лишь результатом механического передвижения предметов и скапливания их в естественных понижениях.

Материал, за очень редкими исключениями, очень неполноценен, так как кости животных и керамика (особенно кости) либо сохраняются в очень незначительном числе, либо полностью уничтожены.

Во вторую группу выделены стоянки, культурный слой которых разрушен сравнительно недавно. В условиях пустыни, с ее аридным, резко континентальным климатом, разрушение культурного слоя происходит чрезвычайно быстро. При этом материалы из культурного слоя проецируются на поверхность подстилающего слоя. Материал, как правило, довольно полный, много керамики и костей. Поверхность подстилающего слоя сохраняет часто некоторые элементы искусственного рельефа жилища — очажные углубления с камнями, хозяйственные ямы (иногда даже с заполняющим их культурным слоем). В Хорезме к этой группе можно отнести большую стоянку амрабадского времени Уй-кала 1³⁷. Культурный слой стоянки почти полностью разрушен, небольшие пятна его, возможно, сохранились лишь в понижениях. Обнаженный в процессе развезания культурного слоя материал в основной своей массе не подвергся еще передвижению. На поверхности подстилающего слоя в некоторых местах хорошо заметны пятна хозяйственных ям, найдены все основные виды археологического материала, в том числе много костей и почти полностью сохранившаяся керамика. Отдельные скопления материала, различная степень насыщенности отражают элементы структуры, планировки жилых комплексов и поселения в целом.

И, наконец, к третьей группе мы относим стоянки, культурный слой которых находится в процессе разрушения. Степень и характер разрушения могут быть различными. На некоторых обследованных Хорезмской экспедицией стоянках разрушению подвергся лишь поверхностный слой культурных отложений, на других, вследствие неравномерного развезания перекрывающих слоев, лишь отдельные участки. К третьей группе можно отнести кельтеминарские стоянки Кават 7 и Джанбас 4, тазабагъябские стоянки Кават 3 и Анга 5³⁸ и стоянку амрабадской культуры Кават 2³⁹. Все они показывают различный характер разру-

³⁵ А. В. Виноградов. Археологическая разведка в районе Аральска — Саксаульской в 1955 г. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», т. 7, археология, 1959. Аналогичная картина характерна и для неолитических стоянок Лявляканских озер, материал которых после разрушения культурного слоя был в ряде случаев перекрыт золотыми песчаными отложениями.

³⁶ Материал кельтеминарской стоянки Кават 5 был рассеян широкой полосой вдоль сухого русла, много вещей найдено в русле. Локализовать стоянку можно было лишь предположительно (см. А. В. Виноградов. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции 1957 г., стр. 63—65).

³⁷ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., стр. 116.

³⁸ Там же, стр. 115, 116; М. А. Игнана. Раскопки стоянок тазабагъябской культуры в 1957 г. МХЭ, вып. 4, 1960, стр. 93—103; Она же. Раскопки стоянки Кават 3 в 1958 г. МХЭ, вып. 6, 1963, стр. 103—106.

³⁹ С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 116; В. Н. Ягодни. Поселение амрабадской культуры Кават 2. МХЭ, вып. 6, 1963, стр. 130—140.

шенности культурного слоя. На стоянках Кават 2 и Кават 7 культурный слой обнажен на всей площади и развеванию подверглась его верхняя часть. На стоянке Кават 3 культурный слой сохранился полностью только в центральной части дома, перекрытой останцем тапыровидного суглинка. Та же картина и на стоянке Джанбас 4, где часть культурного слоя оказалась разрушенной. Основной особенностью стоянок третьей группы являются участки неразрушенного культурного слоя, что позволяет проверить и дополнить выводы, сделанные на основании изучения подъемного материала.

Методические приемы сбора и обработки материала, а в конечном итоге и его научная ценность, во многом определяются временем и характером разрушения культурного слоя. Предлагаемое деление стоянок на три группы отражает лишь основные моменты и не может отразить всего многообразия вариантов, с которыми встречается археолог при исследовании таких стоянок.

Для развеянных стоянок пустыни (а также для многих стоянок, находящихся в иных условиях) характерно расположение находок по отдельным, близко расположенным скоплениям, в котловинах выдувания, на склонах песчаных гряд или в межгрядовых понижениях. Происхождение таких скоплений и их характер могут быть различными. Как мы уже отмечали выше, они могут явиться результатом механического смещения находок и особенностей естественного рельефа местности. В другом случае они могут отражать планировку поселения. Основным и обязательным приемом методики сбора является сбор материала по отдельным скоплениям, а внутри скопления (в том случае, если это целесообразно) по квадратам⁴⁰.

Поквадратный сбор материала имеет смысл только в том случае, если есть уверенность или основание предполагать, что значительная часть предметов находится на месте разрушенного культурного слоя. Это определяется размерами площади и степенью концентрации находок, характером находок (состав, степень оглаженности и т. п.), характером и составом находок в окрестностях скопления, рельефом местности и микрорельефом площади скопления находок и некоторыми другими признаками.

От характера находок и их количества зависит и размер квадратов. На территории отдельных жилищ, в местах наибольшего скопления находок, наиболее целесообразна разбивка квадратов размером 1×1 м или 2×2 м. В местах, бедных находками, квадраты могут быть увеличены. Сбор материала по квадратам должен сопровождаться точной фиксацией каждой находки на плане.

Поквадратный план развеянной стоянки во многих случаях позволяет сделать важные выводы, ускользающие от исследователя при визуальном осмотре стоянки. Мы уже говорили о работах Б. А. Литвинского в Кайраккумах, во время которых ему удалось на некоторых развеянных поселениях выяснить отдельные элементы их структуры. Еще более интересный результат был получен сотрудниками Хорезмской экспедиции во время работ на тазабагъябской стоянке Кават 3. Стоянка была обнаружена в 1956 г. и представляла собой два больших скопления керамики на месте разрушенных жилищ. Поквадратный сбор материала с нанесением каждой находки на план позволил сделать некоторые заключения о характере жилища. По расположению и концентрации находок, а также по некоторым элементам микрорельефа было установлено, что жилище было прямоугольным в плане, размером примерно 11×11 м, имело длинный

⁴⁰ О желательности поквадратного сбора подъемного материала указывается в работе Д. А. Авдусина «Археологические разведки и раскопки». М., 1959, стр. 64, 65; см. также рецензию Н. Я. Мерперта на книгу Д. А. Авдусина (СА, 1961, № 3, стр. 309).

Рис. 2. Тазабэг'ябская стоянка Кават 3. План дома № 1.

a — предположительные границы дома, намеченные по данным поквартных сборов подъемного материала; *b* — план дома по материалам раскопок сохранившейся части культурного слоя.

1 — керамика поверхностных сборов; 2 — граница дома, прослеживающаяся в микрорельефе по поверхности. Образовалась в результате разницы в плотности материка и заполнения жилища; 3 — граница дома по данным раскопок; 4 — хозяйственные и столбовые ямы; 5 — кострища

коридорообразный выход в середине южной стены (рис. 2, а). Раскопки сохранившейся части культурного слоя, проведенные в 1956—1957 гг., полностью подтвердили наблюдения, сделанные на основании подъемного материала (рис. 2, б).

Иногда (из-за недостатка времени, вследствие очень большой площади стоянки и т. п.) провести поквартный сбор материала не представляется возможным. Непременным условием в таком случае является сбор материала по скоплениям, котловинам. Если этот материал не является результатом механического перемещения и отражает планировки поселения, мы будем иметь комплекс находок по каждому жилищу. Научная ценность такого материала значительно повышается, так как он позволяет поставить некоторые вопросы истории поселения, в том числе вопрос об относительной и абсолютной хронологии не только поселения в целом, но и отдельных его жилых комплексов.

Нанесение находок на план по скоплениям позволяет для второй и третьей группы стоянок выяснить их внутреннюю структуру. Таким путем удалось восстановить планировку двух больших амирабадских поселений Уй-кала 1 и Кават 2. На поселении Кават 2 сбор материала и съемка плана по скоплениям сочетались с поквартной разбивкой отдельных наиболее интересных скоплений. В результате был получен план амирабадской «деревни» с рядом отдельно стоящих, расположенных вдоль канала амирабадского времени домов⁴¹. Открытое позднее и раскопанное в 1958—1964 гг. поселение Якке-Парсан 2 показало типичность подобной планировки для поселений амирабадского времени⁴².

Обычно особенно острою критику вызывают обобщения и выводы, сделанные на основе использования подъемного материала и касающиеся вопросов хронологии. Строго говоря, полной гарантии одновременности собранных на поверхности находок, отсутствия среди них инородных хронологически предметов не существует. Применяющаяся методика определения хронологической чистоты комплекса — типологическое сравнение с близкими территориально и культурно и хорошо документированными комплексами или даже с материалом неразрушенной части исследуемого памятника — теоретически дает лишь приближение в той или иной степени к этой полной гарантии. Однако практически дело обстоит несколько иначе. Не останавливаясь сейчас на этом вопросе, отметим, что правильная методика работ на развенных памятниках (в частности сбор находок по квадратам или скоплениям) позволяют иногда провести хронологическое расчленение материала многослойных стоянок (или по крайней мере установить факт их многослойности).

Археологическая практика показывает, что если стоянка многослойна, то, как правило, границы вышележащих культурных наслоений не соответствуют границам нижних⁴³. Благодаря этому на некоторых разрушенных многослойных стоянках при условии сбора материала по квадратам (или в крайнем случае по скоплениям) имеется возможность, кроме участков с перемешанным материалом нижнего и верхнего слоев, практически неразделимым, выделить участки, где представлен материал только более раннего или более позднего слоя. С перемешанностью в одном слое различного материала археолог довольно часто встречается даже на стоянках, исследованных раскопками. Метод выделения чистых комплексов путем точного нанесения на поквартный план каждой находки (иногда с учетом имеющихся стратиграфических наблюдений) для раскопанных

⁴¹ В. Н. Ягодин. Поселение амирабадской культуры Кават 2, стр. 131, рис. 1.

⁴² М. А. Итина. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958—1959 гг.). МХЭ, вып. 6, 1963, стр. 107—110, рис. 4; С. П. Толстов. По древним дельтам..., стр. 68, 69.

⁴³ А. Я. Брюсов. Некоторые теоретические основы хронологии неолита. СА, XVIII, 1953, стр. 21, 22.

стоянок применяется часто⁴⁴. Подобная методика (планиграфия) применяется польскими археологами при работе на дюнных стоянках, где стратиграфические наблюдения крайне затруднены⁴⁵. В качестве примера применения подобной методики на развеейной стоянке можно привести работы на стоянке Саксаульская в 1955 г. При обследовании стоянки было установлено, что мы имеем дело не с одной стоянкой энеолитического времени, как это предполагалось ранее⁴⁶, а по крайней мере с тремя разновременными стоянками, культурные отложения которых до разрушения, по-видимому, частично перекрывали друг друга⁴⁷.

Камеральная обработка материала полностью подтвердила выводы полевых наблюдений. Два северных скопления (стоянка Саксаульская I), разделенные невысокой перемычкой песка, кроме большого количества правильно огаенных тонких ножевидных пластин, дали вкладыши с притупленной спинкой различных типов и мелкие симметричные трапеции. В материале этих скоплений полностью отсутствовали изделия, обработанные техникой двусторонней отжимной регуши: наконечники стрел и коний, а также массивные охотничьи ножи, формы, очень характерные для позднего неолита Северо-Восточного Приаралья. Керамика этого комплекса представлена небольшим количеством обломков орнаментированных круглодонных сосудов.

Совершенно иной характер имеет материал основных центральных скоплений стоянки (стоянка Саксаульская II). Наряду с микролитическими формами (вкладыши, проколки, концевые скребки и т. п.) здесь найдено 13 двусторонне обработанных наконечников стрел, 26 наконечников копий и 8 больших ножей. Каменный инвентарь, а также керамика, для которой характерно уже наличие плоскодонных сосудов и преобладание в орнаментике зубчатого штампа, свидетельствуют о поздненеолитическом или даже энеолитическом возрасте этого комплекса.

Небольшое количество неорнаментированной лепной керамики, отличной по форме и тесту от вышеописанной, найденной в двух южных котловинах, не дает возможности точно датировать третий археологический комплекс (стоянка Саксаульская III). По форме сосудов эту керамику, вероятнее всего, можно отнести к эпохе поздней бронзы или раннего железа.

Характер расположения находок позволил предположить, что культурный слой стоянки Саксаульская I был в какой-то части перекрыт культурными отложениями стоянки Саксаульская II. В таком случае комплекс находок стоянки Саксаульская II включает в себя и некоторое количество материала более ранней неолитической стоянки, практически неотделимого.

Непременным условием работы на развеейной стоянке, независимо от ее состояния, является съемка глазомерного, а если имеется возможность, и инструментального топографического плана стоянки и ее окрестностей. Важное значение при этом имеет соотношение стоянки с естественно-географическими и искусственными элементами рельефа: руслами, озерами, колодцами и копаниями, различными ирригационными сооружениями.

⁴⁴ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 114, 115; О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро 1 на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951, стр. 18—19; Г. Н. Матюшин. Следы мезолитических слоев на неолитических стоянках Южного Урала и Зауралья. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, стр. 18—30.

⁴⁵ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 89.

⁴⁶ А. А. Формозов. Об открытии кельтениарской культуры в Казахстане, «Вестник Каз. ФАН. СССР», № 2, 1945; Он же. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 7—10.

⁴⁷ А. В. Виноградов. Археологическая разведка в районе Аральска — Саксаульской, стр. 75—81.

Наибольшую ценность, разумеется, имеет план, отражающий рельеф местности.

Заключительным моментом работ на развеейной стоянке является проведение разведочной шурфовки. Проведение ее целесообразно на всех стоянках, за исключением стоянок, материал которых рассеян на большой площади и первоначальное положение находок неизвестно. Закладывается одна или несколько узких (60—80 см) траншей различной длины, имеющих целью: 1) выяснить наличие и расположение участков неразвеейного культурного слоя, 2) получить материал для геоморфологических наблюдений.

Как правило, сохранившиеся от развеевания участки культурного слоя заметны уже при предварительном осмотре разрушающейся стоянки, и шурфовка позволяет лишь определить степень его сохранности. Однако известны случаи, когда подобного рода шурфовка приводит к подчас неожиданным результатам. Так было, например, при обследовании кельтеминарской стоянки Дарбаза-Кыр (низовья Зеравшана, работы У. Исламова), когда шурфовкой на месте скопления находок был открыт не только нижний неразрушенный горизонт культурного слоя, но обнаружены еще два культурных слоя⁴⁸.

Мы уже говорили, что указанные методические приемы выработаны практикой работ в условиях пустыни. Не исключено поэтому, что для работ в других районах необходимо применение некоторых других приемов, более точно отражающих специфические особенности и характер материала.

Наиболее сложным является вопрос о возможности использования подъемного материала для тех или иных исторических обобщений. Как мы уже говорили, теоретически не может быть никаких гарантий единовременности любого из подъемных комплексов. Поэтому какие-либо общие и строгие правила в этом отношении отсутствуют. Определение хронологической единовременности находок с каждой разрушенной стоянки—дело сугубо индивидуальное и зависит как от объективных (условия находок и другие уже упоминавшиеся выше признаки), так и от субъективных факторов. В конечном итоге каждое такое определение—на совести исследователя⁴⁹.

Практически чистые хронологические комплексы в подъемном материале не так уж редки. В археологической практике, как мы уже говорили, такой материал постоянно и не без успеха использовался, да и сейчас широко используется для обобщений не только культурного, но и хронологического плана.

В упоминавшейся статье А. А. Формозова даны некоторые рекомендации относительно возможности использования подъемного материала для разного рода исторических обобщений. С большимством из них нельзя не согласиться. Как видно из статьи, степень возможности использования такого материала зависит от многих причин. Мы можем привести лишь некоторые общие соображения по этому вопросу. Как нам кажется, степень достоверности обобщений, сделанных с использованием подъемного материала, может зависеть от следующих основных причин: 1) от характера подъемного материала. Собранный специалистами и, насколько это воз-

⁴⁸ У. Исламов. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана. Л., 1963, стр. 6. Автореф. канд. дисс.

⁴⁹ Именно поэтому при публикации коллекций подъемного материала совершенно недопустимо игнорирование отдельных находок или их групп, даже если они кажутся исследователю бесспорно инородными основному или интересующему его комплексу. В отчете или публикации должны быть по крайней мере упомянуты все типы материалов, происходящих с одного объекта. Случай, когда неучтенный материал оказался одновременным основному комплексу, приведены А. А. Формозовым (См. «Использование подъемного материала...», стр. 87, 88).

можно, хорошо документированный материал безусловно предпочтительнее матернала, собранного случайно; 2) от степени археологической изученности территории и сопредельных территорий; от уровня знаний по данному периоду или проблеме; 3) от массовости материала. Одна развеейная стоянка может дать лишь общее представление о характере культуры; многие десятки стоянок (такие случаи нередки) позволяют делать обобщения, в том числе и хронологические.

В заключение остановимся на одном частном вопросе. В последнее время все более широкое применение получают статистические методы обработки массового археологического матернала. В какой степени и когда подъемный матернал может быть использован для подобного рода анализа?

Здесь сталкиваемся уже с оборотной стороной сложной проблемы определения единовременности находок. Речь идет о возможности утраты подъемным комплексом, по всем данным единовременным, каких-то важных для его культурной и хронологической характеристики признаков. В связи с этим не всякая коллекция с развеейной стоянки, даже если есть серьезные основания считать ее хронологически чистой, может быть включена в серию обрабатываемых статистически матерналов. Например, общеизвестно как быстро разрушается попавшая на поверхность первобытная, особенно неолитическая керамика. Замечено также, что, во вполне понятным причинам, в первую очередь разрушается орнаментированная керамика⁵⁰.

Развеейные неолитические стоянки Акчадарьинской дельты дают примеры, подтверждающие эту особенность (например, стоянка Дингильдже 6). Естественно, что керамический матернал стоянок первого типа и частично второго может исказить общую картину, так как обычно не дает первоначального, истинного количественного соотношения различных типов и мотивов орнамента, форм сосудов и т. п. В противоположность этому кремневый матернал, особенно представленный большой серией стоянок с массовыми находками, вполне пригоден для статистических выкладок и может дать близкое к истинному соотношение различных типов изделий на разных этапах.

В заключение еще раз отметим, что матернал развеейных стоянок — массовый и соответствующим образом обработанный — с успехом может быть использован для решения важных исторических вопросов. Одно из доказательств этого — история древних Амударьинских и Сырдарьинских дельт, воссозданная на матерналах не только десятков раскопанных памятников, но и сотен развеейных стоянок.

⁵⁰ На эту особенность разрушения керамического матернала указывал С. П. Толстов в выступлении на объединенном заседании секции неолита и бронзы и секции археологии Средней Азии на Пленуме ИИМК и ИЭ АН СССР, посвященном итогам полевых экспедиционных исследований 1957 г. Он отметил необходимость проведения лабораторных исследований в этом направлении.

Глава вторая

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АҚЧАДАРЬИНСКОЙ ДЕЛЬТЫ

Глава посвящена описанию материала всех известных в настоящее время неолитических памятников Акчадарьинской дельты. Стоянки уже опубликованные (Дингильдже 6, Кават 5 и др.) характеризуются лишь в общем виде с отсылкой к публикации. Попутно с описанием археологического материала дана краткая физико-географическая и геоморфологическая характеристика условий расположения отдельных групп памятников и каждого из них в отдельности, а в ряде случаев, там, где это вызвано необходимостью, и относительная хронология стоянок в пределах группы.

Описание стоянок дается не в хронологическом порядке, а по двум большим географическим районам (Северная дельта и Южная дельта), а внутри них по более мелким физико-географическим подразделениям (внутренние районы дельты, прибрежные и т. д.).

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНОЙ ДЕЛЬТЫ

Памятники внутренних районов дельты

Джанбасская группа стоянок

Район расположения основной массы первобытных стоянок джанбасской группы¹ — это один из останцов широкой полосы такыров, окруженной песками, тянущейся в направлении северо-восток — юго-запад и окаймляющей с северо-запада Джанбасскую возвышенность. Он имеет неправильную, подтреугольную форму с примыкающим к одной из вершин (северо-восточной) узким, сильно вытянутым и загнутым в виде крючка отростком. С юга, востока и северо-востока джанбасский такыр окружен невысокими грядовыми песками; с запада (основание треугольника) он ограничен полосой мелких разрушающихся такырных островков, разделенных глубокими меридионально вытянутыми котловинами. Здесь некогда проходило русло небольшого дельтового протока².

В 300—400 м южнее такыра начинается массив высоких ячеисто-грядовых, желтовато-серых переветренных древнеаллювиальных песков.

Возвышенность Джанбас и приуроченная к ней группа первобытных стоянок находятся между двумя из трех основных дельтовых русел Акчадарьи: средним и восточным. Следы сравнительно крупных, сильно ме-

¹ Кроме этого основного скопления, стоянки первобытной эпохи были обнаружены у южного склона джанбасской возвышенности (Джанбас 6, 7, 17, 1939—1945 гг.) и далее, к юго-западу от основного скопления, по южной кромке полосы такыров (Джанбас 1, 14, 18; 1939—1945 гг., Джанбас 30, 1965 г.).

² См. рис. 1, нижняя врезка.

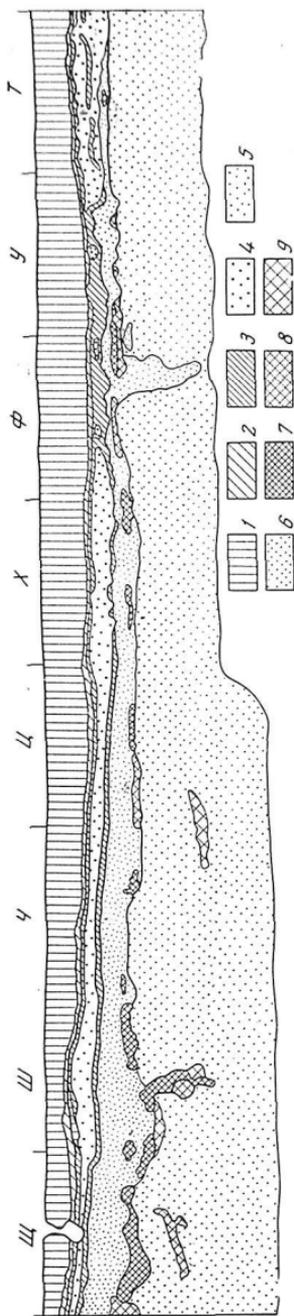

Рис. 3. Стоянка Джанбас 4. Профиль восточной стены осевой траншеи С—Ю на участке квадратов Т—Щ.

1 — суглинок (такыр); 2 — болотный горизонт (суглинок); 3 — болотный горизонт (супесь); 4 — серый перевернутый песок с редкими находками (верхний культурный слой); 5 — серый песок с редкими находками костей раб; 6 — серый зольистый песок с культурными остатками (нижний, основной культурный слой); 7 — темный зольистый слой сингенными следами горения; 8 — темный зольистый слой с угольками; 9 — песок, слегка подкрашенный золой, с угольками

андрирующих дельтовых протоков отрывочно прослеживаются и непосредственно в районе стоянок, в частности южнее и юго-восточнее Джанбасской возвышенности.

Несмотря на сравнительно небольшие размеры такыра (по линии северо-восток — юго-запад — 350—400 м, по линии северо-запад — юго-восток в наиболее широкой юго-западной части, примерно 200 м), уровень его поверхности колеблется в пределах до 1,5 м — от отметок 700—750 вдоль обрывистого, сильно изрезанного юго-западного края, до отметок 580—620 — в северо-западной части³.

Поверхность такыра, особенно в северо-восточной, суженной его части нарушена серией небольших останцов и узких песчаных дефляционных котловин.

Стоянки первобытной эпохи (всего их насчитывается здесь восемь⁴) приурочены к юго-восточному и юго-западному краям такыра, а также к котловинам и межрядовым понижениям примыкающих с юго-востока песков. Культурный слой стоянок, найденных в песках, естественно не сохранился, и полученный материал является подъемным. Стоянки, расположенные по краю такырного шита, представляют особый интерес, так как попадают в число немногих, исчисляющихся буквально единицами, неолитических стоянок в северных пустынных и степных областях Средней Азии с сохранившимся культурным слоем и четкой стратиграфией.

Стратиграфические условия залегания культурного слоя неолитических стоянок этого микрорайона дельты в общем сходны. Поэтому прежде чем приступить к описанию археологического материала каждой из них, коснемся кратко основных особенностей стратиграфии.

³ Отметки от условного нуля.

⁴ Открытые в 1939—1940 и 1945 гг. Джанбас 4, 5, 8, 10, 11, 12; открытые в 1965 г. Джанбас 31 и т. п., «зачистка у шурфа № 2» (Джанбас 32).

Впервые джанбасский такыр был прорезан траншеями на стоянке Джанбас 4. Раскопки стоянки и заложенный в конце раскопок на периферии жилища четырехметровой глубины шурф показали такую последовательность слоев (сверху вниз, рис. 3)⁵.

1. Такыровидный суглинок, плотный, коричневатый, максимальной мощностью до 45 см. Поверхность суглинка (современная дневная поверхность) неровная, в центральной части раскопа он слегка прогнут, по краям, особенно в северной части, приподнят. Разница в уровнях достигает 0,5 м. Мощность слоя колеблется от 0 до 40—45 см. В южной части раскопа толщина его сокращается до 15 см, по другим трем сторонам он выклинивается за счет поднятия подстилающих слоев (на востоке и западе в пределах раскопа, на севере — в конце осевой траншеи — на линии квадратов В₁).

2. Слоистый суглинок с отпечатками болотных растений и перегнившими растительными остатками. Толщина прослойки в среднем 2—3 см.

3. Голубовато-серый (или зеленовато-серый) песок, слегка подкрашенный продуктами гниения растительных остатков, толщина прослойки в среднем 6—8 см, нижняя граница ее очень неровная и прослеживается с трудом⁶.

4. Серый аллювиальный песок⁷. Толщина слоя колеблется от 2—3 до 20 см.

5. Голубовато-серая плотная, песчано-глинистая прослойка толщиной в среднем 2—5 см⁸. Этой прослойке соответствует (а в отдельных местах подстиляет ее) прослеженный в некоторых частях раскопа горизонт глинистой гальки (так называемые колбаски). Голубовато-серая прослойка прослежена не на всей площади раскопа; в ряде мест центральной части его она уничтожена (пробита, смыта?), а в северной части сливается с голубовато-серой песчаной прослойкой (верхний болотный горизонт). Описываемая прослойка полностью повторяет микрорельеф подстилающего слоя, что особенно хорошо видно на осевых разрезах.

6. Серый аллювиальный песок. Прослежен на глубину до 4 м от поверхности.

В нижнем слое обнаружены наиболее выразительные следы деятельности неолитического человека. Здесь в большом количестве встречены остатки сгоревшего дерева и камыша, золистый и прокаленный песок, керамика, кремни, кости животных и рыб. Все это, если исключить различного размера и глубины ямы, располагалось в верхней части слоя непосредственно под нижним болотным горизонтом. Лишь мелкие кости рыб были встречены на глубине до 1,5 м от поверхности суглинка.

В голубовато-серой песчано-глинистой прослойке (нижний болотный горизонт) на большей части площади раскопа находки встречались редко, главным образом это были кости рыб, яичная скорлупа, мелкие утолщенья⁹. Неолитические находки в песчаном слое между верхним и нижним болот-

⁵ Описание дается по материалам полевых чертежей раскопок 1940 г., а также по дневникам раскопок (архив ХЭ, 1939—1940 гг., дневники С. П. Толстова, Н. Н. Вактурской, Т. В. Равдиной, И. В. Пташниковой и др.).

⁶ Прослойки 2 и 3 будут в дальнейшем именоваться первым (верхним) болотным горизонтом. Отметим, что здесь и ниже определения «болотный горизонт», «болотный слой» употребляются в условном значении. Темноокрашенные органическим веществом иловатые прослойки характерны не только для озерных и болотных отложений, но и для старичного аллювия, каковым, очевидно, некоторые из них и являются.

⁷ В дневниках некоторых участников раскопок этот песок описывается как желтый. Сделанная в 1965 г. зачистка части траншеи (1940 г. (в квадратах 20—Э Б, Б)) показала, что это серый акадарьянский аллювий.

⁸ Второй (нижний) болотный горизонт.

⁹ Дневник И. В. Пташниковой, № 8, 1940, запись от 12.IX; см. также коллекционную опись материалов Джанбас 4, хранящихся в ГИМ (колл. список № 2487).

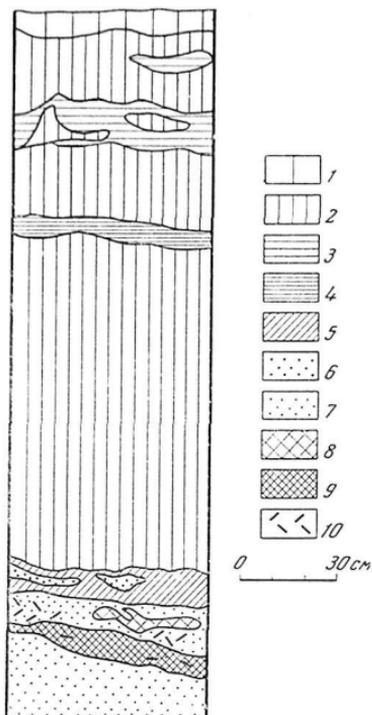

Рис. 4. Профиль стенки шурфа № 22 на стоянке Джанбас 31.

1 — тақырный слой; 2 — суглинок; 3 — плотная сунесь; 4 — алевриты; 5 — болотный горизонт; 6 — коричневато-серый перевеянный песок; 7 — слабо перевеянный серый песок; 8 — слабо окрашенная продуктами гниения песчаная линза; 9 — песок с примесью углей и золы, костями рыб и животных и другими находками (культурный слой); 10 — включения костей рыб

ными горизонтами встречались почти повсеместно, однако сравнительно с находками в нижележащем песчаном слое количество их невелико. Никаких следов жилых сооружений здесь обнаружено не было¹⁰.

Археолого-геоморфологические исследования 1965 г. на джанбасской группе стоянок дают возможность несколько прокорректировать описанную стратиграфию, увязав ее с данными многочисленных археологических и геоморфологических шурфов, заложенных на джанбасском тақыре¹¹. Мы уже говорили, что стратиграфия стоянки

Джанбас 4 в общих чертах характерна для микрорайона в целом. Почти везде в пределах тақыра отмечена вышеуказанная последовательность основных горизонтов: 1) суглинок, 2) болотный слой, 3) аллювиальный песок. Первый расчленяется обычно на тақырный горизонт — поверхностный слой, затронутый почвообразовательными процессами, и собственно суглинок, обычно очень плотный, коричневатый или розоватый. Второй горизонт — болотный слой — захватывает подкрашенную продуктами гниения растительных остатков нижнюю часть суглинка и верхнюю часть аллювиального песка. И, наконец, серый амударьинский аллювиальный песок, показывающий обычно в нижних частях шурфа горизонтальную слоистость (здесь он мелко- и среднезернистый по составу, с большим количеством пылеватых частиц), а в верхних — в различной степени затронутый перевеянием и отсортированным, в ряде случаев со следами жизнедеятельности человека. Естественно, имеются отклонения от этой схемы, ее варианты. Так, выше уже отмечалось, что стоянка Джанбас 4 дает два болотных горизонта, разделенных прослойкой песка. Аналогичный случай отмечен и в северной части зачистки у шурфа № 2. В южной и юго-восточной частях тақыра поверх суглинка наблюдается развитие алевритов. В отдельных случаях линзы и тонкие прослойки их можно видеть и в толще

¹⁰ В дневниках участников раскопок этот горизонт определяется иногда как «верхний культурный слой» или «верхний горизонт» стоянки (см. дневники: С. П. Толстова, № 3, 1940 г., запись от 11.IX; Н. Н. Вактурской, № 7, запись от 11.IX; И. В. Пташниковой, № 8, 1940 г., запись от 11.IX; Н. П. Толстова, № 9, 1940 г., запись от 14.IX (архив ХЭ)).

¹¹ Работы проводились совместно разведгруппой Джанбаскалинского отряда Хорезмской экспедиции и геоморфологическим отрядом Ин-та географии АН СССР, руководимым доктором географических наук А. С. Кесь.

суглинка. Все эти слои и прослойки аллювиального происхождения, они отражают различные этапы подтопления района и в каждом случае характер водного режима.

Скопление на этой, очень ограниченной территории нескольких разновременных памятников первобытной эпохи позволяет реконструировать пока, правда, еще в грубой приближенной форме одну из страниц заключительного этапа истории развития этого района дельты.

Как видно по разрезам стоянок Джанбас 4, Джанбас 31 и зачистки у шурфа № 2, остатки поселений неолитического времени приурочены к верхней границе аллювиального песка и перекрыты болотным горизонтом и слоем суглинка. В шурфе № 22 на стоянке Джанбас 31 (рис. 4) культурный слой в виде окрашенного золой песка, содержащего кости рыб, животных, угольки, а также обломки керамики и кремни, перекрыт мощным (160—165-сантиметровым) панцирем суглинка с тонкими прослойками супеси и болотным горизонтом, разделенным местами на две прослойки линзами коричневатого-серого переветяного песка. Толщина основного горелого слоя незначительна (5—10 см), очевидно, шурфом прорезано кострище, однако 10—15-сантиметровая песчаная прослойка между ним и болотным горизонтом не является стерильной. Кости рыб встречены в ней в большом количестве, реже встречаются другие находки. Аналогично залегание культурного слоя (в верхней части серого аллювиального песка) в

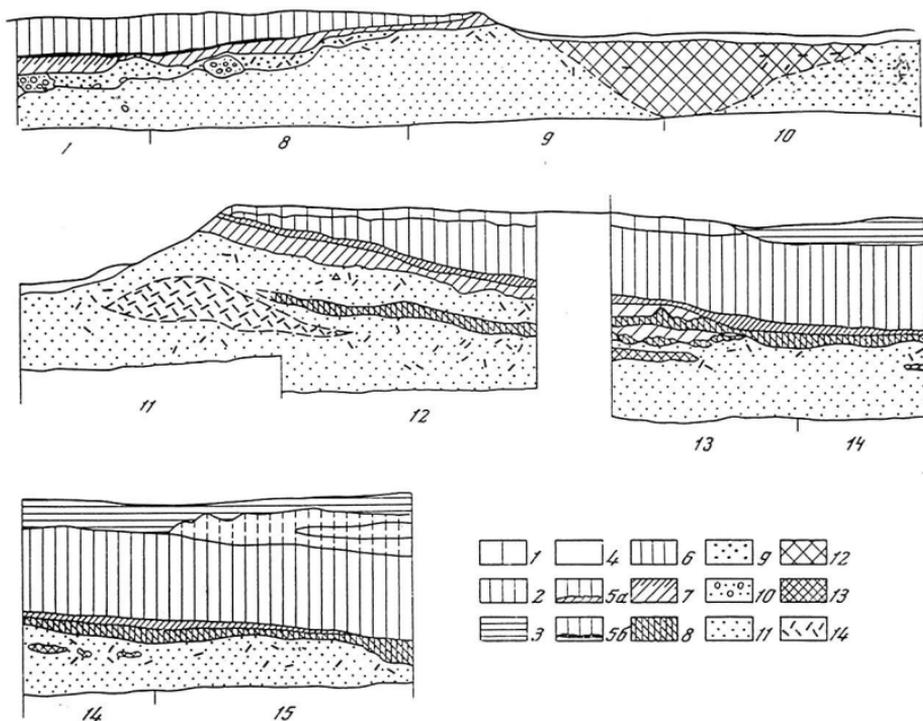

Рис. 5. Зачистка у шурфа № 2. Разрез по осевой бровке С — Ю.

1 — такрыный слой; 2 — плотный суглинок; 3 — алевроиты; 4 — переветаемый песок (поверхность дефляционной котловины); 5 — верхняя суглинистая прослойка верхнего болотного горизонта, несколько различающаяся в северной и южной частях разреза; 6 — суглинисто-супесчаная прослойка; 7 — нижняя песчаная прослойка верхнего болотного горизонта; 8 — нижний болотный горизонт; 9 — сильно переветянный, хорошо отсортированный песок; 10 — кротовины; 11 — слабо переветянный серый песок; 12 — уплотненный и прокаленный песок; 13 — темный золистый песок; 14 — кости рыб и интенсивные скопления их

разрезах двух других шурфов этой стоянки (№ 26 и 27). Как и в первом шурфе, здесь прослойка с интенсивными следами горения (в шурфе № 26 обнаружены сгоревшие толстые прутья и палки) и находками отделена от болотного горизонта прослойкой песка с более редкими находками неолитической культуры.

Несколько более сложна стратиграфия зачистки у шурфа № 2. Шурфом, расширенным затем до размеров небольшого раскопа (23 м²), был прорезан край узкой дефляционной котловинки. Зачисткой и неглубокой траншеей вскрыт участок выклинивающегося в котловину суглинка и перевеваемого песка на поверхности котловины. На всей площади зачистки (глубина ее не превышала 80 см от поверхности) прослежен серый слабо перевеянный песок с мелкими охристыми включениями и примесью мелких суглинистых зерен (рис. 5). В южной¹² части зачистки, в месте выклинивания суглинка в котловину, в разрезе и при расчистке отчетливо выделялись два болотных горизонта, сливавшиеся дальше к югу в один, более толстый слой. В северной части между болотным горизонтом (здесь он только один) и серым слабоперевеянным аллювиальным песком проложенной траншеей открыта неровная по толщине прослойка светло-серого кварцевого среднезернистого, хорошо перевеянного песка.

Следы обитания неолитического человека здесь не столь ярко выражены, как на стоянках Джанбас 4 и 31, однако наиболее выразительные из них (остатки кострищ, скопления костей рыб), так же, как и на Джанбас 4, приурочены к уровню ниже второго болотного горизонта. Значительно реже находки встречались в песчаной прослойке между верхним и нижним болотными горизонтами.

Наконец, отдельные обломки неолитической керамики, кремни и мелкие кости животных и рыб вне связи с какими-либо следами долговременного обитания (возможно, в переотложенном виде) найдены в верхних слоях песка непосредственно под болотным слоем (здесь он один) и суглинком в шурфах № 3, 9, 10 (район зачистки у шурфа № 2).

Наблюдаемое в разных местах такыра некоторое разнообразие в характере и составе верхней части слоя аллювиального песка вызвано, возможно, не только природными факторами (размыв, перевевание и т. п.), но отчасти и прямым воздействием неолитического человека.

Многочисленные шурфы дали материал для реконструкции микрорельефа этого района в неолитическое время. В свое время С. П. Толстов высказал предположение, что обитатели стоянки Джанбас 4 построили свой дом на выровненной вершине большого бархана¹³. Сейчас можно говорить о песчаной поверхности этого микрорайона в неолитическое время, как о слабо расчлененной с грядовым или грядово-ячеистым рельефом. Две серии шурфов, давшие поперечные разрезы такыра, показали это, особенно в южной и юго-восточной частях¹⁴, там, где локализируются неолитические стоянки, достаточно четко. Шурфами вскрыты участки древней дневной поверхности в межгрядовых понижениях, на гребнях гряд и на их склонах. Более поздние суглинистые отложения сnivelировавшие древний микрорельеф, наиболее мощны (до 1,6—1,7 м) в межгрядовых котловинах и выклиниваются по гребням гряд. По данным шурфовки и топосъемки, глубина межгрядовых понижений достигает 1,5 м, а расстояние между гребнями колеблется в пределах от 20 до 35 м. Ориентировка гряд (северо-северо-восток — юго-юго-запад) в общем была близка современной (грядо-

¹² Шурф, траншея и прирезанная к ним зачистка ориентированы не по странам света, а поперек котловины. Примерная ориентация их северо-запад — юго-восток. Поэтому для зачистки определения «северный», «южный» — условны.

¹³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 60.

¹⁴ В западной и северо-западной частях такыра, где стратиграфия усложнена из-за непосредственной близости к руслу, реконструировать древний микрорельеф сложнее.

выс пески к юго-западу от такыра). Это подтверждается и направлением цепочек узких дефляционных котловин, соответствующих выклиниванию или значительному уменьшению мощности суглинка по гребням гряд.

Несмотря на то, что находки неолитического времени отмечены в верхних слоях песка по крайней мере в восьми шурфах, сейчас еще трудно судить об общей закономерности в локализации кельтеминарских жилищ относительно микрорельефа. О наличии остатков жилищ, кроме стоянки Джанбас 4, с уверенностью можно говорить лишь по данным шурфовки на стоянке Джанбас 31. Особенно интересен в этом плане материал раскопок Джанбас 4 — осевые разрезы¹⁵, характер разрушения такыра в районе стоянки и другие наблюдения.

Выклинивание слоя суглинка по краям осевых траншей достаточно хорошо видно на обоих профилях, особенно выразительно на профиле восток — запад (разрез поперек реконструируемого грядового рельефа). Показательно, что с востока и запада выклинивание суглинка и обнажение поверхности гребней двух песчаных гряд, как и в других частях такыра, произошло естественным путем, в результате постепенного разрушения слоя суглинка. На западе это узкая дефляционная котловина, продолжением которой (и соответственно гребня гряды) является котловина, перерезанная зачисткой у шурфа № 2. На востоке — край такырного цита.

Расстояние между гребнями равно здесь примерно 20 м, глубина межгрядовой котловины небольшая — не более 0,5 м.

Данные осевых разрезов на стоянке Джанбас 4 (особенно это касается сильно закультуренной поверхности серого аллювиального песка) нельзя рассматривать как отражение естественного, ничем не нарушенного песчаного рельефа. Под длительным воздействием деятельности человека, причем не исключено, что в какой-то степени и преднамеренной, грядовой песчаный рельеф оказался несколько сnivelированным, сохранив, однако, и в этом виде свои основные признаки.

Таким образом, можно с большой уверенностью считать, что жилище стоянки Джанбас 4 было сооружено на сравнительно ровной (может быть, в какой-то степени искусственно выравненной) поверхности межгрядовой понижения, захватывая частично и склоны гряд. Если сопоставить при этом форму жилища и его ориентировку (северо-восток — юго-запад) с направлением гряд, то можно видеть, что длинная ось его соответствует в целом направлению гряд и что, следовательно, построено оно было не только с учетом климатических условий (господствующие ветры и т. п.), но и микрорельефа, в конечном итоге зависящего от климата.

Что касается стоянки Джанбас 31, где наличие остатков жилища почти бесспорно, то о ней можно сказать лишь, что она, как и Джанбас 4, расположена в понижении, которому соответствует максимальный по мощности слой суглинка. По-видимому, ширина и заглубленность межгрядовой котловины здесь более значительны. Если принять за гребень гряды край такыра в 30 м юго-западнее шурфа № 22, где суглинок выклинивается, то уровень стоянки будет на 1,7—1,8 м ниже гребня.

Как установлено геоморфологическими исследованиями, проведенными А. С. Кесъ, со временем, когда в котловинах между невысокими песчаными грядами селились кельтеминарцы, можно связывать функционирование одного небольшого протока, следы которого обнаружены при шурфовке в западном углу такыра и прилегающей зоне разрушенных такыров.

¹⁵ Упрощенный вариант осевых разрезов стоянки Джанбас 4 см.: «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения». МХЭ, вып. 3, 1960, стр. 67, рис. 32. В верхней части рисунка помещен разрез север — юг (не полностью), внизу восток — запад.

По материалам аэрофотосъемки устанавливается его общее направление на этом участке — северо-восток — юго-запад.

Водный режим в районе джанбасских стоянок в эпоху неолита был, по-видимому, сравнительно стабильным. Стратиграфический материал показывает, что с момента, когда здесь впервые поселились кельтеминарцы, и до полного затопления и перекрытия песков мощным слоем суглинка (а период этот, как мы покажем ниже, был довольно значительным), произошло только одно подтопление. Оно было кратковременным, возможно, не захватило всей территории и относилось к заключительному этапу обитания здесь кельтеминарцев. В стратиграфической колонке — это нижний болотный горизонт, наиболее отчетливо выраженный на стоянке Джанбас 4 и в зачистке у шурфа № 2. После подтопления жизнь здесь возобновилась, а возможно, если оно было локальным, и не прерывалась. Отметим еще раз, что по насыщенности культурными остатками прослойка перевеянного серого песка между двумя болотными горизонтами значительно уступает верхней части основного песчаного слоя, перекрытого нижним болотным горизонтом. В этой прослойке в частности не обнаружено пока никаких следов долговременного обитания. О большом затоплении, представленном в стратиграфической колонке верхним болотным горизонтом и мощным слоем суглинка, мы уже говорили. Когда оно произошло?

Если нижнюю хронологическую границу подтопления определяют последние неолитические находки, то верхнюю — лежащие на поверхности суглинка остатки поселений эпохи бронзы. Это прежде всего открытые еще в 1939—1940 гг. стоянки Джанбас 8 и Джанбас 10. Культурного слоя обе стоянки не сохранили, однако скопления керамики, очажных камней, обломков зернотерок показывают, что здесь были долговременные жилища. Материалы Джанбас 10 располагаются на алевритах, выравнивающих поверхность суглинка, а материалы Джанбас 8, находящиеся уже за пределами такыра, — на отложениях, выполнивших русло упоминавшегося выше протока. Обе эти стоянки могут быть датированы временем не ранее середины — второй половины II тысячелетия до н. э. Таким образом, большое затопление джанбасских неолитических стоянок и время образования слоя суглинка может быть хронологически отнесено к первой половине II тысячелетия до н. э. с возможной незначительной корректировкой. С какого уровня были спроецированы на поверхность такыра и русловых отложений находки бронзового века — сейчас сказать трудно.

Мы касались до сих пор лишь стоянок джанбасской группы, расположенных в пределах такырного щита и в ясных стратиграфических условиях. Между тем еще несколько стоянок с разрушенным культурным слоем, но массовыми находками на поверхности керамики, кремня, раковинных украшений и даже костей животных и рыб располагаются в песках по восточному (точнее юго-восточному) краю такыра. Это Джанбас 5, 11, 12. Все они были открыты в 1939—1940 гг.

Извилистый край такыра обрывается здесь, образуя глубокие (от 1 м в северной, до 2,5 м в южной частях) песчаные котловины.

Находки, преимущественно неолитические, встречаются на песке вдоль всего края такыра, концентрируясь в отдельных местах на дне котловин и примыкающих к краю такыра песчаных склонах (стсынки Джанбас 5 и 12).

Третья из развееванных неолитических стоянок — Джанбас 11 — находится в 80—100 м восточнее южного угла такыра. Она расположена уже в пограничной зоне серых песков со слабо расчлененным грядовым рельефом, в одной из межгрядовых котловин.

Трудно судить о первоначальном положении находок на этих развееванных стоянках. Хотя даже в пределах одной стоянки можно выделить от-

дельные скопления, они не отражают первоначальной структуры жилища и являются лишь результатом механического перемещения находок в связи с особенностями современного микрорельефа. Если взять крайние точки, то уровень расположения находок на дне и склонах котловин будет колебаться в пределах: для стоянки Джанбас 12 — от 480 до 670 см; для стоянки Джанбас 5 — от 550 до 650 см; для стоянки Джанбас 11 — от 550 см до 680—700 см. Напомним, что поверхность края такырного щита имеет здесь отметки 750—700 см.

В заключение отметим, что несколько неолитических местонахождений обнаружено за пределами вышеописанного основного скопления стоянок джанбасской группы. Это прежде всего развезенные стоянки Джанбас 14 и 18, найденные в 1939—1940 гг. в двух с небольшим километрах к юго-западу от Джанбас-калы (800—900 м к юго-юго-западу от Джанбас 4), а также отдельные находки и небольшие скопления предметов неолитического времени как на Джанбасской возвышенности, так и в некоторых пунктах вокруг нее. Условия находок различны. Скажем лишь, что наиболее выразительные из них (хотя и не идущие в сравнение с комплексами основной группы) стоянки Джанбас 14 и Джанбас 18 располагаются по юго-восточному краю полосы такыров (на границе с песками), в систему которых входит и небольшой такыр, описанный выше под именем джанбасского.

Перейдем к описанию каждого открытого и исследованного в районе Джанбас-калы археологического комплекса.

Стоянка Джанбас 4. Стратиграфия стоянки описана выше¹⁶. Как уже отмечалось, тонкая глинисто-песчаная прослойка (нижний болотный горизонт), в ряде мест уничтоженная или сливающаяся с верхним болотным горизонтом, делит верхний слой серого аллювиального песка с находками неолитического времени на два горизонта: нижний и верхний. Происхождение этой подкрашенной органическими остатками прослойки связано с временным подтоплением участка, поэтому выделение двух культурных горизонтов в сером песке бесспорно.

Наиболее интенсивное скопление культурных остатков (сгоревшее кельтемпнарское жилище и относящиеся к нему культурные отложения) относится к нижнему горизонту. Это нижний (основной) культурный слой стоянки Джанбас 4. Верхний культурный слой, представляющий собой тонкую песчаную прослойку между болотными горизонтами, содержал очень мало находок.

Разделяющая прослойка была открыта проложенной разведывательной траншеей. Поэтому производившаяся по штыкам разборка культурных отложений стоянки проводилась с учетом двух культурных слоев — верхнего и нижнего. Находки из верхнего слоя были выделены в процессе раскопок, для нижнего же слоя было проведено более дробное деление: культурный слой сгоревшего жилища (золистый слой), песок ниже основания жилища и т. д.¹⁷

Не говоря уже о количестве, характер находок из верхнего и нижнего культурных слоев существенно различен. Поскольку в предварительных публикациях материалов раскопок принадлежность их к тому или другому культурному слою не оговаривалась, мы обратились к самим материалам и имевшейся в нашем распоряжении полевой документации¹⁸.

¹⁶ См. стр. 26—27; рис. 3 на стр. 26.

¹⁷ В дневниках и этикетках материалы верхнего культурного слоя определялись как находки из «первого культурного слоя», «верхнего горизонта», «первой разборки». См. полевые дневники С. П. Толстова, Н. Н. Вактурской, И. В. Пташниковой и других участников работ 1940 г., а также коллекционную опись № 1487 материалов раскопок 1940 г., хранящихся в ГИМ.

¹⁸ Так как часть материалов 1945 г. сейчас утрачена, за основу взяты материалы раскопок 1940 г., когда было вскрыто более $\frac{2}{3}$ площади жилища. Необходимо сразу

Уже та часть материала, которая отчетливо расчленяется на две стратиграфические группы, позволяет сделать заключения о характере культурных остатков из двух слоев стоянки и дать общую характеристику каждого из них. Мы уже отмечали, что количественно находки из нижнего, основного слоя решительно преобладают.

По данным описей, все, за отдельными исключениями, опубликованные в свое время С. П. Толстовым материалы стоянки Джанбас 4 относятся к нижнему культурному слою. К числу исключений относятся в основном находки, точное стратиграфическое положение которых сейчас неясно. Что же касается верхнего слоя, то находки из него не только очень немногочисленны, но и отличны по характеру. Керамики очень мало, и представлена она мелкими обломками. Кремневые изделия также редки: преимущественно — это обломки, отщепы, сечения ножевидных пластин. Среди находок из верхнего слоя довольно много рыбьих костей, встречаются яичная скорлупа, створки съедобных раковин, раздробленные кости животных и другие находки подобного рода. Ни остатков очагов, ни каких-либо ярко выраженных следов горения здесь не найдено, встречены лишь мелкие угольки и небольшие комки подкрашенного золой песка. В качестве иллюстрации количественных и качественных различий находок из верхнего и нижнего культурного слоев приведем перечень находок из кв. 15-Р¹⁹.

Перечень находок	Нижний (основной) слой	Верхний слой
Керамика	10	—
орнаментированная	4	—
неорнаментированная	6	—
Кремни	10	—
Камни (обломки песчаника) . .	4	—
Створки раковин	1	1 (пронизка)
Кости животных	—	7 обломков зубов
Кости рыб	59	2
Яичная скорлупа	36	1
Угли	есть	нет

Естественно, что другие участки дома дают многочисленные варианты и отклонения, однако приведенная таблица отражает общую закономерность в соотношении количества и типов находок из разных слоев стоянки.

Характер культурных отложений нижнего основного слоя совершенно ясен; понять верхний слой стоянки помогают результаты шурфовок и зачистка у шурфа № 2 на джанбасском такыре. Выше говорилось, что в северной, узкой части такыра (район стоянки Джанбас 4 и к югу и юго-западу от нее) в верхних слоях песка обнаружены редкие находки вне связи с хорошо выраженным культурным слоем или следами долговременного обитания. Стратиграфически некоторые из них соответствуют

же отметить, что они не во всех случаях позволяют сейчас выделить из общей массы находки, относящиеся к каждому из культурных слоев. Дело в том, что коллекционная опись материалов 1940 г., насчитывающая 12 134 номера, указывает точное стратиграфическое положение находок только в 4839 случаях, а в 7295 ограничивается только указанием квадрата.

¹⁹ Восточная часть дома, участок между центральным очагом и кольцом периферийных бытовых очагов.

верхнему слою Джанбас 4. Аналогичную ситуацию и стратиграфически и по характеру находок дает зачистка у шурфа № 2, ее песчаная прослойка, залегающая, как и на стоянке Джанбас 4, между двумя болотными горизонтами. Все данные свидетельствуют о том, что самая верхняя, заметно перевеянная прослойка серого песка на всей площади восточной и юго-восточной частей такыра содержит редкие, довольно равномерно (без каких-либо ярко выраженных скоплений) рассеянные находки. Поэтому было бы более логично говорить не о верхних слоях стоянки Джанбас 4 и зачистки у шурфа № 2, а о весьма обширном участке с редкими находками неолитического времени. Хронологически—это период между кратковременным подтоплением (нижний болотный горизонт) и затоплением района (верхний болотный горизонт и суглинок). Интерпретировать этот пока маловыразительный культурный горизонт можно только предположительно. Возможно, эти редкие рассеянные на большой площади находки являются результатом разрушения культурного слоя одной или нескольких стоянок, стратиграфически более поздних, чем Джанбас 4. Об этом свидетельствуют признаки заметной перевеянности песка, составляющего этот горизонт. Не исключено, что дальнейшими исследованиями на этом уровне будут найдены следы долговременных жилищ.

Перейдем к характеристике археологического материала. Отметим, что в описаниях использован лишь материал с ясными стратиграфическими условиями²⁰. В основу описания положены материалы раскопок 1940 г., а также сохранившиеся материалы 1945 г. Использование слабо документированных находок (это относится в значительной степени лишь к иллюстративному материалу) всегда оговорено особо.

Нижний (основной) культурный слой. Результаты раскопок этого слоя достаточно хорошо известны по работам С. П. Толстова²¹. Здесь были расчищены остатки большого (24 × 17 м, общая площадь около 320 м²) овального в плане наземного жилища каркасной конструкции из дерева и камыша (рис. 6). Характер жилища — его размеры и внутренняя планировка — и анализ вещественного материала позволили С. П. Толстову уже после раскопок 1940 г. сделать вывод, что жилище это было обиталищем родовой общины, для которой был характерен дислокальный брак или во всяком случае еще очень неустойчивая парная семья²².

Вещественный материал, полученный в процессе разборки культурного слоя жилища — преимущественно керамика, изделия из кремня и кости животных и рыб, — оказался очень обильным. Общая характеристика находок была дана в упомянутых выше работах С. П. Толстова. Ниже приводится более подробное описание материала раскопок.

Керамика. В коллекции керамики со стоянки Джанбас 4 имеются обломки примерно 200 сосудов различных форм. Из них, по данным описей, к нижнему слою относится около 80 сосудов, к верхнему — 10—15. Судя по характеру орнамента, большая часть остальных сосудов также относится к нижнему слою. Вся керамика ручной лепки изготовлена лен-

²⁰ По этой причине все статистические данные (соотношение различных типов орнамента и т. п.) имеют относительный характер и отражают лишь общую закономерность.

²¹ С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма. (Основные итоги работ Хорезмской экспедиции ИИМК 1939 г.). ВДИ, 1941, № 1, стр. 156—159; Он же. Хорезмская археологическая экспедиция 1940 г., КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 90, 91; Он же. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. (Предварительные итоги работ Хорезмской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, 1940 г.). ВДИ, 1946, № 1, стр. 61—65; Он же. Древний Хорезм, стр. 56—66; Он же. По следам древне-хорезмийской цивилизации, стр. 65—74.

²² С. П. Толстов. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, стр. 61, 62.

точным способом. Следы спайки глиняных полос хорошо видны на многих обломках. Керамика изготовлена из местных глин и тяжелых суглинков. В качестве примеси чаще всего употребляется шамот, реже дресва и толченые раковины. Особую, довольно значительную группу составляет так называемая песочная керамика, содержащая в тесте в качестве отощителя значительную примесь мелкого кварцевого песка. Эта керамика отличается и по обжигу. На стоянке Джанбас 4 из такого теста изготовлены преимущественно полусферические чаши и ладьевидные сосуды. Поверхность сосудов обработана дополнительно тонкоотмученной глиной и имеет следы заглаживания, производившегося обычно пучком травы, резе гребенкой.

В большинстве случаев сосуды обожжены слабо и неравномерно, обычны пятна на стенках, в изломе черепок темного цвета. Обжиг поверхностей сосудов красновато-коричневый, коричневатого-серый. Песочная керамика, как правило, более тонкостенная, обожжена лучше и имеет однородный серый или коричневатого-серый плотный черепок.

Выделяются следующие формы сосудов:

а) Большие вертикально вытянутые сосуды с несколько раздутым туловом и слегка отогнутым наружу венчиком, круглым или близким к коническому дном (рис. 7, 1—9). Бортик округлый, реже уплощенный; это характерно и для сосудов других форм. Размеры сосудов значительны. Диаметр горла колеблется в пределах от 20 до 30 см, высота по реконструкции достигает 40 см и более. При диаметре в 25 см и высоте в 40 см вместительность такого сосуда будет около 20 л. Сосудам больших размеров соответствуют, как правило, большая толщина стенок. Замечено, что для сосудов с диаметром горла в 20—26 см (наиболее типичный размер) характерна толщина стенок в 0,5—0,7 см; для сосудов же с диаметром в 30—32 см она равна соответственно 0,7—1,0 см. Учитывая величину сосудов, можно предположить, что они служили не только для приготовления еды, но и для хранения небольших запасов пищи и воды.

В описываемой группе имеются варианты и по размерам, и по форме, однако их немного. Наиболее интересны из них сосуды той же формы, но несколько иных, более приземистых пропорций (рис. 7, 9).

б) Чаши полусферической или близкой к ней формы. Это сосуды с широким открытым горлом, прямыми, резко суживающимися книзу стенками и округлым или приостренным дном (рис. 7, 10—13). Эта серия дает варианты в пропорциях и форме венчика. Последний иногда слегка наклонен внутрь сосуда. Диаметр чаш различный, они, как правило, тонкостенны (0,3—0,6 см).

в) Сосуды с корытообразными открытыми сливами. Как установлено по материалам стоянки Дингильдже 6²³, это те же полусферические чаши, возможно, иногда не круглые, а овальные в плане. Отметим, что среди находок, бесспорно относящихся к нижнему слою, имеются два обломка открытых сливов. Около десяти таких обломков имеются в материалах, стратиграфическое положение которых неясно²⁴.

г) Сосуды ладьевидной формы — небольшая группа сосудов, не имеющих близких аналогов в первобытной керамике Средней Азии. По форме напоминают половину разрезанного вдоль яйца (рис. 8). Как правило, тонкостенны и изготовлены из песочного теста.

д) Сосуды с узким прямым или расширяющимся кверху горлом и, оче-

²³ А. В. Виноградов. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции 1957 г. МХЭ, вып. 4, 1960, стр. 70, 71, рис. 7, 6—7, 9.

²⁴ См. рис. 11, 7—10 на стр. 41. Из нижнего слоя происходит обломок сосуда со сливом № 6.

Ю —————> С

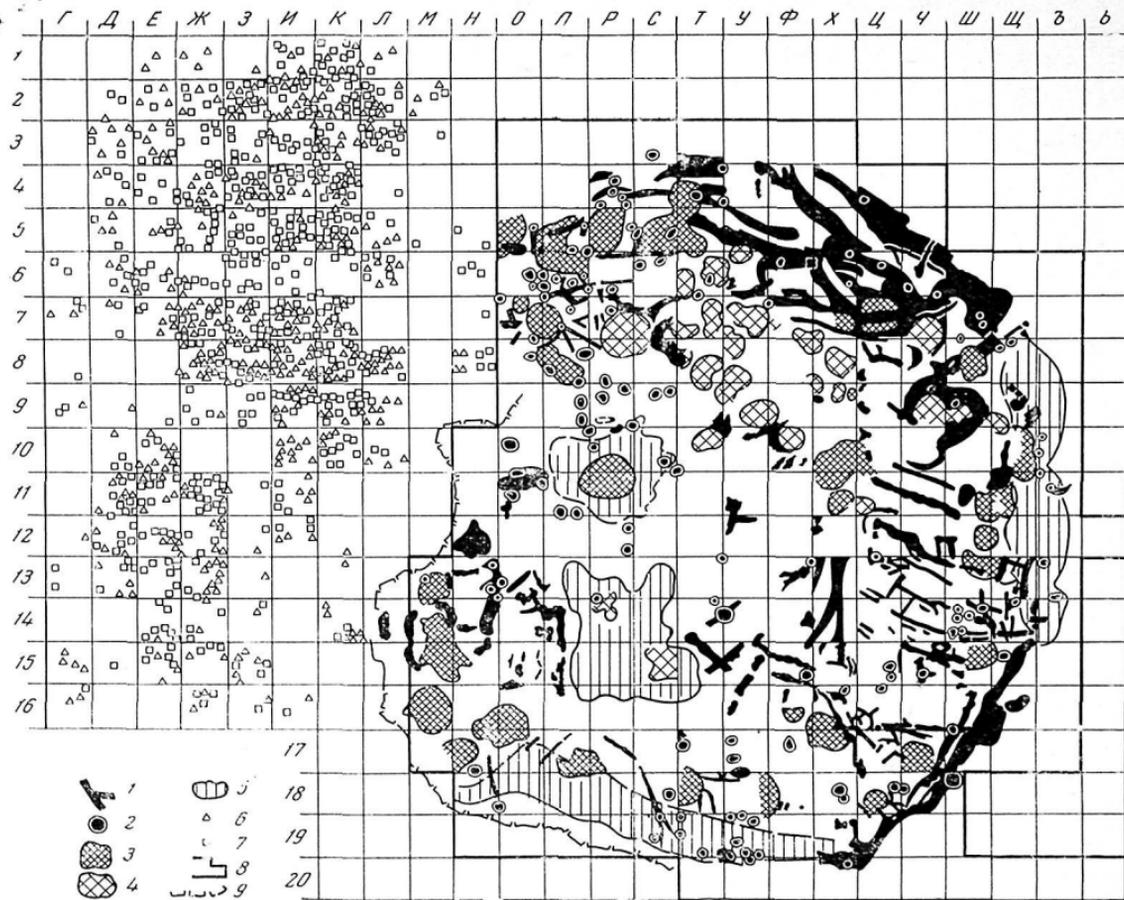

Рис. 6. Стоянка Джамбас 4. Нижний слой. Остатки сгоревшего наземного жилища кельтеминарцев.

1 — остатки сгоревших деревянных конструкций; 2 — столбовые ямы; 3 — остатки очагов с интенсивными следами горения (угли, пепел, зола); 4 — остатки очагов с менее интенсивными следами горения; 5 — пятна волнистого песка; 6 — обломки керамики; 7 — изделия из кремня (6 и 7 даны только для развеейной части стоянки); 8 — границы раскопа; 9 — границы такыра

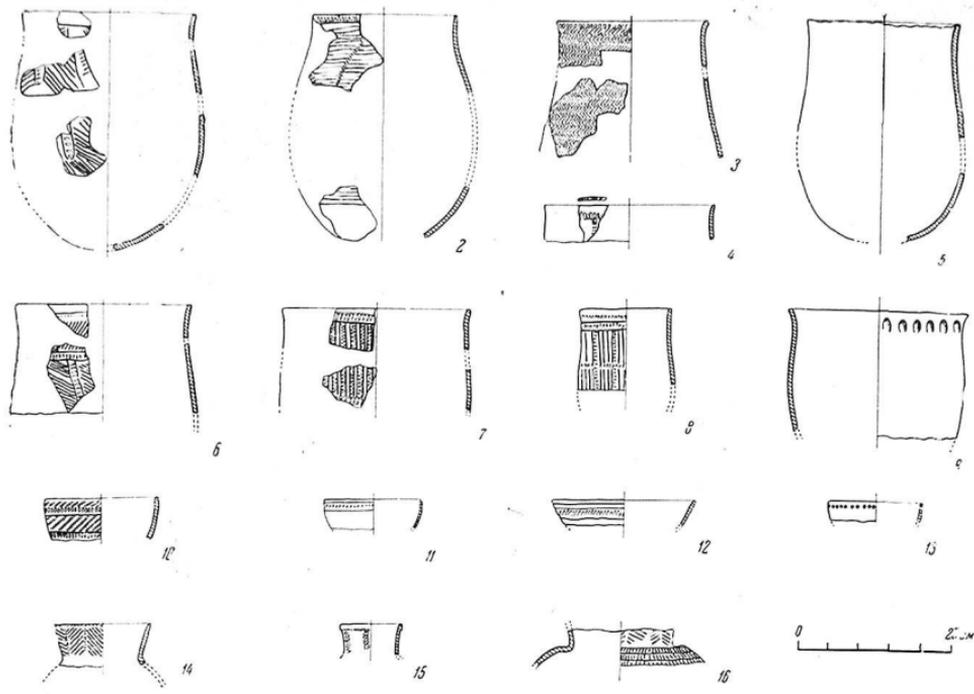

Рис. 7. Стоянка Джанбас 4. Керамика из нижнего слоя

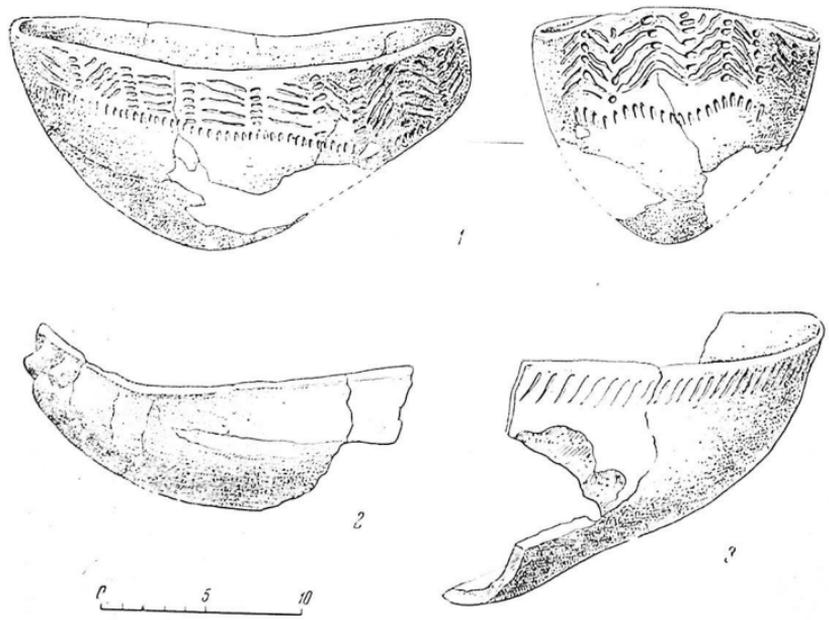

Рис. 8. Стоянка Джанбас 4. Керамика из нижнего слоя. Сосуды ладьевидной формы

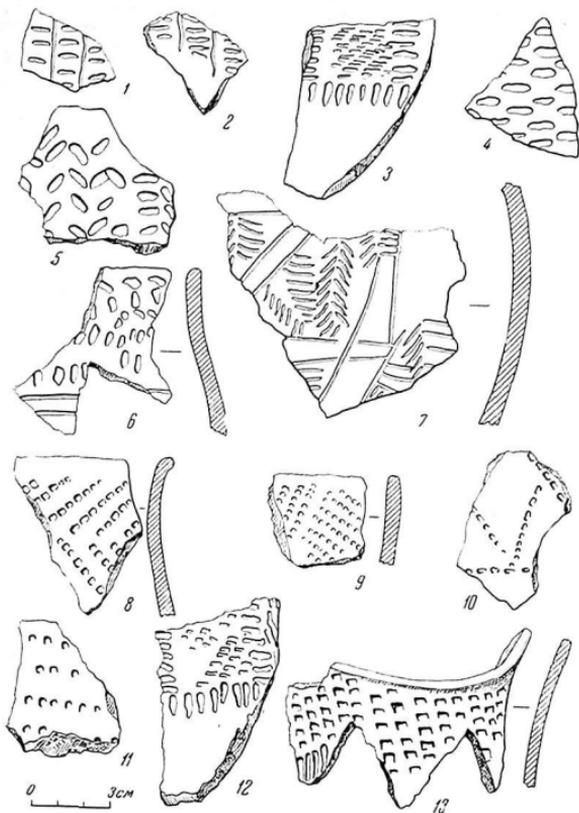

Рис. 9. Стоянка Джанбас 4. Керамика из нижнего слоя

видно, близким к шаровидному туловом. Серии не составляют, различны по профилировке верхней части (рис. 7, 14—16)²⁵.

Сосуды первого и второго типов составляют основную массу керамики нижнего слоя. Остальные больших серий не дают и представлены обычно единичными экземплярами.

Большая часть керамики нижнего слоя орнаментирована. Преобладает орнамент: 1) прочерченный прямолинейный и волнистый; 2) нанесенный в виде овальной формы вдавлений; 3) в форме тонких коротких насечек. Эти три вида в самостоятельном значении и в сочетании составляют свыше 80%. Прочерченный орнамент в самостоятельном значении и в сочетаниях составляет около 40% и занимает первое место. Прочерченный орнамент играет преобладающую роль в композиции; в большинстве комбинаций его с орнаментом в виде вдавлений и насечек последний имеет подчиненное значение.

Зубчатый орнамент встречается реже и составляет не более 6—8%. Единично встречены другие типы орнамента — ямочный (как разновид-

²⁵ На составленной нами сводной таблице керамики и кремневых изделий кельтеминарской культуры («Низовья Аму-Дарья...», стр. 70) изображены как относящиеся к раннему этапу два хорошо профилированных сосуда со стоянки Джанбас 4, в общих чертах близкие к сосудам описываемого типа (3-й вертикальный ряд слева, второй и третий рисунки сверху). По данным описей, обломки первого из них (второй сверху, неорнаментированный) найдены в обоих слоях стоянки. Можно предполагать, что сосуд этот, отличающийся от керамики нижнего слоя по характеру обжига и к тому же сильно профилированный, относится скорее всего к верхнему слою. Принадлежность другого сосуда к какому-либо определенному слою неясна.

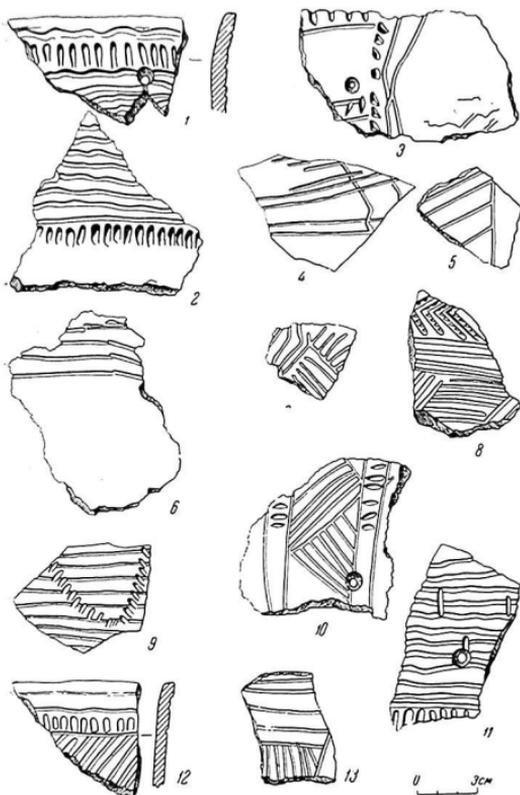

Рис. 10. Стоянка Джанбас 4. Керамика из нижнего слоя

ность вдавленного), нанесенный отступающей палочкой, полукруглые (ногтевые) вдавления. Инструментов, которыми наносился орнамент, не найдено.

Охарактеризуем более подробно основные элементы орнамента и орнаментальные композиции. Все, даже наиболее сложные, композиции образованы различными сочетаниями небольшого числа сравнительно простых элементов. Это образованные насечками или вдавлениями лесенка и елка, ограниченные прочерченными линиями или без них. Эти элементы играют и самостоятельную роль — в форме сплошного заполнения ими орнаментального поля (рис. 7, 3; рис. 9, 1, 2, 5, 8) и вспомогательную, являясь частями более сложных орнаментальных мотивов, обычно геометризированных (рис. 7, 6—8, 16 и др.; рис. 9, 7; рис. 10, 1, 3, 10). В последних случаях они образуют контуры фигур, пространство которых заполнено отрезками прямых или волнистых линий либо вдавлениями.

Другим, более сложным элементом являются геометрические фигуры (трех- и четырехугольники, многоугольники), образованные отрезками прочерченных линий без каких-либо других вспомогательных элементов (рис. 10, 4, 5, 7, 8). Можно выделить три основных типа заполнения орнаментального пространства:

а) Сплошное заполнение простыми, повторяющимися элементами орнамента (елка, лесенка и др.; рис. 7, 3; рис. 9, 8—9, 13; рис. 11, 3—4).

б) Деление орнаментального поля на горизонтальные поля или вертикальные пояса, заполняемые какими-либо повторяющимися элементами, либо в свою очередь делящиеся на систему мелких фигур (рис. 7, 6—8, 10; рис. 10, 10; рис. 9, 3).

в) Орнаментальное поле, заполненное простыми повторяющимися элементами (волнистые линии, вдавления, полосы насечек), делится на ряд крупных геометрических фигур, иногда неправильной формы (рис. 7, 2; рис. 10, 2, 9, 11).

Единично встречаются и другие приемы. Из них особенно интересен орнаментальный мотив в виде несоединяющихся друг с другом «плавающих» овально-вытянутых фигур с поперечными насечками на фоне сплошь заполняющих поле волнистых прочерченных линий (рис. 7, 1).

Обычно орнаментом покрывалась не вся наружная поверхность сосуда. Насколько можно судить по обломкам, у большинства сосудов из нижнего слоя орнаментировано до $\frac{9}{10}$ наружной поверхности. У некоторых,

в большей степени это относится к полусферическим чашам, украшена только верхняя часть (до $\frac{1}{3}$ высоты). Дно орнаментировалось редко. Независимо от характера орнаментации тулова верхняя часть сосуда — венчик, иногда шейка — выделялись орнаментально: прорезанными линиями, полосами прямых или косых насечек, либо сочетанием тех или других элементов (рис. 7, 2—3, 7—8 и др.; рис. 10, 1).

У открытых полусферических чаш орнамент иногда покрывал и внутреннюю поверхность. Техника и композиции его аналогичны вышеописанным. Уплощенные бортики сосудов нередко украшались полосой насечек или вдавлений.

Нарезным орнаментом не исчерпывалось украшение джанбасской керамики. Еще в первых публикациях материала стоянки отмечались случаи окрашивания стенок сосудов красной или желтой охрой — явление малохарактерное для культуры степного неолита.

При обработке материалов мы отметили семь случаев частичного окрашивания стенок сосудов, часть их относится к керамике из нижнего слоя. В одном случае была открыта роспись: на обломке, на наружной поверхности под венчиком красной краской была нанесена неширокая полоса (фрагмент с неясным стратиграфическим положением). Окраска очень нестойкая; по словам участников раскопок, окрашенные сосуды были встречены в большем количестве, чем отмечено нами; очевидно, впоследствии краска осыпалась или потускнела.

Уникальными для стоянки и кельтеминарской керамики в целом являются наленты, которыми украшен один из ладьевидных сосудов. На узкой части тулова, непосредственно под венчиком он имеет выпуклость, увенчанную двумя коническими выступами. Выпуклость образована прогибом наружу части стенки сосуда, выступы налентные (рис. 8, 2). С. П. Толстов, отметивший необычность этого приема для кельтеминарской керамики, считает, что наленты эти «несколько напоминают парные конические выступы некоторых антропоморфных сосудов из Тепе-Гиссар, Трои и средневропейского неолита, где они символизируют женские груди»²⁶.

К керамическим изделиям относится и небольшое количество дисков с отверстиями в центре. Все они сделаны из обломков сосудов, преимущест-

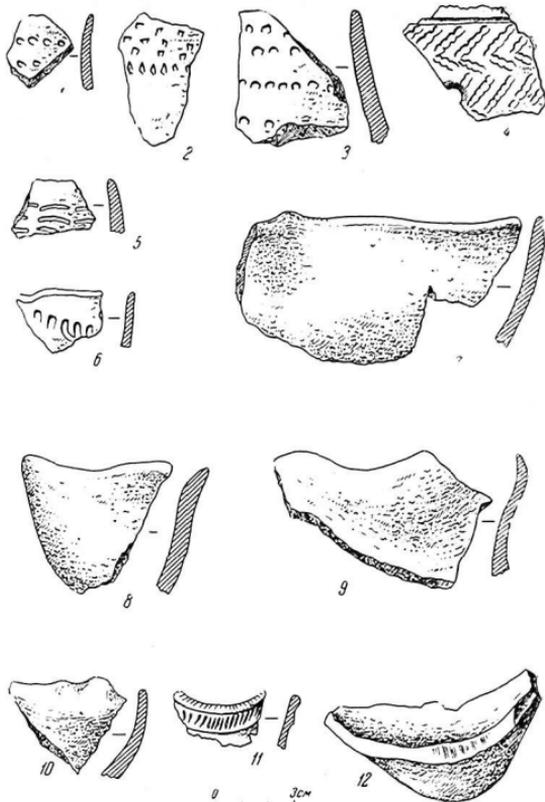

Рис. 11. Стоянка Джанбас 4. Керамика
1—6 — из нижнего слоя; 7—12 — с неясной стратификацией

²⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 64.

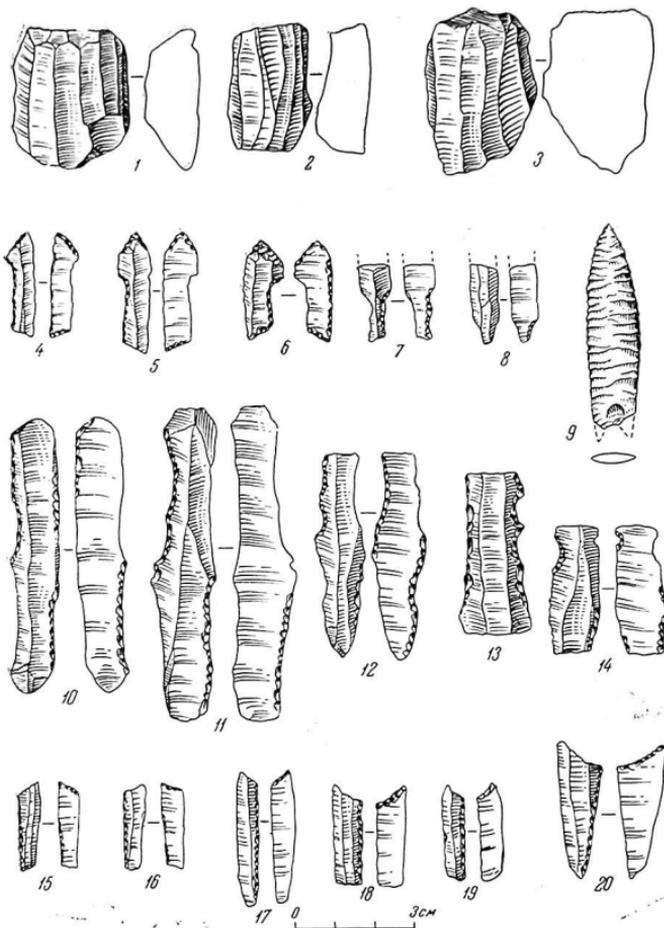

Рис. 12. Стоянка Джанбас 4. Изделия из камня, нижний слой

венно неорнаментированных. Диаметр дисков от 5 до 8,5 см; отверстия небольшие — 0,2—0,5 см. Эти изделия очень похожи на обычные керамические пряслица, однако назначение их было, видимо, иным, так как отверстия на некоторых экземплярах слишком малы, чтобы эти изделия можно было использовать как пряслица. Не исключено, что это рыболовные грузила²⁷.

Изделия из камня. Основная масса — это кремневые орудия, заготовки для них и отходы кремневого производства. В коллекции из нижнего слоя, насчитывающей свыше трех тысяч предметов, преобладает кремнь коричневатых тонов, реже встречается белый. Материал не валунный и не галечный, а из коренного месторождения; об этом свидетельствуют следы желвачной корки, часто с щеткой мелких кристаллов горного хрусталя.

Характер кремневой индустрии — пластинчатый, микролитический. Ножевидные пластины с ретушью и без ретуши составляют половину находок; другая половина является по существу отходами производства. Крупных обломков и отщепов сравнительно немного (около 70), осталь-

²⁷ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, М., 1955, стр. 164, рис. 32.

ное — это мелкие отщепы и мельчайшие чешуйки. Из 300 законченных орудий только около 20 изготовлено из отщепов.

Характер кремневой индустрии хорошо отражают найденные в нижнем слое нуклеусы (рис. 12, 1—3). Они представлены серией в 40 экземпляров; в принципе они однотипны. Главной особенностью джанбасских нуклеусов (и кельтеминарских вообще) является односторонность: лунки — следы снятия правильно ограниченных пластин — покрывают обычно от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ окружности нуклеуса; противоположная сторона представляет собой либо желвачную корку, либо неровную поверхность излома. Ударные площадки, оформленные несколькими сколами, обычно скошены назад, основания нуклеусов чаще всего неправильно клиновидны.

В коллекции имеется также несколько ребристых пластин — отходов при первоначальном оформлении нуклеуса, а также сколов оживления — поперечных сколов с ударной площадкой.

Мы уже отмечали, что подавляющее большинство орудий сделано из ножевидных пластин, преимущественно из сечений различной длины. Среди неретушированных пластин более трети представляют собой отходы — искривленные или утолщенные концы пластин.

Орудия представлены следующими основными типами:

а) Наконечники стрел. Преобладают пластинчатые наконечники с асимметричной боковой выемкой и подтреугольным пером, известные в литературе как «наконечники кельтеминарского типа» (5 экз.; рис. 12, 4—6; рис. 13, 8). Ретушь, образующая выемку, обычно крутая, перо всегда оформлено пологой ретушью с брюшка, а часто еще и со спинки; основание скошено. Наконечники стрел других типов встречены единично. Два обломка пластинчатых черешковых симметричных наконечников не имеют точного паспорта (рис. 12, 7—8). Наконеч, происхождение единственного в материале из раскопок двусторонне обработанного листовидного наконечника с выемкой в основании (рис. 12, 9) также не совсем ясно. Он склеен из двух обломков; один из них происходит из нижнего слоя (квадрат П-11), происхождение другого неизвестно. Дело осложняется тем, что орудие это выделяется по материалу; серый кварцит, из которого изготовлен наконечник, для стоянки не характерен²⁸.

б) Пластины с боковыми выемками. Представлены серией в 42 экз. Наиболее характерны довольно крупные изделия с широкими двусторонними асимметрично расположенными выемками (рис. 12, 10—12). Реже встречаются орудия с одной или серией небольших полукруглых выемок по одной из сторон (рис. 12, 13), а также изделия типа «с выделенной головкой» (рис. 12, 14). Ретушь обычно крутая, особенно со стороны спинки.

в) Ножевидные пластины с притупленным краем — вкладыши. Серия эта, насчитывающая около сорока изделий, может быть типологически разделена на три группы. Первая — пластины с притупленным краем и скошенными концами (рис. 12, 15). Ретушь концов обычно противоположащая, довольно крутая, по форме орудия близки к параллелограмму.

Во второй группе относятся изделия с притупленным краем и одним скошенным концом (рис. 12, 16—19). Часть их, очевидно, обломки вкладышей первого типа, но только часть, так как изделия эти в большинстве более или менее крупных кельтеминарских комплексов составляют устойчивые серии. Об этом свидетельствует и встречающаяся нечасто разновидность их — асимметрично треугольные изделия с притупленным краем и скошенным концом, близкие по форме к «классическим» микролитам (рис. 12, 20). Третью группу составляют пластины-вкладыши с притупленным

²⁸ По данным описей, среди находок на развешенной части стоянки также был двусторонне обработанный наконечник стрелы («стрелка с двусторонней ретушью», оп. ГИМ, № 755, кв. Д—4). Среди хранящихся в ГИМ материалов этот наконечник не был нами найден.

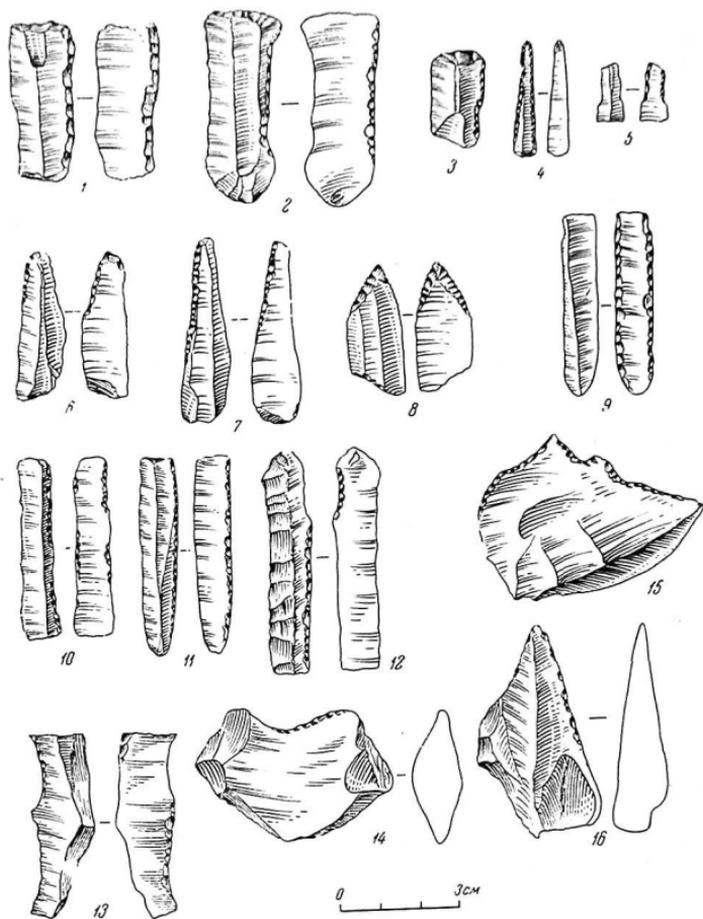

Рис. 13. Стоянка Джанбас 4. Изделия из камня, нижний слой

краем. В нижнем слое их немного, но обычно они количественно преобладают над изделиями двух первых групп.

г) Проколки и сверла из ножевидных пластин. Точно разграничить эти два типа изделий без микроанализа невозможно. К проколкам мы относим орудия, изготовленные из мелких ножевидных пластин, обработанных с двух сторон ретушью, образующей длинный и острый рабочий конец (рис. 13, 4—5). Сверла обычно более массивны, имеют прочный рабочий край, подправленный несколькими косыми сколами (рис. 13, 6—7).

д) Скребки. В коллекции из нижнего слоя имеются только концевые скребки, да и то их очень мало. Из четырех экземпляров два — на длинных сечениях широких пластин, два — несколько меньшего размера (рис. 13, 1—3). Для всех характерна обработка боковых сторон крутой противоположающей ретушью.

е) Ножевидные пластины с ретушью. В коллекции их около 150 и разделяются они лишь типологически (рис. 13, 9—12). Наибольшую часть составляют пластины (преимущественно обломки) с частичной краевой ретушью. В особые группы выделяются сечения пластины с приостряющей противоположающей ретушью с двух сторон, или такой же ретушью с одной стороны — с брюшка или со спинки. Несомненно, большая часть этих изделий применялась в качестве вкладышей. В коллекции имеется

также несколько ребристых пластин с легкими нерегулярными выемками, образованными довольно крутой ретушью (рис. 13, 13).

Орудий, сделанных не из ножевидных пластин, в материалах нижнего слоя очень мало. Кроме нескольких отбойников — массивных граненых кремней с вмятинами на ребрах, заслуживает внимания лишь небольшая группа изделий, изготовленных из крупных неправильной формы отщепов путем грубоватой подправки острых краев излома. Это массивные скобели с одним или несколькими вогнутыми рабочими краями (рис. 13, 14) и орудия в форме остроконечника (рис. 13, 15—16). Последних в коллекции со стоянки 7 экз.; происхождение шести неизвестно, один обнаружен в нижнем слое. Форма этих орудий, имевших толстое основание и очень острый конец, целиком зависела от формы отщепов, которые, очевидно, специально подбирались. Грубоватая ретушь слегка подправляла лишь края изделия. Назначение их не совсем ясно. Возможно, они использовались как провертки, не исключено употребление этих орудий в качестве ножей.

В материалах нижнего слоя найдены орудия, изготовленные из других пород. Из зеленовато-серой породы (очевидно, султануиздагский амфиболит) изготавливались шлифованные орудия. Найдены лишь обломки их. Рыболовные грузила с желобком по окружности (3 экз.) или сверленным отверстием (1 экз.) делались из песчаника. Из него же вырабатывались и зернотерки; обломок зернотерки найден в нижнем слое.

Изделия из кости. Судя по описаниям и дневникам раскопок, на стоянке было найдено примерно 30 изделий из кости. Нами в коллекциях ГИМ и МАЭ зарегистрировано 17 изделий; помимо этого, семь изделий из кости оказались в числе сделанных в 1946 г. зарисовок. Оговоримся сразу же, что ни одно из них не имеет точного паспорта; известно лишь, что они происходят из культурного слоя стоянки, указаны также номера квадратов. Поэтому можно лишь предполагать, что большая часть находок относится к нижнему культурному слою.

Изделия из кости в целом довольно интересны. Большинство их (17 экз.) — наконечники. По форме они делятся на три типа:

а) Игловидные. Составляют большую часть коллекции (10 экз., рис. 14, 1—5, 7—10, 12) и различаются лишь диаметром.

б) Игловидные с уплощенным насадом (2 экз., рис. 14, 6, 11).

в) С выделенной головкой. Среди них имеются три подтипа: игловидные с перехватом, выделяющим головку (1 экз., рис. 14, 13), с короткой биконической головкой (1 экз., рис. 14, 14), с короткой конической головкой (3 экз., рис. 14, 15—17). Все изделия, за исключением наконечников с уплощенным насадом, круглые в сечении; длина насада неизвестна, так как все наконечники представлены мелкими обломками.

Кроме наконечников, среди изделий из кости имеются украшения. Это цилиндрические пронизки различного диаметра; некоторые внешне напоминают пронизки из раковин *Dentalium* (рис. 14, 18—21)²⁹

Украшения из раковин характерны для всех кельтеминарских комплексов Акчадарьинской дельты. На стоянке Джанбас 4 они найдены в обоих слоях, преимущественно в нижнем. В коллекции из нижнего слоя имеются в большом количестве белые и желтоватые цилиндрические пронизки из раковин *Dentalium*³⁰, треугольные бусы с гофрированной поверхностью и сверленным отверстием из раковин *Chlamis*, а также круглые или овальные сверленные бусы из створок *Rectunculus*, последние белого или желтовато-белого цвета с хорошо заполированными краями. Все эти виды встречаются в коренных отложениях исследуемого района. Возможно, употреб-

²⁹ По данным дневников, в числе находок из нижнего слоя имелся костяной «кинкал» длиной около 21 см, а также обломки костяного пряслица.

³⁰ Определения раковин со стоянки Джанбас 4 произведены Б. Н. Цветковым.

Рис. 14. Стоянка Джанбас 4. Изделия из кости (с неясной стратификацией)

лялись в качестве украшений и створки аральских *Cardium edule* L. Несколько обломков их найдено в нижнем слое.

Большое место среди находок из нижнего слоя занимают пищевые отбросы. В культурных отложениях особенно много костей рыб. Результаты определений костей рыб и животных уже опубликованы³¹. Повсеместно в культурном слое были найдены обломки яичной скорлупы, а также раковин моллюсков, употреблявшихся в пищу.

Верхний культурный слой. О характере и насыщенности культурными остатками верхнего культурного слоя стоянки Джанбас 4 говорилось выше. Отмечалось также, что большую часть находок в слое составляют пищевые отбросы: кости рыб, животных, яичная скорлупа, створки съедобных раковин. Среди керамики и кремневых изделий выразительных находок немного, однако даже они (главным образом это относится к керамике, ее орнаментике) показывают уже совершенно другую, более позднюю ступень культуры.

³¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 60; Г. В. Никольский и Д. В. Радаков. К истории ихтиологической фауны Средней Азии. «Зоологический журнал», т. XXV, 1946, вып. 1, стр. 61—75; Г. В. Никольский, Д. В. Радаков и В. Д. Лебедев. Остатки рыб из неолитической стоянки Джанбас-кала № 4. ТХЭ, т. 1, 1952, стр. 204—212.

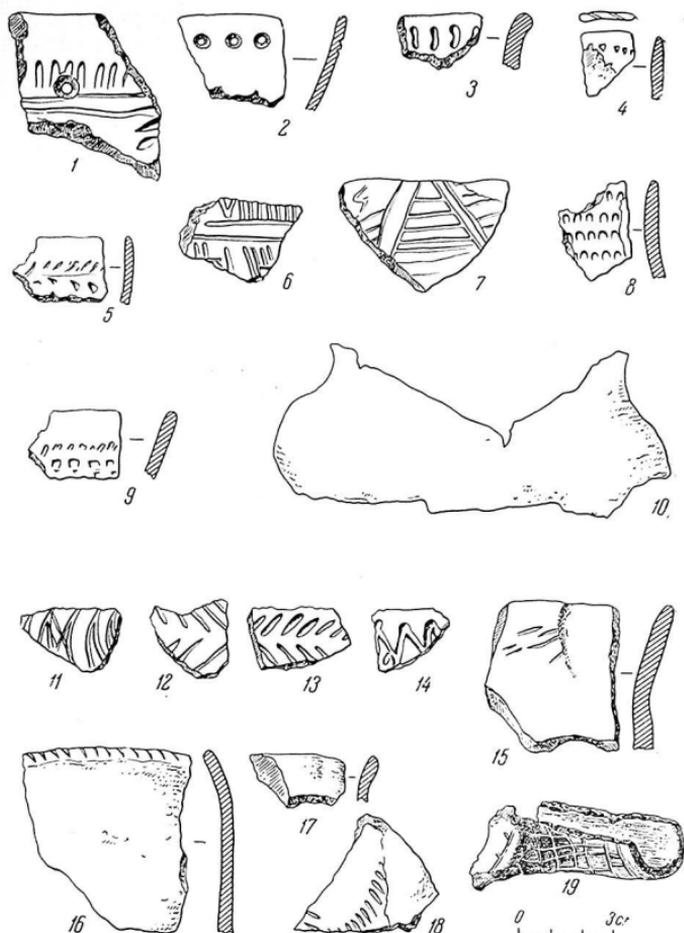

Рис. 15. Керамика из верхнего слоя стоянки Джанбас 4 (1—10) и со стоянки Джанбас 5 (11—19 из сборов 1965 г.)

Керамика из верхнего слоя представлена небольшими обломками полусферических чашек, сосудов со сферическим туловом и сосудов вертикально-вытянутых пропорций. Насколько можно судить по фрагментам, здесь почти совершенно отсутствуют сложные орнаментальные композиции с применением волнистого орнамента. Преобладает орнамент насечками и вдавливаниями в очень простых комбинациях: горизонтальные пояски, елка и т. п. (рис. 15, 1—10).

Среди кремневых находок преобладают обломки, отщепы, чешуйки и короткие сечения ножевидных пластин без ретуши. Орудий немного, и они представлены в основном теми же типами, что и в нижнем слое. Отметим вкладыш с притупленным краем и скошенным концом; пластины с боковыми выемками, пластины с различного рода ретушью, сверла, односторонние нуклеусы (как и в нижнем слое).

Из раковинных украшений найдены пронизки *Dentalium* и бусы из створок *Chlamis*.

Зачистка у шурфа № 2³². На участке зачистки вскрыто в общей сложности 23 м² слоя. Основная площадь ее находится южнее (услов-

³² Зачистка имеет также условное название «стоянка Джанбас 32».

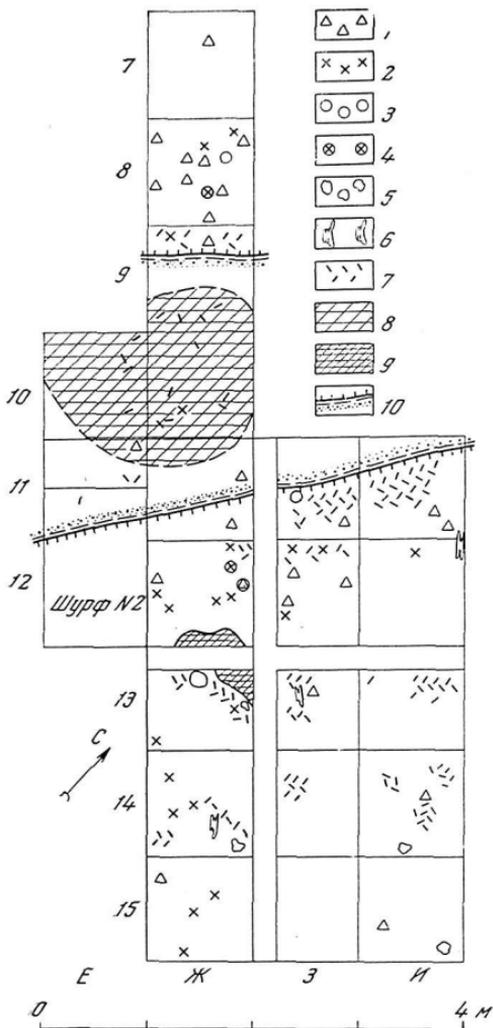

Рис. 16. Джанбасская группа стоянок.
Зачистка у шурфа № 2. План.

- 1 — керамика; 2 — кремний; 3 — украшения из раковин; 4 — комочки охры; 5 — камни; 6 — кости животных; 7 — кости рыб и их скопления; 8 — прокаленный песок; 9 — зольный песок; 10 — границы дефляционной котловины

чистки несколько специфичен; как можно видеть на плане, они не только редки, но и в целом довольно равномерно распределены по всей площади. Лишь кости рыб образуют несколько заметных скоплений, относящихся во всех случаях к тому же нижнему культурному горизонту. Обратимся в связи с этим к некоторым деталям стратиграфии, описанной в общих чертах в начале раздела (см. стр. 29, рис. 5). В северной части разреза (квадраты 7—8) под слоем суглинка и болотным горизонтом³³ отмечена прослойка

³³ Севернее дефляционной котловины в разрезе зачистки прослеживается только один болотный горизонт.

но) края дефляционной котловины; котловина и прилегающий к ней с севера край такыра прорезаны лишь траншеей шириной в 1 м (рис. 16).

Бесспорных остатков долговременного жилого сооружения (как это было на Джанбас 4 и Джанбас 31) здесь не обнаружено. В двух местах найдены следы кострищ. Наибольшее по размерам (в квадратах 9, 10, 11 — Е, Ж) представляет собой линзу плотного прокаленного песка и является лишь основанием очага. Оно приходится на разрушенную часть такыра (дефляционная котловина) и было прикрыто сверху лишь тонким слоем переевального песка.

Однако имеются основания утверждать, что стратиграфически это пятно относится к уровню, некогда перекрытому вторым (нижним) болотным горизонтом. Последний в квадратах 12 и 13 (см. профиль, рис. 5) отделен от верхнего болотного горизонта хорошо выраженной песчаной прослойкой, имеет заметную тенденцию к повышению (в северном направлении) и на границе квадратов 11 и 12 находится уже на уровне верха прокаленного песка.

Другое кострище, неправильной формы и полностью еще не оконтуренное, имеет в разрезе вид нетолстой (5—10 см) зольной прослойки, стратиграфически залегающей также ниже второго болотного горизонта.

Характер распространения находок на площади зачистки

светло-серого песка с хорошо выраженными признаками перевевания. Это хорошо отсортированный, ровный среднезернистый кварцевый песок без примеси пылеватых частиц. Подстилающий его (а в южной части разреза — болотные горизонты) серый аллювиальный песок также показывает, правда, менее выразительные признаки перевевания. Это слабоперевеянный песок с небольшой примесью пылеватых и слюдястых частиц. Лишь в нижних его горизонтах, в пределах глубины зачистки, наблюдается слабая горизонтальная слоистость.

Стратиграфические наблюдения и характер культурных остатков, обнаруженных на расчищенной площади, позволяют высказать предположение, что культурный слой еще до того, как он был перекрыт болотными горизонтами и отложениями суглинка, был в значительной степени перевеван. Вместе с тем есть основания предполагать, что зачисткой затронута пока лишь периферийная часть основного скопления культурных остатков и что при дальнейших работах, возможно, удастся обнаружить остатки жилища. Одинаково перспективными пока являются и северный и южный концы зачистки. На всей площади зачистки найдено около сорока фрагментов неолитической керамики, 24 изделия из кремня, два украшения из раковин (*Chlamis* и *Dentalium*), кусочки охры, обломки песчаника-плитняка, очень много костей рыб, несколько обломков костей крупных млекопитающих, многочисленные обломки створок *Anadonta*. Большая часть этих находок относится к нижнему культурному горизонту. В верхнем слое (песчаная прослойка между верхним и нижним болотными горизонтами) найдено, кроме костей рыб, лишь несколько невыразительных обломков неорнаментированной керамики да три кремневых скола.

Около половины керамических обломков принадлежало сосудам, изготовленным из песочного теста, у остальных в изломе хорошо прослеживается примесь шамота. Песочная керамика имеет ровный коричневатожелтый обжиг, шамотная — темный излом и красновато-коричневые поверхности. Что касается форм сосудов, то в материалах имеются обломки венчика вертикально-вытянутого сосуда довольно значительных размеров (рис. 17, 10), полусферических чаш, в том числе и со сливом. Один обломок принадлежал, возможно, сосуду с шаровидным туловом: это фрагмент узкой слегка изогнутой горловины (рис. 17, 11).

Чаши имели открытый желобообразного типа слив, неглубокий, довольно длинный (длина сохранившейся части около 7 см), широкий в месте присоединения к сосуду и резко суживающийся к концу (рис. 17, 9). Орнаментированной керамики немного (10 обломков из 38). Орнамент, прочерченный и нанесенный насечками; оба типа орнамента встречены и самостоятельно, и в сочетании. Отметим прежде всего близкий к орнаментике сосудов из нижнего слоя стоянки Джанбас 4 прием заполнения орнаментального поля прочерченными линиями (в данном случае не волнистыми, как в Джанбас 4, а прямыми) и «плавающими», овально-вытянутыми фигурами с поперечными насечками (рис. 17, 4). Не столь специфическими, но также находящими аналогии в Джанбас 4 являются композиции с применением насечек (рис. 17, 6). Прочерченный орнамент встречен еще в форме ромбоячейистой решетки (рис. 17, 11) и простого меандра (рис. 17, 5). Последний, пожалуй, наиболее интересен, так как среди исключительно обильного материала стоянок джанбасской группы известно сейчас только два случая применения меандрового орнамента. Его нет ни в керамике Джанбас 4, ни в материалах других, за исключением Джанбас 11, джанбасских стоянок, и в то же время он является одним из существенных компонентов орнаментики Кават 7 (см. ниже, стр. 86). Несомненно, это явления хронологического порядка.

Среди найденных при раскопках кремневых предметов (21 экз.) — больших обломков и отщепов 13, пожевидных пластин — 5. Кроме них, в коллекции имеется пуклеус и два скола с нуклеусов. Изделие с ретушью

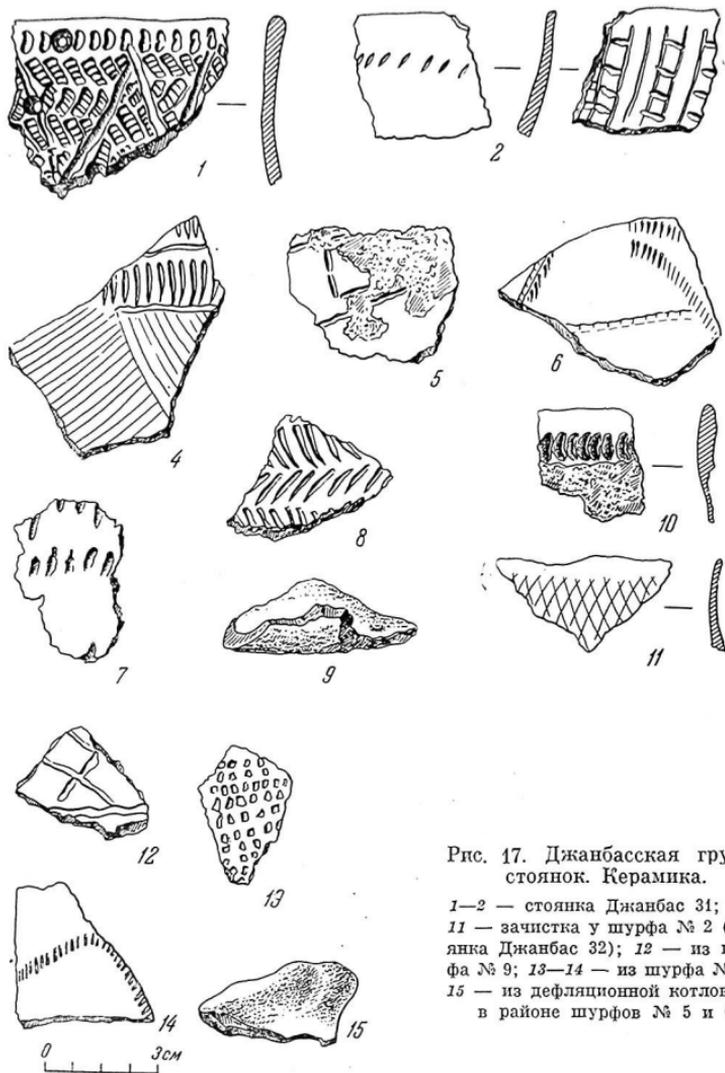

Рис. 17. Джанбасская группа стоянок. Керамика.

1—2 — стоянка Джанбас 31; 4 — 11 — зачистка у шурфа № 2 (стоянка Джанбас 32); 12 — из шурфа № 9; 13—14 — из шурфа № 10; 15 — из дефляционной котловины в районе шурфов № 5 и 6

найден только одно — ножевидная пластина с широкой боковой выемкой. Любопытен уплощенный нуклеус со следами снятия ножевидных пластин с обеих сторон, причем направление отжима с одной стороны перпендикулярно направлению отжима с другой.

Около 20 обломков керамики и свыше 70 кремневых находок было собрано на поверхности песка в пределах дефляционной котловины. Керамика — песочного теста и с примесью шамота — почти вся без орнамента. Кремневых изделий с ретушью — 6, среди них обломок наконечника стрелы кельтеминарского типа.

Стоянка Джанбас 31. Культурный слой стоянки был обнаружен шурфом № 22. В дальнейшем для уточнения стратиграфии, характера культурного слоя и площади его распространения были пробиты шурфы № 26, 27. Установленная шурфовкой стратиграфия описана в начале раздела. Культурный слой стоянки, максимальная толщина которого составляет 15—20 см, в разрезах хорошо выделяется темным цветом и состоит из пес-

как с сильной примесью продуктов горения — золы, пепла, углей. Как показала разборка подтакрыных отложений в шурфах № 26, 27, находки встречаются не только в этом темном слое, но и в подстилающем его сером песке и в песчаной прослойке между ним и болотным горизонтом. Особенно интересно то обстоятельство, что если темный культурный слой полностью занимает площадь шурфа № 26, то в шурфах № 22 и 27 он выклинивается, показывая, вероятно, границы большого зольного пятна (жилища?).

Находки из культурного слоя стоянки пока немногочисленны, но все же выразительны. Наиболее часто встречались кости рыб, мелкие полуистлевшие обломки которых пропитывали верхнюю часть подтакрыного слоя; реже — обломки костей животных. Керамика представлена двумя крупными обломками венчиков орнаментированных сосудов. Один из них — очень крупный (диаметр горла 24—25 см) сосуд вертикально-вытянутых пропорций с широкой чуть намеченной шейкой и слегка отогнутым наружу краем, украшен по верху полосой широких насечек, а ниже — сплошь оттисками короткого и широкого зубчатого штампа, напоминающего гусеничный. Поверх плотно примыкающих друг к другу горизонтальных поясков наклонных оттисков штампа прочерчен широкий зигзаг (рис. 17, 1). Внутренняя поверхность обломка сильно закопчена.

Второй обломок — от полусферической чаши, украшенной снаружи (в сантиметре ниже края) полоской косых насечек, а изнутри вертикальными лесенками и прочерченными полосами между ними (рис. 17, 2). Этот сосуд дополнительно, изнутри был окрашен (или расписан?) красной охрой. Следы окрашивания сохранились в виде расплывчатых пятен, особенно хорошо — в углублениях насечек.

Кремней найдено семь: три обломка ножевидных пластин, три отщепы и прекрасный концевой скребок на длинной и широкой ножевидной пластине. Рабочий край его слегка скошен, на одной из боковых сторон ретутью образована небольшая выемка.

Уже результаты этих предварительных разведок на стоянке сулят многообещающие перспективы дальнейших ее исследований. Ценность стоянки не только в наличии хорошо сохранившегося на большой площади и хорошо фиксируемого в стратиграфической колонке аллювиальных отложений культурного слоя, но и в том, что она, судя по материалу, возможно, является одной из наиболее ранних стоянок джанбасской группы и кельтеминарской культуры в целом. Скребок и два фрагмента керамических сосудов могут быть сопоставлены по ряду признаков с материалом самой ранней из кельтеминарских стоянок — Джанбас 4. Если говорить о керамике, — это форма и размеры сосудов, особенно первого, а также характер и техника выполнения орнамента. На раннюю дату скребка указывают его размеры, в частности ширина пластины, из которой он изготовлен.

Находки из шурфов. Основные стратиграфические закономерности залегания немногочисленных неолитических предметов, найденных в процессе шурфовки, указаны выше. Шурфы № 9 и 10 территориально тяготеют к зачистке у шурфа № 2; первый заложен на южном конце той же самой котловины, второй в 20 м северо-западнее шурфа № 2. В шурфе № 9 найдено пять обломков неолитической керамики, в том числе один от сосуда, украшенного прочерченным орнаментом в виде ромбоячейстой решетки (рис. 17, 12). Из четырех кремней — три ножевидные пластины без ретуши и один отщеп. В верхних слоях песка отмечены кости рыб.

В шурфе № 10, кроме костей рыб и мелких обломков костей животных, найдены два обломка орнаментированной керамики (рис. 17, 13—14) и кремневый отщеп.

Шурфы № 5 и 6 находятся в 50 м к юго-западу от зачистки и прорезают края другой дефляционной котловины, на песчаной поверхности

которой также были отмечены неолитические находки. Находки в шурфах невыразительны — два небольших обломка керамики без орнамента, ножевидная микропластина, кости рыб. Среди находок на поверхности песка в пределах котловины — край полусферической чашки с коротким подтреугольным в плане открытым сливом (рис. 17, 15).

Находки в шурфах, обнаруженные на значительной глубине и довольно большой площади, открывают возможность поисков в этой части такыра участков с более интенсивным скоплением находок на местах долговременных жилищ. Вместе с тем они еще раз свидетельствуют о высокой степени освоения этой территории неолитическим человеком.

Перейдем к характеристике стоянок, находящихся за пределами такыра.

Стаянка Джанбас 5. Культурный слой стоянки полностью разрушен. Находки собраны на поверхности песка, в одной из котловин, вытянутой цепочкой вдоль юго-западного края такыра, к югу от стоянки Джанбас 4. По данным обследования 1965 г., ярко выраженных скоплений неолитического материала на площади стоянки не было; находки встречались довольно редко и в целом равномерно.

По наблюдениям 1940 г., материал стоянки располагался в трех смежных понижениях большой вытянутой котловины, причем общая площадь распространения находок простиралась с востока на запад на 70 м. Основное скопление занимало котловину площадью 17×35 м³⁴. Отметим, что небольшие сборы на стоянке производились и в 1953, и в 1958 гг.³⁵

Прежде чем перейти к описанию материала, отметим, что хронологическая неоднородность, перемешанность его не вызывают сомнений. Особенно наглядно это видно, если объединить керамический материал из сборов разных лет. И формы сосудов и особенно орнамента их показывают, что отдельные группы керамики происходят из отличающихся хронологически друг от друга комплексов. Возможно, при первоначальном исследовании стоянки имелась возможность выделить на довольно большой площади находок скопления с одновременным материалом. Сейчас этой возможности уже нет, поэтому описание материала дается в целом по данным сборов разных лет.

Керамика. Наиболее значительны сборы 1939—1940 гг., насчитывающие около 50 только орнаментированных обломков стенок и венчиков. В материалах сборов 1953 и 1958 гг. керамика представлена 30—40 обломками, из которых около 10 с орнаментом. Наконец, в 1965 г. на стоянке собрано 50 небольших обломков неолитической керамики, 15 из которых имели орнамент. Очень небольшую часть всей этой керамики составляют отличающиеся от основной массы по тесту и формам (плоскодонность) фрагменты сосудов эпохи бронзы. Остальная керамика относится к неолиту.

Не менее половины всех керамических находок составляют обломки сосудов, изготовленных из песочного теста. Остальные фрагменты расслаивающиеся, слабого обжига, имеют в тесте мелкую примесь шамота.

Можно определенно говорить о следующих формах сосудов:

- а) Сосуды вертикально-вытянутых пропорций, судя по сохранившимся обломкам средних и небольших размеров (рис. 15, 15; рис. 18, 2, 9, 18)³⁶.
- б) Полусферические чаши различных размеров и пропорций (рис. 15, 16; рис. 18, 5, 12, 13)³⁷.

³⁴ Дневник С. П. Толстова, № 4, 1940 г., запись от 8.X 1940 г.

³⁵ А. В. Виноградов. Новые материалы для изучения кельтеминарской культуры. МХЭ, вып. 6, 1963, стр. 100—120. Выделение в 1953 г. «стоянки 5а» объясняется, очевидно, большей, по сравнению с другими стоянками, площадью распространения находок. Сборы 1953 г. производились археолого-топографическим отрядом Хорезмской экспедиции.

³⁶ См. также: А. В. Виноградов. Новые материалы... стр. 100, рис. 9, 1, 8.

³⁷ Там же, рис. 9, 5.

Рис. 18. Стоянка Джанбас 5. Керамика (из сборов 1939—1940 гг.)

в) Сосуды с шаровидным или яйцевидным туловом, коротким суженным горлом и слегка отогнутым наружу краем (рис. 18, 17, 19). Характерно, что на Джанбас 5 совершенно нет сосудов с резким перегибом от шейки к тулову, свойственных для некоторых кельтеминарских стоянок Акча-Дарьи (Джанбас 11, Кават 7 и др.).

г) Сосуды с открытыми сливами и трубчатыми носиками. Среди находок имеется хороший экземпляр длинного трубчатого носика (длина 6 см, диаметр отверстия 1—1,5 см; сборы 1965 г., рис. 15, 19) и несколько небольших обломков открытых сливов, по-видимому, коротких (рис. 15, 17; рис. 18, 8).

На керамике стоянки встречены следующие виды орнамента:

1. Прочерченный орнамент, волнистый и прямолинейный. Встречен в основном на керамике из довоенных сборов, в меньшей степени из сборов 1958 г. Волнистый орнамент обычен в композициях, близких к орнаментике керамики нижнего слоя Джанбас 4: крупные геометрические фигуры (или пояса), заполненные в разных направлениях волнистыми линиями (рис. 18, 1, 6). Сходство усиливается благодаря применению как в ка-

честве разделителей, так и в самостоятельном значении лесенок — широких полос насечек, ограниченных прочерченными линиями (рис. 18, 6, 9, 12). Аналогична и техника нанесения — очень широкие непараллельные линии, плавные изгибы.

Прочерченный прямолинейный орнамент встречается реже и обычно в других видах: в форме образующих треугольники зигзагообразных линий (рис. 18, 7), в качестве заполнения мелких геометрических фигур.

2. Орнамент, нанесенный насечками и неправильной формы вдавлениями. Отметим прежде всего этот прием в композициях, близких к орнаментике керамики Джанбас 4: крупные орнаментальные поля сплошь заполнены рядами насечек или вдавлений (рис. 18, 10, 11). Неоднократно встречены и другие виды — полосы косых насечек, елка (рис. 15, 12—13, 18; рис. 18, 13, 15)³⁸.

3. «Качалка» зубчатая и гладкая. Керамика с орнаментом «качалка» наиболее часто встречается в материале сборов 1939—1940 гг. (рис. 18, 13—14, 16), имеется она и в сборах 1965 г. (рис. 15, 11) и отсутствует в сборах 1953 и 1958 гг. Употребляется в самостоятельном значении, в сочетании с насечками, а также с прочерченными линиями (в качестве разделителей).

Таким образом, налицо два типа орнамента: волнистый и вдавленный, по характеру и технике близкий ранней кельтеминарской керамике (Джанбас 4), и орнамент «качалка», не встречающийся в ранних памятниках, но широко распространенный на керамике поздних стоянок.

На стоянке найдены также предметы из кремня. Количество кремня, собранного в 1939 г., неизвестно; в 1953 г. найдено около сотни, в 1958 г. около двухсот и в 1965 г. — 46 кремневых предметов. В коллекциях послевоенных сборов преобладает кремень красновато-коричневых и желтоватых тонов, изредка встречается белый. Расцветка, а также щетки мелких кристаллов горного хрусталя на некоторых отщепках с желвачной коркой указывают на его происхождение из месторождений Султануиздага.

По рисункам³⁹ и части коллекции из сборов 1939—1940 гг., хранящейся в МАЭ, можно говорить о наличии в материалах стоянки нескольких односторонних нуклеусов со следами снятия ножевидных пластин, проколов и сверл, пластин с боковыми выемками и пластин с притупленной спинкой и скошенным концом.

В сборах 1958 г., кроме вышеупомянутых форм, имеется наконечник стрелы кельтеминарского типа, скребки концевые и на отщепках. Отметим, что из 30 изделий с ретушью 5 — пластины-вкладыши с притупленной спинкой, в том числе 4 со скошенным концом⁴⁰.

В сборах 1965 г. насчитывается 24 обломка ножевидных пластин без ретуши, 14 отщепов и обломков, поперечный скол с ударной площадки нуклеуса и 7 изделий с ретушью. В числе последних только вкладыши — 3 с притупленной спинкой и 3 с дополнительно скошенным концом, а также наконечник стрелы кельтеминарского типа (рис. 19, 18—24).

В материалах всех сборов имеются мелкие обломки шлифованных изделий и, что обычно для кельтеминарских стоянок, фрагменты зернотерок из коричнево-желтого песчаника-плитняка.

Украшения представлены пронизками из трубочек *Dentalium*. Особо следует сказать о маленьком обломке светлой голубовато-зеленой бирюзы. До последнего времени украшения из бирюзы и заготовки для них были известны лишь из неолитических памятников Внутренних Кызылдумов и Махан-Дарьи. В Хорезме наиболее ранние украшения, а также остатки

³⁸ См. также: А. В. Виноградов. Новые материалы..., стр. 100, рис. 9, 3, 8.

³⁹ Рисунки кремневых изделий в большинстве случаев позволяют судить лишь об общей форме их, но не о характере и степени дополнительной обработки.

⁴⁰ А. В. Виноградов. Новые материалы..., стр. 101, 102, рис. 10.

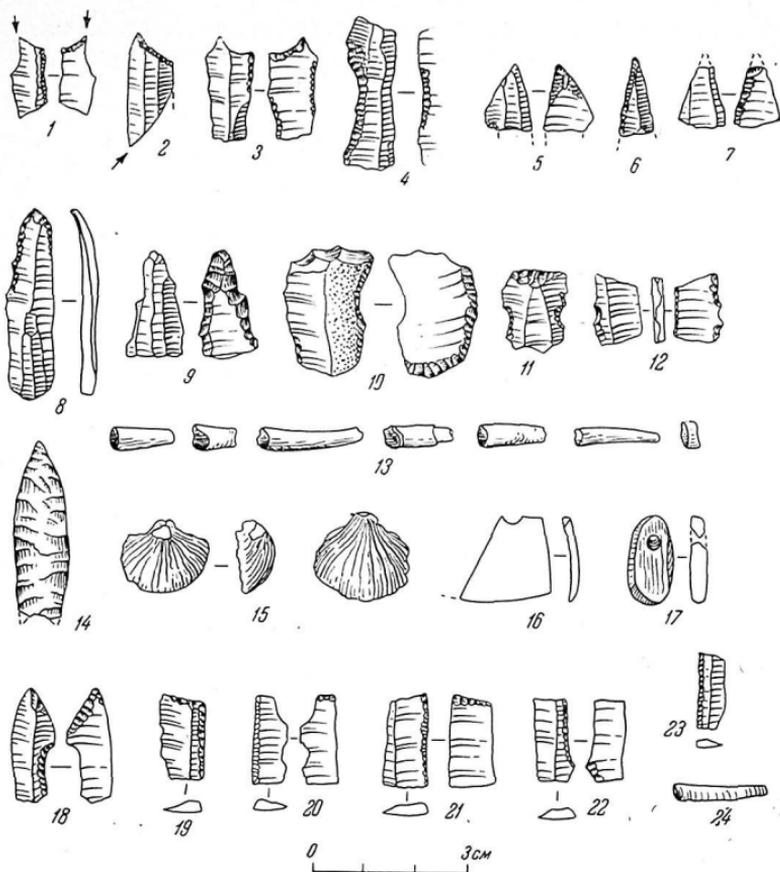

Рис. 19. Джанбасская группа стоянок.

Изделия из кремня и кварцита (1—12, 14, 18—23), украшения из раковин (13, 15—16, 24), бирюзы (17). 1—17 — стоянка Джанбас 11; 18—24 — стоянка Джанбас 5. Сборы 1965 г.

мастерских датировались лишь архаическим периодом античной эпохи⁴¹. находка бирюзы на стоянке Джанбас 5 и бирюзовая подвеска со стоянки Джанбас 11 (см. ниже, стр. 63) говорят о возможности разработки еще в неолитическую эпоху хорошо известных месторождений бирюзы в горах Султануиздаг.

Стоянка Джанбас 12. Материал собран в одной из наиболее глубоких котловин у юго-восточного угла такыра — на площади примерно 30×30 м⁴². находки располагаются по склону котловины до уровня 650—670 см; дно котловины имеет отметку 480 см. Наибольшее количество находок собрано на дне котловины и прилегающих к нему участках северо-восточного склона. Поверхностный слой песка здесь на отдельных участках буквально пропитан мелкими и мельчайшими обломками и чешуйками

⁴¹ А. В. Виноградов, С. В. Лопатин, Э. Д. Мамедов. Кызылкумская бирюза (из истории добычи и обработки). СЭ, 1965, № 2, стр. 114—134.

⁴² Это основное скопление. За его пределами находки встречены единично, как и вообще на песке вдоль восточного края такыра. Наибольшее количество находок — около двух десятков кремней и несколько обломков керамики — найдено в смежной, южной котловине.

кремня и керамической крошкой. Среди находок преобладают кремневые изделия и керамика, кости животных и рыб; яичная скорлупа и раковины встречаются редко.

Керамика представлена примерно 60 обломками, преимущественно небольшими, расслоенными, сильно выветрившимися. Около половины фрагментов — от сосудов, сделанных из песочного теста, у остальных черепок слоистый и в изломе хорошо видна примесь шамота. Формы почти не реконструируются. Можно отметить лишь обломки венчиков полусферических чашек да край большого сосуда с прямым широким горлом. Сосуды с открытыми сливами неясной формы представлены обломками по крайней мере от двух экземпляров.

Примерно половина обломков с орнаментом. Встречен орнамент, нанесенный зубчатым штампом (3 обломка), короткими насечками (5 обломков), гладкой «качалкой» (3 обломка), прочерченный прямолинейный (8 обломков) и волнистый (один обломок, в сочетании с прямолинейным). Прочерченный прямолинейный орнамент встречен в разных видах: в форме параллельных горизонтальных линий, заполненных пучками прямых линий, мелких геометрических фигур и в виде ромбообразной решетки.

Керамика из сборов 1940 и 1945 гг. известна по рисункам и хранящейся в МАЭ небольшой коллекции. Керамика эта, несмотря на малочисленность, довольно интересна. В числе находок имеется обломок небольшого плоскостенного сосуда (диаметр дна 2,5 см) и фрагмент стенки другого миниатюрного сосуда горшковидной формы, также имевшего, очевидно, плоское днище. Орнамент нанесен оттисками зубчатой «качалки», насечками, зубчатым штампом и прочерчиванием. Выделяются обломки крупного сосуда, стенки которого украшены широкими горизонтальными поясами оттисков зубчатого штампа, зубчатой «качалки» и системой насечек.

Кремней на стоянке собрано около 1400. Преобладает материал желтоватых и коричневатых тонов. Белый кремнь составляет в среднем 10% (чуть меньше среди отходов, чуть больше среди изделий).

Отщепов без ретуши, обломков и чешуек среди находок 876. Крупных кусков почти нет, а около $\frac{2}{3}$ — это мелкие и мельчайшие чешуйки.

Ножевидных пластин без ретуши — 400. Это преимущественно короткие обломки, большая часть которых малоприспособна для дальнейшей обработки и использования. Материал Джанбас 12 и в частности описываемая группа кремневых находок дает хорошее представление о технике обработки ножевидных пластин, заключающейся в отсечении верхней и нижней частей пластины: утолщенных и искривленных. Отходы — короткие верхние части пластин с ударным бугорком (рис. 20, 22) и нижние, искривленные (рис. 20, 24), составляют обычно большую часть кремневых находок, выделяемых под рубрикой «ножевидные пластины без ретуши». В коллекции в Джанбас 12 из 400 пластин без ретуши — 149 коротких обломков с ударными бугорками (более 35%). Вместе с обломками нижних частей пластин они составляют более половины находок этой группы⁴³.

Отметим, как характерную черту кремневого инвентаря, наличие большого количества микропластин.

Нуклеусов со следами снятия ножевидных пластин в коллекции два, оба представлены обломками (рис. 20, 19). Сколов с нуклеусов четыре, два поперечных («сколы оживления») и два продольных (рис. 20, 20). Имеется также 12 небольших ребристых пластин (рис. 20, 21).

⁴³ Более подробно эта техника рассмотрена на материалах стоянки Кават 7. См. также главу третью, стр. 162—163.

Изделий с ретушью 77. Они представлены следующими формами:

1. Наконечники стрел кельтеминарского типа (рис. 20, 11, 12)	2 (+1 ?)
2. Пластины-вкладыши с притупленным краем и скошенным концом (рис. 20, 4)	6
3. Пластины с притупленным краем и обработанными концами (рис. 20, 1—3, 5)	4
4. Пластины с притупленным краем (обломки, рис. 20, 8—10)	12
5. Пластины со скошенным концом (рис. 20, 6—7)	4
6. Пластины с боковыми выемками (рис. 20, 13—14)	3 (+2 ?)
7. Обломки пластин с крутой ретушью с брюшка или со спинки (рис. 20, 17)	6
8. Обломки пластин с приостряющей ретушью с брюшка или со спинки	9
9. Сверла или провертки (в обломках)	5
10. Пластины с ретушью по одной стороне, образующей ломаное лезвие (рис. 20, 15—16) ⁴⁴	5 (+2 ?)
11. Обломки пластин с нерегулярной ретушью неопределенного типа	12
12. Скребок на отщепе (рис. 20, 18)	1
13. Отщеп с приостряющей краевой ретушью	1

Для кремневых изделий стоянки характерно сильное измельчение форм. Это заметно и по вкладышам с притупленной спинкой и скошенным концом и особенно по наконечникам стрел, представленным явно дегенерирующими формами.

Как безусловно интересный факт отметим относительно большое число пластин со скошенным концом, которые в противовес таким же пластинам, но с притупленной спинкой, встречаются в кельтеминарском материале довольно редко.

На стоянке найдено несколько мелких сколов с шлифованного изделия из темно-зеленой султануиздагской породы, обломок раковинной подвески со сверленным отверстием, да небольшое количество очень мелких обломков костей и яичной скорлупы.

Как и на всех остальных стоянках джанбасской группы, обнаружено несколько обломков терочных камней из коричневатого желтого песчаника-плитняка. Часть из них сохранила зашлифованную от длительного употребления поверхность.

Стоянка Джанбас 11. Находки собраны на поверхности серого песка, в котловине межгрядового понижения, вытянутой в направлении северо-запад — юго-восток. Длина полосы находок примерно 30 м, ширина около 15 м. На этой площади выделены три скопления, правда, выраженные слабо, постепенно переходящие одно в другое. Южное скопление (I), наибольшее по площади, занимает склон котловины (западная экспозиция), от ее дна — наиболее низкого на стоянке уровня (с отметкой в 500 см) — и почти до гребня гряды (отметка около 700 см). Находки по склону распределены почти равномерно. Северо-западное скопление (II) располагается дальше по дну котловины, а северное (III) — на прилегающем к нему склоне. Судя по состоянию материала и условиям залегания находок, скопления эти не отражают структуру стоянки, а образовались в результате механического перемещения находок. Возможно, находки спроецированы на поверхность песка с какого-то более высокого уровня. Об этом в частности свидетельствует характер находок на высоких отметках склона гряды на скоплении I — здесь встречаются такие же крупные обломки керамики, что и на дне котловины, и интенсивность находок в некоторых местах более велика.

⁴⁴ Подробнее об этом типе изделий см. стр. 102 настоящей главы (стоянка Кават 7).

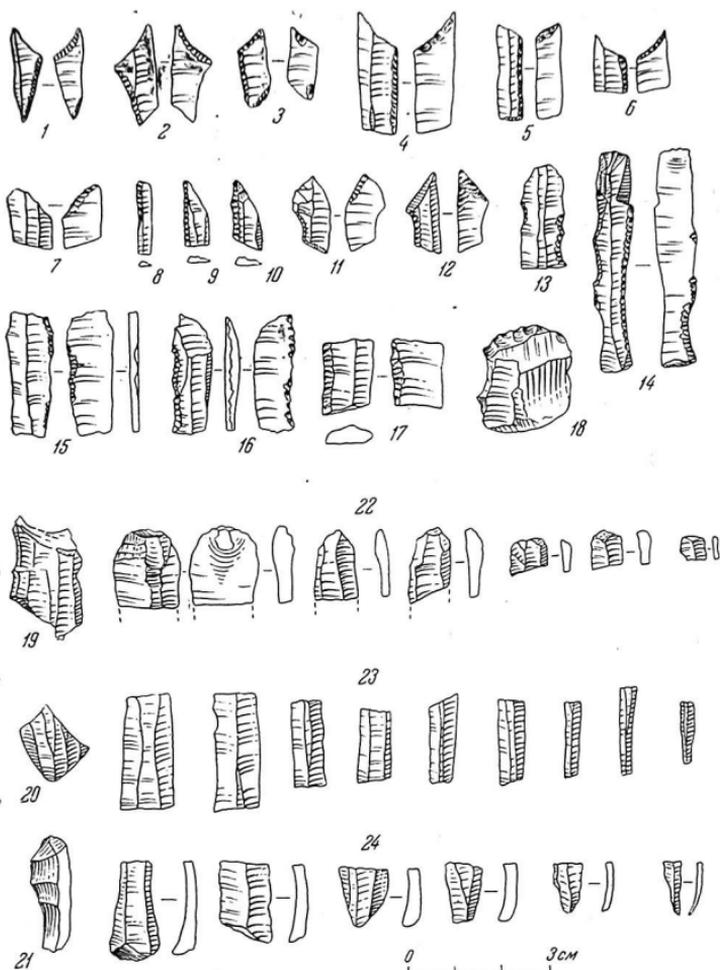

Рис. 20. Джанбасская группа стоянок. Стоянка Джанбас 12.
Изделия из кремня (из сборов 1965 г.)

Судя по рисункам, материалы сборов 1939—1940 гг. не были обильными. Очевидно, основное скопление или по крайней мере часть его было погребено песком. Материал сборов 1965 г. отличается и обилием и сравнительной свежестью керамики. Среди керамических сборов отсутствуют какие-либо иновременные примеси, и комплекс находок производит впечатление очень чистого. Это следует объяснить не за счет недавнего развеивания стоянки, а, по-видимому, расположением ее несколько в стороне от основного скопления стоянок, где в развеивной полосе вдоль такыра разновременные находки иногда встречаются в пределах одной котловины.

Керамика. В 1965 г. на стоянке собрано около 350 обломков керамических сосудов. Преобладает черепок красновато-коричневого цвета с темным изломом, довольно рыхлый, расслаивающийся, с примесью в тесте хорошо измельченного шамота. Обломки сосудов, изготовленных из песчаного теста, редки. Среди них выделяются несколько обломков сосудов, очень плотных и однородных в изломе, бледно-зеленого (зеленоватого, зеленовато-желтого) и светло-желтого цветов. Подобного рода

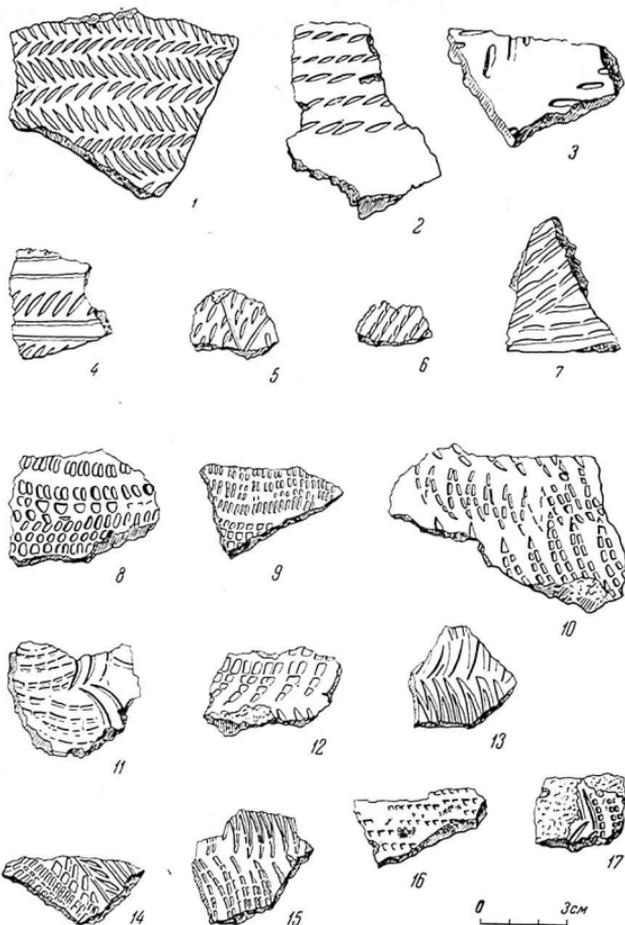

Рис. 21. Стоянка Джанбас 11. Керамика

1—3, 6—13 — скопление I; 14—17 — скопление II; 4—5 — скопление III

черепки в кельтеминарском материале нам ранее не приходилось встречать, не исключено их неместное происхождение.

Более трети фрагментов керамики имеет орнамент. Преобладает орнамент, нанесенный «качалкой» (53 обломка, рис. 21, 8—15), на втором месте — нанесенный прочерчиванием (прямолинейный, 5 обломков; рис. 22, 2—5, 8, 11, 13—18), на третьем — разного рода насечками (27 обломков, рис. 21, 1—7; рис. 22, 2). Один раз встречен гребенчатый орнамент (рис. 21, 16) и в двух — прочерченный слабоволнистый (рис. 22, 6, 10). В орнаменте «качалка» преобладает зубчатая в самых разнообразных ее вариантах: крупно- и мелкозубчатая, с длинным и коротким, частым и размашистым шагом. Интересно довольно редко встречающееся сочетание «качалки» с прочерченным прямолинейным орнаментом (рис. 21, 14). В двух случаях — это зигзаги, нанесенные поверх «качалки», в третьем — «качалка» и прочерченный орнамент занимают две отдельные зоны. О форме сосудов, украшенных оттисками «качалки», можно судить только по обломкам двух венчиков. Один из них — край тонкостенной полусферической чаши, другой — крупного сосуда с шаровидным туловом и коротким, слегка отогнутым наружу венчиком.

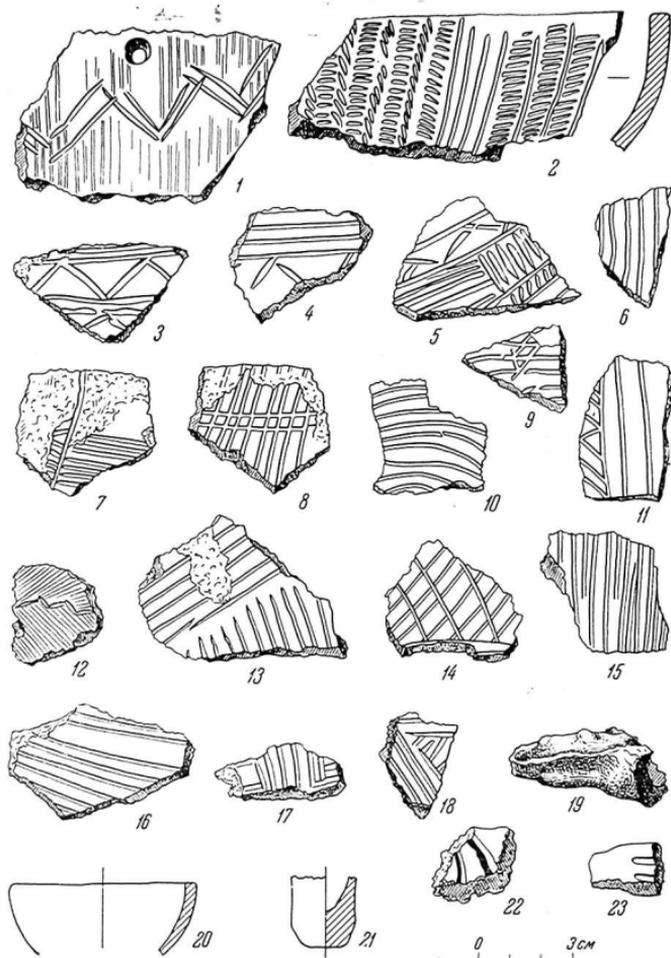

Рис. 22. Стоянка Джанбас 11. Керамика.

Прочерченный прямолинейный орнамент встречается в следующих композициях:

1. В виде системы параллельных горизонтальных или вертикальных линий. По небольшим обломкам трудно судить о композиции в целом, но можно предполагать, что это фрагменты композиции из геометрических фигур — прямоугольников или треугольников, образованных рядами параллельных линий (рис. 22, 11, 13, 15, 18).

2. Вариантом вышеописанной композиции являются композиции из более мелких и регулярных по форме заштрихованных фигур, преимущественно треугольников, располагающихся в верхней части сосуда (рис. 23, 2, 3).

3. По орнаменту в виде системы прямых параллельных линий дополнительно нанесены зигзагообразные линии (одиночные или парные), также образующие иногда систему треугольников (рис. 23, 4). Этот прием, как мы видим, характерен и для орнамента «качалка».

4. Ромбическая решетка (рис. 22, 14; рис. 23, 5).

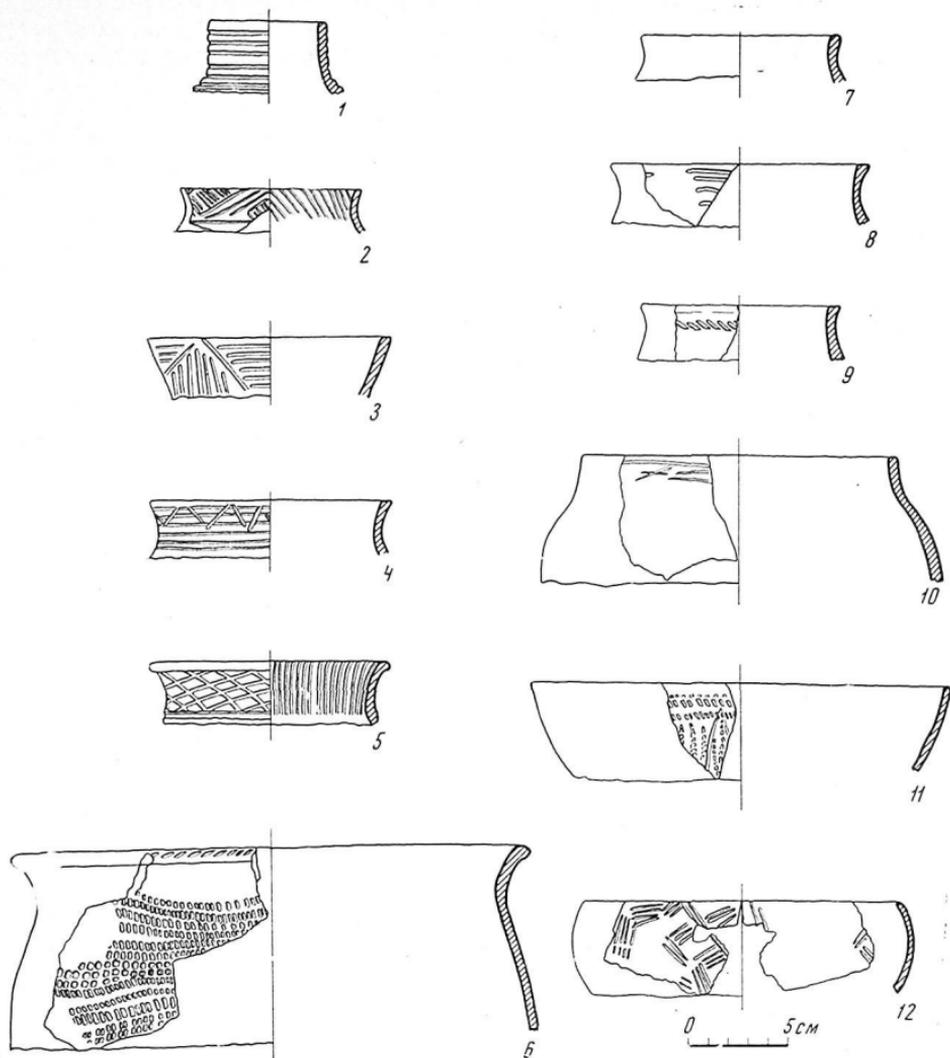

Рис. 23. Стоянка Джанбас 11. Керамика.

2, 5, 7, 10 — скопление I; 6, 9, 12 — скопление II; 1, 3—4, 8—11 — скопление III

Из единично встречающихся и примечательных композиций можно отметить несколько.

Обломок венчика или сосуд с хорошо выраженной асимметрией стенок (ладьевидный сосуд или овальная чаша со сливом) украшен изнутри системой насечек и прямых прочерченных линий, образующих композицию, аналогичную или, по крайней мере, очень близкую наиболее ранним кельтеминарским, типа находок из нижнего слоя стоянки Джанбас 4 (рис. 22, 2). От последних она отличается лишь техникой исполнения: тонкими линиями и общей миниатюрностью.

На двух небольших обломках можно проследить композицию в виде меандра. На одном из них орнамент сильно стерт, на другом очень фрагментарен, однако сложный меандровый рисунок реконструируется отчетливо (рис. 22, 17).

Отметим, наконец, обломки маленького полусферического сосуда, тонкостенного, тулово которого покрыто орнаментами в виде системы ромбических фигур, образованных тройными прочерченными линиями (рис. 23, 12).

Хорошо выраженного волнистого орнамента в материалах стоянки нет. Лишь на двух небольших обломках встречен прочерченный орнамент с легкой волнистостью, происходящей к тому же отчасти за счет колебаний в толщине линии (рис. 22, 6, 10).

Что касается форм сосудов, украшенных прочерченным орнаментом, то отметим прежде всего хорошо представленные обломками венчиков небольшие сосуды с шаровидным (или близким к нему) туловом и узким и коротким горлом, прямым или слегка расширяющимся кверху (рис. 23, 1—5). Имеются также тонкостенные полусферические чаши с различными вариантами профилировки верхней части и, по-видимому, более крупные чаши со сливами.

Третья, меньшая часть обломков, сохранила орнамент, нанесенный насечками. Это либо горизонтальные полосы косых насечек (в одном случае с разделителем в виде парных прочерченных полос), либо елка (рис. 21, 1—6). В одном случае встречен уже отмечавшийся выше прием: крупный прочерченный зигзаг, нанесенный на орнаментальное поле, заполненное насечками (рис. 21, 5), в другом — пунктирный орнамент (рис. 21, 7).

В заключение остановимся более подробно на формах сосудов. Мы уже говорили, что наиболее характерными и хорошо представленными в материалах стоянки являются шаровидные сосуды с коротким горлом и полусферические чаши. Обе эти формы представлены многочисленными вариантами. Для шаровидных сосудов характерно короткое горло, плавно расширяющееся кверху, и большей частью довольно крутой изгиб при переходе к широкому тулову, к тому же часто подчеркнутый орнаментально. Диаметр горла колеблется в пределах от 8 до 12,5 см. О деталях формы тулова и дна сказать что-либо трудно. Полусферические чаши различаются размерами, толщиной стенок и профилировкой верхней части тулова (рис. 23, 11, 12). Как всегда, имеются экземпляры с загнутым внутрь венчиком (рис. 23, 12). Чаши со сливами представлены очень фрагментарно (рис. 22, 19, 23). Сливы открытые (желобчатые), по-видимому, короткие, в большинстве случаев сделаны грубо. Из шести обломков сливов три сохранили остатки орнамента (насечки, короткие прочерченные полосы; рис. 22, 23).

Особый интерес представляет обломок нижней части миниатюрного плоскодонного сосуда с цилиндрическим или слегка расширяющимся кверху туловом (рис. 22, 21). Диаметр дна его 1,5—1,7 см. Это единственный пример плоскодонного сосуда в материалах стоянки. Любопытно, что такого рода находки встречены в керамическом материале и других стоянок джанбасской группы. Выше мы упоминали о двух подобных обломках со стоянки Джанбас 12. Фрагментарность всех находок не позволяет судить пока ни о форме сосудов, ни о назначении их.

Заканчивая описание керамики, отметим, что среди материалов со стоянки Джанбас 11 нет бесспорных признаков наличия крупных сосудов вертикально вытянутых пропорций, формы, столь характерной для Джанбас 4 и раннего кельтеминара в целом. Возможно, это объясняется характером материала. Не исключено в связи с этим, что некоторые крупные и толстостенные обломки керамики как с орнаментом, так и неорнаментированные, принадлежали именно сосудам такой формы.

Коллекция кремневых поделок и отходов насчитывает 165 номеров. 36 из них — преимущественно мелкие обломки и отщепы, 60 — короткие обломки ножевидных пластин, в большинстве случаев малопримгодные

для дальнейшей обработки, и 69 — изделия с ретушью, нуклеусы и ребристые пластины.

Нуклеусов найдено четыре, а также два обломка — продольный и поперечный скол с нижней части. Все они односторонние. Один из них, сильно сработанный и испорченный несколькими неудачными сколами, превращен в скобель: крутой ретушью по нижнему краю и одной из боковых сторон образованы легкие выемки.

Ребристых пластин в коллекции три экземпляра.

Среди изделий с ретушью наиболее многочисленную группу составляют изделия остроконечной формы из ножевидных пластин — проколки (2 экз., рис. 19, 6—7) и сверла или провертки (8 экз., рис. 19, 8—9). В коллекции имеются также один обломок (перо) наконечника стрелы кельтеминарского типа (рис. 19, 5), обломок вкладыша с притушенным краем и скошенным концом (рис. 19, 1), две пластины со скошенным концом (рис. 19, 2—3), пластина с боковыми выемками (рис. 19, 4), три концевых скребка (рис. 19, 10—11). 36 обломков ножевидных пластин с различного характера краевой ретушью и 4 небольших отщепов маловыразительны. Из серии ножевидных пластин с ретушью можно выделить два небольших обломка вкладышей с ломаным лезвием (рис. 19, 12), несколько пластин с тонкой приостряющей ретушью по краю. Семь коротких сечений верхней утолщенной части пластин (с ударным бугорком) имеют ретушь с одной или обеих сторон, иногда образующую выемку, очевидно, с целью более точного отсечения бугорка.

В коллекции имеется и наконечник стрелы, обработанный двусторонней отжимной ретушью, листовидный, с легкой выемкой в основании, небольшого размера (длина 3,3 см; рис. 19, 14). Мы не случайно остановились на нем в конце описания. Нельзя утверждать, но можно предполагать, что в числе находок на развешенной стоянке он является инородным. Дело в том, что все изделия изготовлены из кремня, преимущественно белого, и лишь этот наконечник, да одна из ножевидных пластин без ретуши — из серого кварцита⁴⁵.

Обитатели стоянки пользовались и шлифованными изделиями из темно-зеленой мелкокристаллической породы. В числе находок несколько небольших сколов с таких изделий со следами зашлифовки и обломок (обушок) небольшого топорика или тесла.

Украшений найдено много: 31 пронизка из раковин *Dentalium* (рис. 19, 13; две из них побывали в огне), две полных створки и три обломка *Cardium edule* с отверстиями в замке (рис. 19, 15), два обломка бус из створок семейств *Cardidae* (?), один с частью сверленного отверстия (рис. 19, 16), и овальная плоская подвеска со сверленным биконическим отверстием из выцветшей бледной голубовато-зеленой бирюзы (рис. 19, 17). Особого внимания заслуживают украшения из створок *Cardium edule*, так как это первое в Хорезме прямое свидетельство использования их в качестве украшений. Эти сравнительно тонкостенные и хрупкие створки, в отличие от более крупных и массивных дидаки и кардид, дополнительной обработке, очевидно, не подвергались. Отверстие для нанизывания, сделанное в замковой части, имеет неправильную форму и ломаные края, так как при сверлении тонкая створка, очевидно, проламывалась. Находка бирюзового украшения, как мы уже отмечали, также представляет большой интерес, так как это пока только второй случай находки такого рода для неолитических стоянок Акча-Дарьи.

На стоянке (северное скопление) найдены обломки нескольких зернотерок со следами сработанности, изготовленных из желтоватого плитнякового песчаника.

⁴⁵ Отметим, что одна из ножевидных пластин, обработанная ретушью как вкладыш «с ломаным лезвием», сделана из коричневатой-серой полосчатой яшмы.

Из всех развезенных стоянок Джанбас 11 дала наибольшее количество костей животных — мелких, частично обожженных обломков. Реже встречаются кости рыб и яичная скорлупа.

Стоянка Джанбас 14 является пока крайним западным пунктом распространения неолитических находок в районе Джанбас-калы. Она находится, как и стоянки основной группы, в зоне контакта песков и такыров, у юго-западного края полосы такыров, в 800—900 м к юго-юго-западу от стоянки Джанбас 4. Во время работ 1965 г. установлено, что неолитические находки располагаются на поверхности серого песка, в дефляционной котловине, тянущейся вдоль извилистого края разрушающегося такыра. Территория стоянки окружена невысокими грядовыми песками.

Сборы 1965 г. на стоянке очень бедны. Здесь найдено лишь 10 обломков лепной керамики, 25 кремней и 1 пронизка из раковины *Dentalium*. Керамика крайне невыразительна. На двух небольших обломках сохранился орнамент: несколько тонких прочерченных линий и насечки. Ряд керамических обломков, в том числе фрагмент плоскодонного сосуда, безусловно относятся к более позднему времени. Среди кремневых изделий, кроме мелких обломков пластин с нерегулярной ретушью, имеются: округлый скребок, сделанный из сечения ножевидной пластины, обломки двух-трех проколов, два обломка пластин-вкладышей с ломаным лезвием. Найден также обломок зернотерки из песчаника.

Значительно более интересные и обильные материалы сборов 1939—1940 гг. известны частично по публикациям С. П. Толстова⁴⁶ и по хранящимся в архиве Хорезмской экспедиции рисункам. Приходится, к сожалению, констатировать, что и этот материал хронологически неоднороден. В частности не подлежит сомнению более позднее происхождение (эпоха бронзы) некоторых обломков керамики. Они имеют характерный для керамики бронзового века елочный орнамент, а некоторые — треугольный в сечении (воротничковый) венчик и плоское дно. Бесспорно, к неолитическому времени относится керамика с прочерченным орнаментом и «качалкой» (и той и другой много), а также насечками и зубчатым штампом. Композиции с применением прочерченного орнамента в большинстве случаев не реконструируются; отметим лишь большой обломок сосуда, орнаментальное поле которого разделено на горизонтальные пояса, а внутри — на систему гладких или заштрихованных треугольников.

Своеобразие каменного инвентаря заключается в значительном количестве двусторонне обработанных наконечников стрел, в том числе очень поздних для неолита типов, а также скребков на отщепях. Последних, судя по рисункам, вдвое больше, чем концевых. О характере обработки и назначении многочисленных ножевидных пластин по рисункам судить трудно. Можно назвать лишь несколько изделий остроконечной формы, служивших, очевидно, проколками и сверлами. Не исключено, что часть кремневых находок, в частности двусторонне обработанные наконечники стрел, также относятся не к неолитическому, а к более позднему времени.

Стоянка Джанбас 18 в 1965 г. не была найдена и при описании ее мы основываемся только на сохранившихся материалах довоенных работ. Она расположена в 300—400 м северо-западнее стоянки Джанбас 14; находки связаны, возможно, с одной из дефляционных котловин, столь характерных для краевой части такыра⁴⁷. Находки на стоянке — на ри-

⁴⁶ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 70, рис. 18 а.

⁴⁷ Отметим, что на рисунках керамики со стоянки Джанбас 18 (три таблицы в карандаше) стоит пометка «Ст. 18 Дж-к Т» (стоянка 18 Джанбас-кала, такыры).

сунках представлена только керамика — четко делятся на две хронологические группы:

1. Обломки плоскодонных горшковидных сосудов с утолщенным хорошо профилированным бортиком (отогнутым наружу или воротничковым) и орнаментальным пояском по шейке и плечикам в виде елки, зигзага, треугольников. Это керамика эпохи бронзы, и она составляет большую часть находок.

2. Мелкие обломки сосудов, орнаментированные слабоволнистыми прочерченными линиями, насечками (зигзаг, лесенка), оттисками зубчатого штампа и «качалкой». Формы не реконструируются; можно говорить лишь о наличии сосудов со сливами — в материалах сборов имеется хороший обломок короткого открытого слива, украшенного оттисками зубчатого штампа.

Среди рисунков имеется изображение обломка ножевидной пластины.

* * *

Из района Джанбасской возвышенности происходит значительное количество отдельных находок неолитического времени. Ничего существенно нового, по сравнению с вышеописанными материалами, они не дают.

В заключение отметим, что этот район остается пока наиболее перспективным для поисков и исследования неразвезенных неолитических памятников. Не исчерпаны полностью даже возможности джанбасского такыра, скрывающего и сохраняющего от разрушения, несомненно, еще не одну стоянку кельтеминарской культуры.

Каватская группа стоянок

Каватские неолитические стоянки очень интересны и с археологической (на стоянке Кават 7 получен самый крупный комплекс находок) и особенно с геоморфологической точки зрения. Это единственные пока пункты находок кельтеминарской культуры, расположенные вдали и от коренного берега дельты, и от внутريدельтовых возвышенностей и связанные с одним из хорошо прослеживающихся в рельефе небольших дельтовых протоков.

Как и в районе Джанбаса, здесь известны одновременные стоянки первобытной эпохи: несколько стоянок бронзового века (Кават 3, 4, 6) и две неолитические стоянки — Кават 5 и Кават 7⁴⁸.

Стоянки располагаются в западном районе дельты, в северной части большого массива подвижных барханных песков. Местами здесь прослеживаются небольшие пятна и узкие полосы такыров, приуроченные обычно к тянущимся на север и северо-восток древним руслам⁴⁹. Русла эти сильно вышлены аллювием и прослеживаются отрывочно, в форме неглубоких вытянутых котловин. Одно из трех главных русел дельты — Западное — проходит значительно восточнее.

Ширина русла, на котором расположены каватские стоянки, в среднем равна 100 м, достигая местами 150 м. В районе стоянок Кават 3, 4, 5 оно занесено песком и прослеживается в виде цепочки котловин различной величины. В километре западнее, там, где на берегу его находятся стоянки Кават 7 и 8, оно сохранилось лучше, береговые склоны его выражены яснее. Разница в отметках дна русла и берегов достигает здесь трех и более метров. Шурф, заложенный на береговом склоне

⁴⁸ С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итипа. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. МХЭ, в. 6, 1963, стр. 4.

⁴⁹ «Низовья Аму-Дарьи...», стр. 39.

в районе стоянки Кават 7, показал чередующиеся пологонаклонные прослойки серого аллювиального песка и супеси.

Вдоль русла тянется полоса разрушающихся такыров, местами перекрытых барханскими песками. Примерно в полукилометре севернее стоянок Кават 7 и 8 начинается зона сильно разрушенных такыров с многочисленными останцами и промывками, переходящая далее к северу в бугристую солонцеватую равнину с редкими песчаными островками и негустыми зарослями мелкого саксаула. Русло в зоне разрушенных такыров теряется, превращаясь в систему котловин, затем исчезает совсем.

В районе стоянок имеются два уровня такыров; разница в отметках достигает 0,5 м. Непосредственно вдоль русла простираются такыры с отметкой 400 см⁵⁰ и лишь отдельными останцами или мысами представляются такыры более высокого уровня (с отметкой 450 см). К поверхности такыра высокого уровня приурочены находки эпохи бронзы (стоянки Кават 3, Кават 8). Представление о стратиграфическом положении неолитических материалов дают наблюдения на стоянке Кават 7. Как известно, значительная часть культурного слоя стоянки оказалась разрушенной⁵¹. Часть находок из него оказалась на поверхности — на вершине и склонах небольшого бугра, остальные сохранили свое положение *in situ* в верхнем горизонте серой супеси. Последняя, по данным нескольких шурфов в центре и на периферийных частях стоянки, подстилалась чередующимися прослойками суглинка и коричневато-серой слоистой супеси, характеризующимися многочисленными вкраплениями гипса. В основании каждого суглинистого слоя прослеживается темная или голубоватая тонкая болотная прослойка. Поверхность бугра по отметке примерно соответствует современной поверхности такыра верхнего уровня (с отметкой 450 см).

Можно предполагать, что бугор с неолитическими находками на поверхности — один из характерных для прирусловой полосы останцов, который некогда (судя по состоянию находок, сравнительно недавно) был перекрыт слоем суглинка (такыр верхнего уровня). Из этого следует, что на каватских стоянках мы имеем сходную с джанбасской стратиграфию памятников первобытной эпохи: на верхнем такыре, сильно разрушенном, располагаются находки бронзового века, под такыром, в слое супеси, — неолитические материалы. Однако характер подстилающих супесь слоев указывает на несколько иной водный режим этого района. Это не должно вызывать удивления: история каждого из многочисленных русел дельты, соответствуя закономерностям, свойственным дельте в целом, несомненно, отличалась в деталях. Времени, непосредственно предшествовавшему накоплению культурных отложений стоянки Кават 7, соответствовало несколько сравнительно кратковременных затоплений или по крайней мере одно большое затопление, но с периодически менявшимся водным режимом. Об этом свидетельствуют тонкие переслаивающиеся горизонты супеси, суглинка и болотных отложений, подстилающие слой супеси с неолитическими находками. Последний, как и на стоянках Джанбасской группы, был перекрыт в начале II тысячелетия до н. э. слоем суглинка.

Стоянка Кават 5. Материалы стоянки и результаты наблюдений над ее топографией опубликованы⁵², поэтому ограничимся лишь краткой их характеристикой.

⁵⁰ Здесь и ниже отметки даны от условного нуля.

⁵¹ С. П. Голстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Указ. соч., стр. 4. Более подробно о степени и характере разрушения культурного слоя будет рассказано ниже.

⁵² А. В. Виноградов. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР 1957 г., стр. 63—67.

Культурный слой стоянки полностью разрушен, и находки рассеяны на значительной площади. Установить точно их первоначальное положение не представляется возможным. Находки со стоянки, особенно керамика, сильно окатаны — это еще раз подтверждает, что культурный слой ее был разрушен очень давно. Керамики сохранилось немного, из форм реконструируются только полусферические чаши. Из-за плохой сохранности орнамент прослеживается лишь примерно у половиной обломков. Ведущую роль играет прочерченный — волнистый и прямолинейный орнамент, по ряду композиционных признаков близкий к орнаменту нижнего слоя Джанбас 4.

Изделий из кремня на стоянке найдено свыше 300, в том числе около 80 орудий. В числе последних вкладыши с притупленным краем разных типов, пластины с выемками, сверла, скребки концевые и на отщепах, два наконечника стрел обработанные двусторонней отжимной ретушью, односторонние нуклеусы. Обращает на себя внимание большое количество, сравнительно с концевыми скребками, скребков на отщепах (18 против 3). Преобладает кремень коричневато-красных тонов, реже встречается белый. Двусторонне обработанный листовидный наконечник стрелы сделан из темно-коричневого кремня, другой наконечник, представленный обломком, сделан из кварцита.

Об одновременности находок, особенно кремневых, можно говорить лишь предположительно. Не исключено, что в кремневой коллекции имеется примесь находок со стоянки Кават 7, так как площади распространения единичных кремневых изделий этих стоянок соприкасаются и, по-видимому, частично совмещаются.

Стоянка Кават 7. Стоянка расположена в 1 км к западу от развалин афригидского замка Айр-кала. При первоначальном осмотре стоянки было установлено, что поверхностные находки рассеяны на площади диаметром до 50 м, концентрируясь особенно в центральной части этой площади. В некоторых местах на поверхности прослеживались пятна темной золистой супеси.

Участок с наибольшей концентрацией находок (примерно 1600 м²) был разбит на квадраты, каждая находка фиксировалась на плане. Однако план поверхности находок не дал сколько-нибудь определенных данных о форме и размерах разрушенного жилища. По-видимому, это можно объяснить тем, что он фактически не был полным, так как часть площадки с находками была перекрыта песком. Выбрать из песка все находки мы смогли лишь впоследствии, когда, по данным зачистки, знали уже о форме жилища.

После того как шурфовкой было установлено наличие на стоянке участков не до конца развеянного культурного слоя, началась его разборка. В течение двух сезонов было раскопано 696 м² площади стоянки: более половины ее приходится на жилище. Параллельно была проведена топо съемка стоянки и окрестностей.

Мы уже говорили, что находки располагались на поверхности слоя мягкой серой супеси. В наиболее высокой части стоянки слой этот имел толщину в 80—90 см, по склонам бугра он выклинивался, обнажая поверхность подстилающего его суглинка. Супесчаный слой неоднороден по структуре: в верхнем горизонте он рыхлый, слоисто-комковатый, в нижнем — более плотный с хорошо выраженной горизонтальной слоистостью (рис. 24). Наибольшее количество находок было встречено в верхней прослойке супеси. Толщина ее не превышала 25—28 см. Нижняя более плотная прослойка супеси содержала лишь единичные находки, приуроченные обычно к границе ее с верхней прослойкой. Правда, отдельные кости рыб встречались на глубине в 70—80 см от наиболее высокой точки супесчаного слоя. Обе прослойки супеси так же, как и некоторые из подстилающих ее слоев, были прорезаны ямами, достигавшими 1 м глубины. Нако-

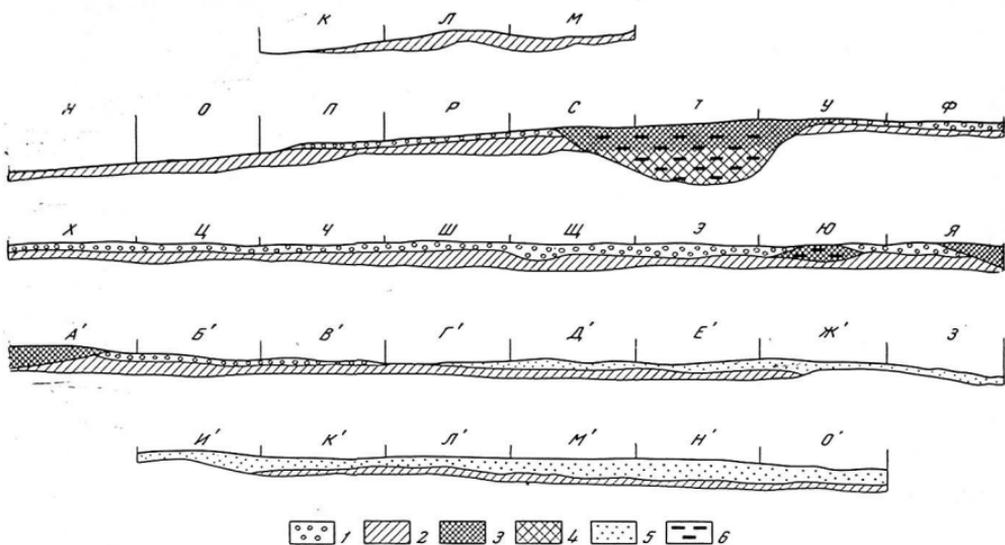

Рис. 24. Стоянка Кават 7. Разрез по осевой бровке 3—В.

1 — слоисто-комковатая рыхлая серая супесь; 2 — более плотная серая супесь; 3, 4 — зольно-супесчаное заполнение ям и зольные пятна (3 — сильная примесь золы; 4 — слабая примесь золы); 5 — перевеваемый песок; 6 — вкрапления углей

нец, нижняя плотная прослойка супеси содержала более обильные находки в районе центрального кострища, где она была, очевидно, затронута очажными ямами и ямами для выброса золы и пепла. Таким образом, можно считать, что культурный слой стоянки — это верхняя рыхлая прослойка супеси, а нижняя граница его — граница двух супесчаных прослоек. Редкие находки в нижнем слое связаны в основном с перекопами, а такие, как кости рыб, с просачиванием из вышележащей прослойки.

Верхняя часть культурного слоя разрушена; разрушение началось после уничтожения перекрывающего слоя такыра. Уничтожена большая часть слоя; в северной части, по склону бугра — целиком, по южному, западному и восточному склонам почти полностью. О первоначальной мощности культурных отложений стоянки судить трудно.

Археологический материал из сохранившейся части слоя довольно богатый, однако большая часть находок все же происходит с поверхности бугра.

Одним из главных итогов работ на стоянке является открытие остатков жилища кельтеминарцев, второго в Акчадарьинской дельте.

После окончания раскопок удалось установить размеры и форму жилища и некоторые детали его внутренней планировки. Границы дома в ряде мест устанавливаются с большой точностью. В первую очередь это относится к восточной части дома. Здесь в результате зачистки 1960 г. обнаружены уплотненные, местами суглинистые валики от 6 до 12—15 см высоты и от полуметра до полутора метров ширины — остатки обваловки нижней части стен. Они тянутся вдоль северной и южной границ жилища. В восточной части дома северный и южный валики не смыкаются, а параллельно продолжают в восточном направлении, выходя за пределы зачистки. Вдоль северного валика с его внутренней стороны тянется цепочка золистых пятен различной интенсивности, перекрывающая цепочку мелких столбовых ямок (рис. 25).

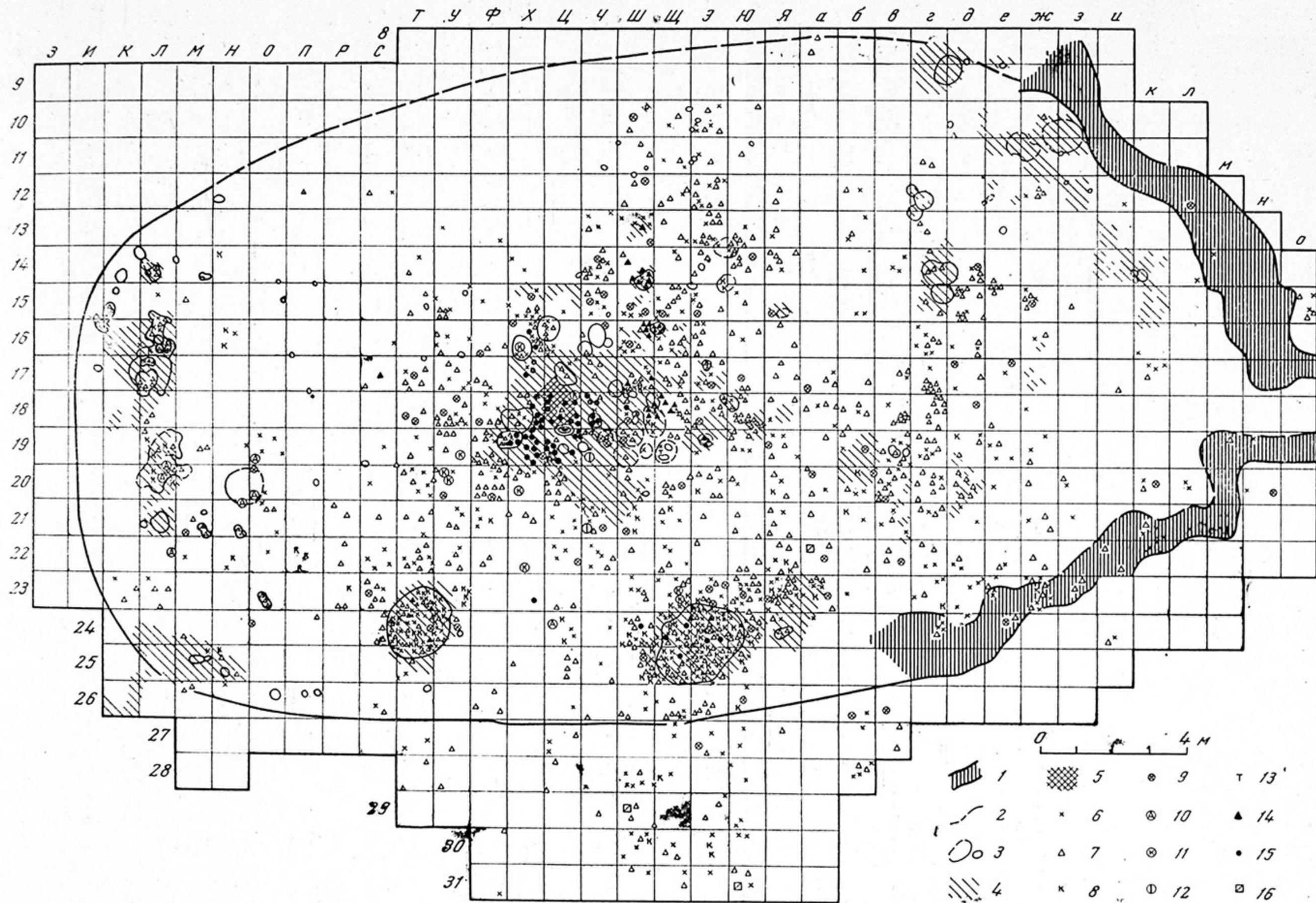

Рис. 25. Стоянка Кават 7. План дома после раскопок

1 — остатки обваловки нижней части стен дома; 2 — предполагаемые границы дома; 3 — ямы; 4 — зольные пятна; 5 — прокаленная супесь; 6 — кремь; 7 — керамика; 8 — кости животных; 9 — украшения из раковин; 10 — обломки створок Anodonta; 11 — камни; 12 — обломки шлифованных изделий; 13 — шлифованные тесла и топоры; 14 — комочки охры; 15 — куски затвердевшего пепла; 16 — яичная скорлупа

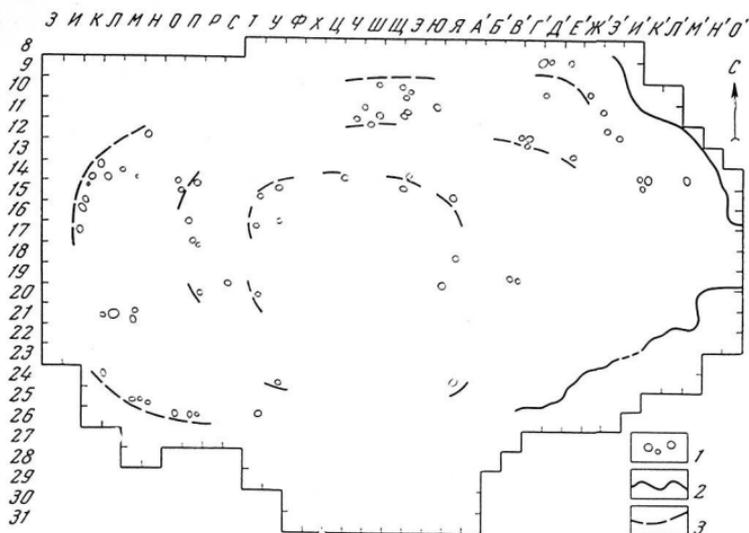

Рис. 26. Стоянка Кават 7. Жилище. План расположения столбовых ям, обнаруженных при расчистке остатков культурного слоя.

1 — столбовые ямы; 2 — граница остатков обваловки нижней части стен жилища; 3 — предполагаемая граница жилища

Очень отчетливо представляется и западная граница жилища. Здесь оно ограничено цепочкой столбовых ям, а вдоль нее следами золы и более крупными хозяйственными ямами. Южная граница дома несколько проблематична лишь в центральной ее части, так как в западной она хорошо прослеживается по цепочке ям, а в восточной — по валику присыпки. Однако и в центральной части южной стены в предлагаемый вариант могут быть внесены лишь незначительные поправки. Во-первых, направление дают здесь две большие хозяйственные ямы, расположенные, по-видимому, у стен жилища (так же как и хозяйственные ямы в западной части жилища). Значительно хуже прослеживается северная граница жилища, имеющая достоверные опорные точки лишь в западной (столбовые ямки) и восточной (валик) частях. В районе центральной части северной стены культурные отложения полностью смыты. Таким образом, северная граница дома проведена предположительно, однако мы полагаем, что здесь возможна лишь незначительная ошибка.

Жилище имеет форму, приближающуюся к овалу. Размеры его по длинной оси — 30—31 м, по короткой — 18—19 м, площадь дома составляет примерно 360—380 м². Длинная ось ориентирована на восток-северо-восток, вход в жилище находится в его восточной части и отклонен от длинной оси несколько к югу.

Жилище представляло собой наземную постройку из дерева и камыша. Камышовая кровля на обрешетке из дерева поддерживалась системой столбов. Так как культурные отложения стоянки и подстилающие их слои во многих местах смыты, сохранилась только часть столбовых ям. Но даже они дают возможность предполагать, что кровля поддерживалась системой столбов, расположенных в виде трех concentрических фигур неправильно овальной формы (рис. 26).

По конструкции, размерам и ориентировке дом стоянки Кават 7 очень близок дому нижнего слоя стоянки Джанбас 4. Имеются, правда, некоторые незначительные различия. Каватский дом больше джанбасского

(примерно на 40—50 м²⁵³), не совпадает несколько ориентировка длинной осп (джанбасский дом ориентирован по линии север-северо-восток — юг-юго-запад, а каватский — восток-северо-восток — запад-юго-запад). Однако различия эти несущественны, и можно с полным основанием говорить, что каватский дом по размерам и ориентации является прямой аналогией джанбасскому.

То же самое можно сказать и о внутренней планировке дома. Правда, мы и здесь не имеем такой полной картины, как на стоянке Джанбас 4.

Рассмотрим прежде всего центральную часть дома (рис. 25). При зачистке большой группы центральных квадратов, на площади приблизительно 20—25 м² под слоем наваянного песка и тонким (1—3 см) слоем серой пылевой супеси открылось большое зольное пятно. В пределах его было окопано большое количество более мелких зольных пятен округлой или овальной формы, давших при расчистке неглубокие корытообразные ямы.

Таких ям на сравнительно небольшой площади насчитывалось около 20. Площадь ям неодинакова, глубина колеблется в пределах от 3—5 см до 10—15 см. Характерной особенностью этого зольного пятна является также большое скопление кусков плотного, слежавшегося белого или желтоватого пепла, особенно много его в южной части. Кроме того, в квадратах 17-18 — Ц, отмечены участки сильно прокаленной супеси красновато-коричневого цвета. В районе зольного пятна и скопления ям как в подъемном матерпале, так и при зачистке, обнаружено много лежащих в беспорядке камней.

Все признаки — большое зольное пятно, группа близко лежащих неглубоких корытообразных ям, скопление затвердевшего пепла и участки прокаленной супеси — свидетельствуют о том, что в этом месте долгое время горел большой огонь. Можно примерно наметить границы кострища. На плане зачистки, а также на профиле по осевой линии хорошо видны остатки земляного обрамления кострища, выложенного, по-видимому, еще и камнями. Остатки обваловки отмечены в квадратах 16—Ч-III, 20 — Ч-III (уплотненный рыжеватоый песок) и в квадрате 19 — Ц (глиняная обваловка). По-видимому, основная масса кусков пепла находится уже за пределами кострища и является результатом его чистки. Не исключено, что основной очаг постепенно перемещался в ту или иную сторону по мере того, как углубление заполнялось пеплом.

Многочисленные куски пепла найдены и в больших ямах, расположенных по периферии жилища, особенно в яме в кв. 24-25 — Ц-Ю (рис. 27, 2). Здесь куски пепла особенно многочисленны и велики по размерам. Культурный слой и находки, заполняющие эту яму, не дают основания предполагать, что пепел является продуктом горевшего здесь огня. Заполненные ямы — золистая супесь с многочисленными обломками костей рыб и животных, обломками керамики и кремневыми изделиями показывает, что это мусорная яма, яма-помойка. Куски пепла вместе с золой и другим мусором попали сюда, видимо, при чистке центрального очага и бытовых очагов, расположенных по периферии дома. Следы таких очагов являются, вероятно, зольные пятна в квадратах 24-25 — Л-Н; 23—24—Я-а и др. Продуктами очистки центрального очага были заполнены и многие ямы в районе их центрального скопления.

В центральных квадратах дома, если исключить из этого две-три периферийные хозяйственные ямы, давшие очень богатые находки, было обнаружено наибольшее количество находок, что, казалось бы, вступает в противоречие с данными о центральном очаге нижнего слоя стоянки Джанбас 4, где в отложениях священного очага отсутствовали бытовые

⁵³ Площадь джанбасского дома была определена С. П. Толстовым в 320 кв. м (С. П. Толстов. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, стр. 61).

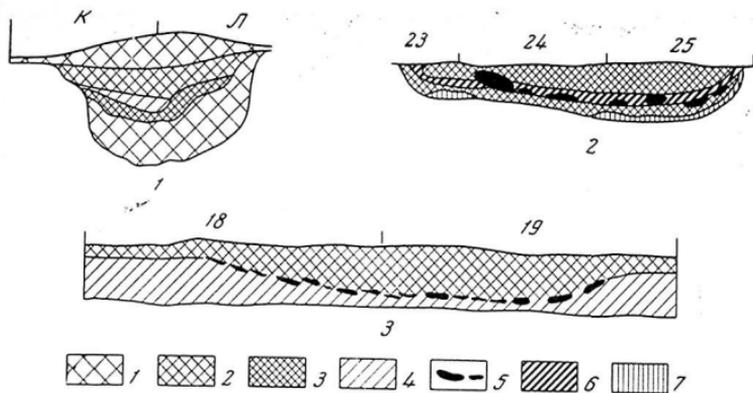

Рис. 27. Стоянка Кават 7. Разрезы заполнения ям.

1 — яма в кв. 17 — К-Л; 2 — яма кв. 24-25 — Ц-Ю; 3 — разрез через одну из ям центрального очага в кв. 18, 19 — Х-Ч
 1 — пылеватая супесь, слабо подкрашенная золой; 2 — более плотная супесь с сильной примесью золы; 3 — черный золистый слой; 4 — серая пылеватая супесь; 5 — куски затвердевшего пепла; 6 — прослойка с интенсивным скоплением углей и золы; 7 — остатки глиняной обмазки дна ямы

находки⁵⁴. Однако если изучить поквартный план находок, то можно увидеть, что в центральной части золного пятна бытовые находки — обломки керамики, кремни, кости — встречаются единично и большими скоплениями располагаются лишь по его дальней периферии. Интересную картину дает в дополнение к этому поквартный план поверхностных находок. После развевания культурного слоя находки, под действием господствующих в этом районе ветров северных румбов, были сдвинуты несколько в южном направлении. На плане, в кв. 20-24 — Х-Ц можно также отметить пятно, свободное от массовых бытовых находок. Правда, оно расположено несколько южнее центрального золного пятна, однако, на наш взгляд, это может быть объяснено результатом действия господствующих ветров, переместивших находки.

Небезынтересно также отметить, что в восточной и северо-восточной частях золного пятна зафиксированы многочисленные находки мелких крупинок охры красного, коричневого и желтого цветов. Многочисленные куски охры большого размера найдены в мусорной яме к югу от центрального очага. Возможно, что эти находки как-то связаны с культом неугасимого огня.

Как уже отмечалось, на площади зачистки вскрыто большое количество ям. Всего их насчитывалось немногим более сотни. Если исключить из этого числа ямы центрального скопления (около 20), то можно отметить, что большинство ям расположено по периферии жилища. Прежде всего необходимо выделить из их числа ямы, имеющие отношение к конструкции жилища — столбовые ямы. Они более или менее стандартны по диаметру (15—20 см), но имеют различную глубину, вследствие неравномерного разрушения слоя, в котором они вырыты. Характер заполнения столбовых ям однородный (серая супесь) и различается лишь степенью интенсивности окрашивания золой. Часть ямок была заполнена почти чистой супесью, содержащей лишь мельчайшие вкрапления угольков. Такие ямки представляли большую трудность для опознания и расчистки, так как заполнение их мало отличалось от слоя, в котором они были вырыты. Часть столбовых ям заполнена той же супесью, но с примесью золы, что отчетливо выделяет их границы. По расположению ямок в за-

⁵⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 61.

падной и северо-восточной частях дома видно, что во внешнем ряду они располагались на расстоянии примерно 1—1,5 м друг от друга. В заполнении некоторых столбовых ямок обнаружены фрагменты керамики, кремня, мелкие кости.

Остальные ямы имеют значительно большие размеры. Характер заполнения ям, их местоположение и размеры в ряде случаев указывают на их назначение.

1. Ямы — остатки кострищ. Как правило, это очень неглубокие, но достаточно большие по диаметру (до 1—1,2 м) корытообразные ямы округлой или овальной формы, заполненные темно-серой золистой массой (супесь, перемешанная с золой, рис. 27, 3). В заполнении ям и вокруг них — многочисленные бытовые находки. Некоторые из таких кострищ не имели углублений и выявлены лишь по темному золистому пятну. Остатки их зафиксированы в восточной, западной и юго-западной частях дома; вдоль северной стены они полностью смыты. Остатки кострищ в виде неглубоких зольных пятен на поверхности зачистки отчетливо прослеживаются и в северо-восточной части жилища. Здесь они тянутся цепочкой с внутренней стороны валика почти до самого входа. Возможно, что это были обогревательные кострища или летние бытовые очаги, так как трудно предположить, чтобы в зимнее время бытовые кострища располагались у самого выхода.

2. Глубокие хозяйственные ямы расположены также вдоль стен жилища. Наиболее характерные из них расположены в западной части жилища. Яма в кв. 16, 17—II — самая глубокая из всех раскопанных ям, имеет небольшие ниши в южной стене, предназначенные, очевидно, для хранения запасов пищи (рис. 27, 1). Заполнены эти ямы, как правило, культурным слоем, т. е. супесью с большим содержанием костей животных и рыб, обломков сосудов и т. п. Отдельными вкраплениями встречаются зольные пятна различной интенсивности.

3. К третьей категории можно отнести две большие ямы в южной части жилища. Судя по заполнению, описанному выше (куски пепла, кости, керамика, сильная золистость), это ямы для отбросов. По-видимому, все крупные ямы после постепенного заполнения их супесью использовались как помойки. Исключение представляют лишь отмеченные выше две ямы, особенно восточная, вырытые, по-видимому, специально для выброса пепла и золы после периодической очистки центрального очага и бытовых очагов. Это особенно хорошо заметно по профилю заполнения восточной ямы: здесь крупные куски пепла лежат непосредственно на дне (рис. 27, 2).

Основную массу находок на стоянке составляют керамика и кремль, собранные на поверхности. Как уже отмечалось выше, площадь основного скопления находок невелика, материал размещался на поверхности довольно компактно и притом довольно равномерно как на вершине, так и по склонам бугра.

Находки, полученные из непо потревоженных участков культурного слоя, составляют количественно примерно десятую часть всего материала.

Уже при первом знакомстве со стоянкой большой интерес вызвало присутствие в материалах некоторых ранее неизвестных форм сосудов и композиций их орнаментики. Наличие в подъемном материале сильно профилированных сосудов, необычных для стеного неолита и энеолита форм, вызвало предположение, не является ли материал стоянки перемешанным, происходящим из двух хронологических комплексов. Учитывая длительное сохранение всех основных форм кремневых изделий на протяжении эпохи неолита, ответы на эти вопросы можно было получить лишь в результате изучения керамического материала. Уже работы на стоянке в 1959 г. позволили предположить, что стоянка Кават 7 является однослойным памятником. Керамический материал, полученный из ям

с непо потревоженным культурным слоем, дал совершенно ту же картину, что и собранный на поверхности стоянки. Поскольку подробная характеристика керамики будет дана ниже, мы не будем подробно останавливаться здесь на находках в ямах. Отметим лишь, что в наиболее богатой находками яме в кв. 24—Т наряду с большими вертикально-вытянутыми сосудами и полусферическими чашками найдены фрагменты сосудов со сливами, с трубчатым носиком, шаровидных сосудов с суженным горлом, шаровидного сосуда с ребром на плечиках и суженным вертикальным горлом. Обломки многих этих сосудов склеивались с обломками, поднятыми в различных местах на поверхности. Таким образом, стоянка Кават 7 дает совершенно новый для настоящего времени уникальный керамический комплекс.

Керамика изготовлена из местного материала ленточным способом. В качестве отощителя преимущественно употреблялся шмот, редко — мелкоотолченная примесь белого цвета, возможно раковины. На некоторых обломках заметны слабые следы лощения по наружной поверхности. Песочной керамики немного, значительно меньше, чем в нижнем слое стоянки Джанбас 4⁵⁵.

В коллекции имеются обломки не менее чем 200 сосудов. Все основные формы их представлены значительными сериями, поэтому есть возможность проанализировать приемы орнаментации не только для всего керамического материала, но и внутри каждой из выделенных по форме групп сосудов. Перейдем к описанию форм.

а) Большие сосуды вертикально-вытянутых пропорций (рис. 28—29), их около 60; примерно $\frac{2}{3}$ сосудов орнаментировано. Орнамент покрывал верхнюю часть сосуда, не более чем до половины его (обычно от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$). У 37 сосудов удалось установить диаметр горла. Наиболее типичны сосуды диаметром от 20 до 30 см (68%).

По форме и пропорции эти сосуды аналогичны соответствующей группе сосудов из нижнего слоя Джанбас 4. Варианты дает главным образом форма изгиба венчика: он может быть почти вертикальным, переходя в дальнейшем к плавно расширяющемуся тулову, может иметь сильный изгиб наружу, образуя заметную, хорошо фиксируемую шейку. Необходимо отметить уже знакомый нам по материалам Джанбас 4 вариант сосудов с горлом более широким, чем раздутая часть тулова.

Существенные отличия, по сравнению с нижним слоем Джанбас 4, дает орнаментика этой керамики. Если для крупных сосудов из Джанбас 4 наиболее характерен прием сплошного покрытия орнаментом до $\frac{2}{3}$ поверхности, то для описываемых — лишь узкий орнаментальный пояс, от верхнего края сосуда и обычно до середины шейки (рис. 28, 1—4, 6—7, 9). Ширина его в среднем равна 3—6 см, достигая иногда 12—15 см.

Главную роль в орнаментике играет узор, нанесенный вдавливаниями, насечками, прочерченный прямолинейный и ямочный. Эти технические приемы в самостоятельном значении и в сочетаниях применены в орнаментации $\frac{3}{4}$ сосудов описываемой группы. Оттиски зубчатого штампа встречены только однажды. Отметим, что последний прием ни разу не встречен в орнаменте сосудов других форм. Единично встречается орнамент, нанесенный трубчатым штампом, ногтевыми вдавливаниями и др.⁵⁶

⁵⁵ Проводимое здесь и ниже сопоставление материалов стоянки Кават 7 с материалами нижнего слоя стоянки Джанбас 4, на наш взгляд, наиболее закономерно, так как комплексы находок на этих, безусловно разновременных, стоянках являются на территории Хорезма пока самыми крупными и полными и наиболее хорошо документированными.

⁵⁶ О количественном соотношении различных типов орнамента см. таблицу 1 на стр. 86—87.

Орнаментальные композиции довольно просты. Пояса по венчику и шейке образованы обычно сочетанием одной или нескольких полос вдавленных или насечек с прочерченными прямыми или волнистыми линиями (рис. 28, 6, 9; рис. 29, 2) или полосой меандрового орнамента (рис. 28, 4). Наиболее наряден орнамент в виде горизонтальных полос из отрезков прямых прочерченных линий, ограниченных бордюром насечек или ямок (рис. 28, 1—2). Интересны геометризованные композиции, например, заштрихованные треугольники (рис. 29, 3—4). Другие варианты показаны на таблицах (рис. 28, 3, 5, 7—8; рис. 29, 1, 5—6).

Остановимся подробнее на характеристике фрагментов одного сосуда, техника нанесения и композиция орнамента которого очень своеобразны (рис. 29, 7). Что касается композиции, то здесь налицо один из немногих в материалах стоянки случаев, когда поверхность сосуда почти полностью орнаментирована. Техника нанесения орнамента — желобчатая (каннелюр) встречена в кельтеминарской орнаментике впервые и не может быть выведена непосредственно из какого-либо известного нам для кельтеминара типа орнамента, хотя на первый взгляд напрашивается сопоставление этого приема с прочерченным орнаментом. Скорее всего этот

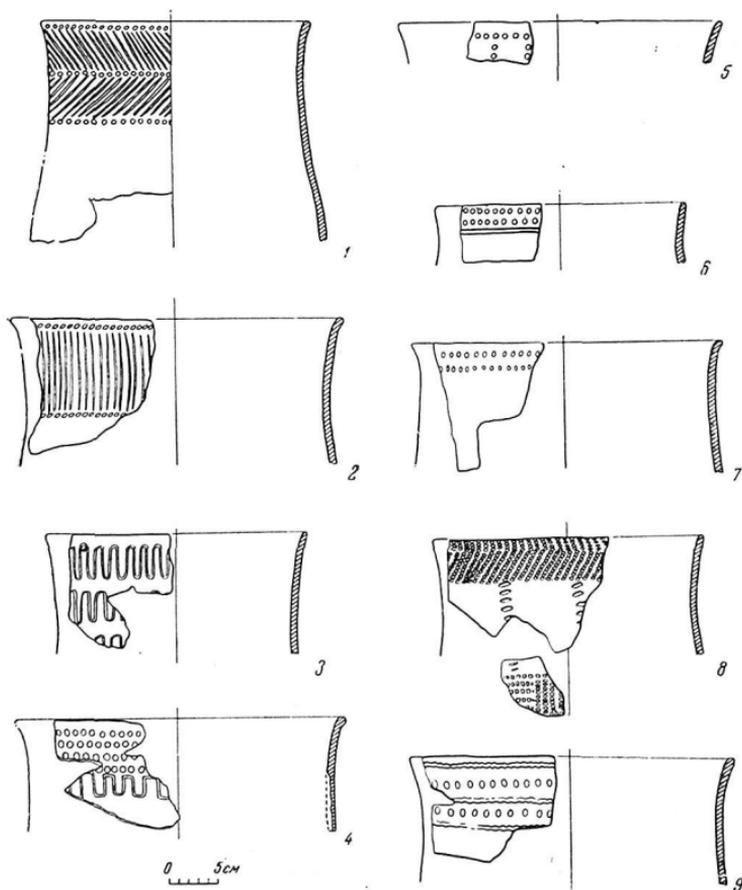

Рис. 28. Стоянка Кават 7. Керамика

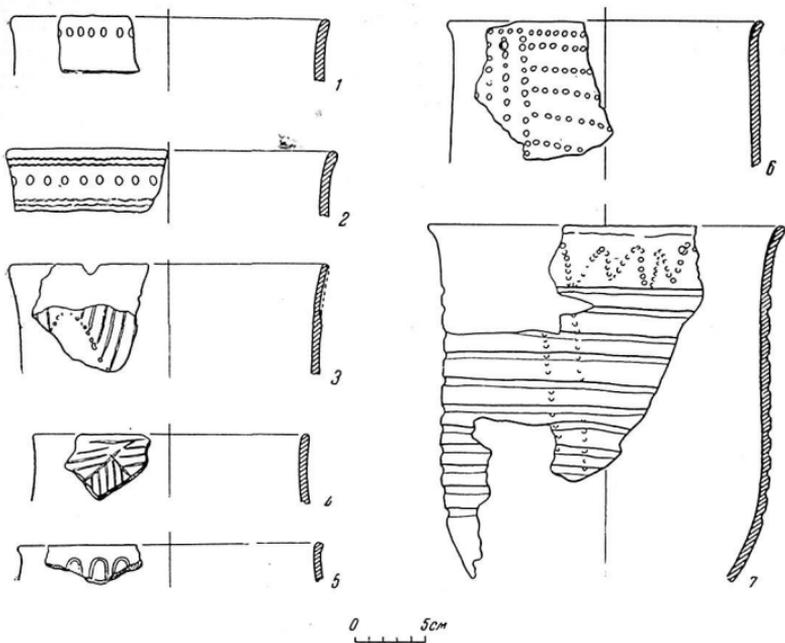

Рис. 29. Стоянка Кават 7. Керамика

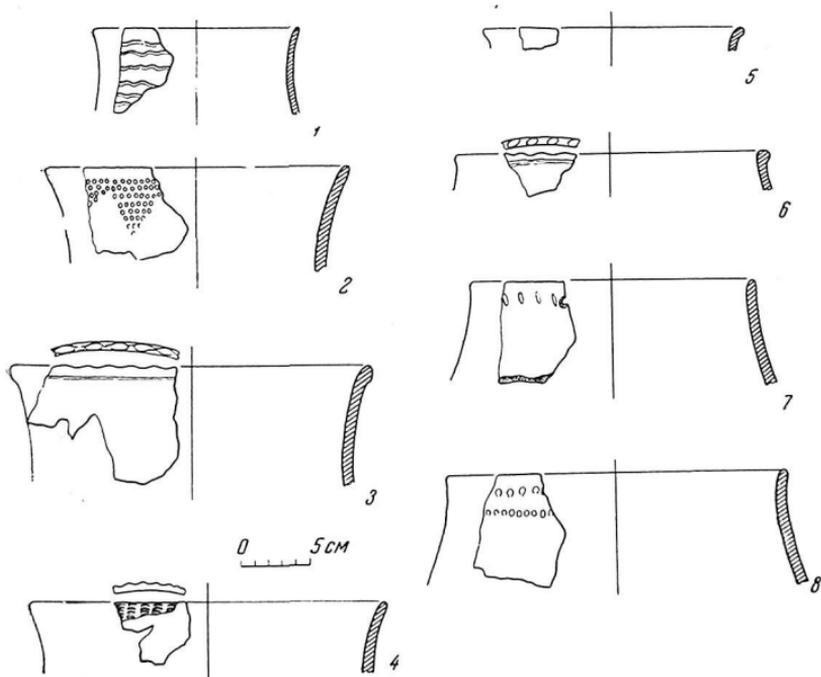

Рис. 30. Стоянка Кават 7. Керамика

новый для кельтеминара, сохранившийся позднее, в энеолите прием лишь был воспринят на основе местной технической традиции. Желобки довольно широки (0,4—0,6 см), выражены неравномерно и местами имеют слабую волнистость. Орнамент нанесен, по-видимому, закругленной на конце дощечкой или палочкой.

О том, что здесь это заимствованный прием, свидетельствует и то обстоятельство, что первоначально сосуд был украшен по принципу, характерному для некоторых сосудов описываемой группы. По верхнему краю его идет горизонтальный поясок в виде зигзага, образованный трубчатым штампом. От него (аналогично сосуду, изображенному на рис. 28, 8) отходят двойные вертикальные линии, нанесенные тем же трубчатым штампом. Желобчатая орнаментация так же, как и некоторые композиции кельтеминарского орнамента, имеет ближайшие аналогии в материалах южных раннеземледельческих культур. Обломки сосудов с каннелированным орнаментом из Джебельской пещеры, в отличие от каватских, имеют явно импортное происхождение. Ближайшие аналогии им А. П. Окладников находит в керамике Шах-тепе⁵⁷. Отметим, что техника выполнения желобков на серолощенной, сделанной на круге, керамике из Джебела⁵⁸ (глубина и ширина бороздок, слабо выраженная волнистость) близка к каватской.

б) Сосуды с шаровидным туловом (около 30 экз., рис. 30—32). В эту группу условно объединены сосуды, имеющие форму тулова, более или менее приближающуюся к шаровидной, и довольно существенные различия в форме горла и венчика. Однако за исключением нескольких сосудов, о которых мы скажем ниже, профилировка верхней части, заметно отличающаяся у крайних экземпляров серии, в пределах ее имеет многочисленные переходные формы.

Небольшая группа сосудов описываемой серии (рис. 30, 1—4) перекликается по форме, отличаясь пропорциями и большей профилировкой, с большими вертикально вытянутыми сосудами. Вариантом этого типа будут сосуды с коротким суженным горлом, но без характерно отогнутого венчика, производящим впечатление подрезанного (рис. 30, 5—8).

Диаметр горла у этих сосудов незначителен и колеблется в пределах 8—15 см (наиболее характерен — 10—12 см). Бортик округлый или слегка уплощенный сверху, иногда слегка утолщен небольшим напыльвом снаружи. Насколько можно представить по реконструкции, диаметр тулова превышал диаметр горла примерно в полтора раза.

В особый тип выделяются сосуды с хорошо выраженным шаровидным туловом и сильно отогнутым наружу прямым или слегка изогнутым венчиком. Граница между туловом и венчиком отчетливая, в виде довольно резкого изгиба, иногда близкого к излому (рис. 32, 1—9). Верхняя часть тулова обычно сильно раздута. Имеются многочисленные варианты в форме венчика и перехода от венчика к тулову.

Несколько отличны три шаровидных сосуда с характерной формой венчика. Это, во-первых, два сосуда шаровидной формы, со срезанной (усеченной) верхней частью (рис. 31, 4—5). Оба они примерно одинаковых размеров ($D=18$ и 20 см), имеют тонкий, как будто заостренный на конце венчик, у одного из сосудов слегка отогнутый. Во-вторых, также шаровидный сосуд с ребром, горизонтальными вогнутыми внутрь плечиками и, вероятно, узкой шейкой (рис. 32, 10). Обе формы встречены единично.

Следует отметить значительную толщину стенок у некоторых сосудов

⁵⁷ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. VII, 1956, стр. 204, 205.

⁵⁸ Там же, стр. 38, рис. 18, 3; стр. 47, рис. 24, 2.

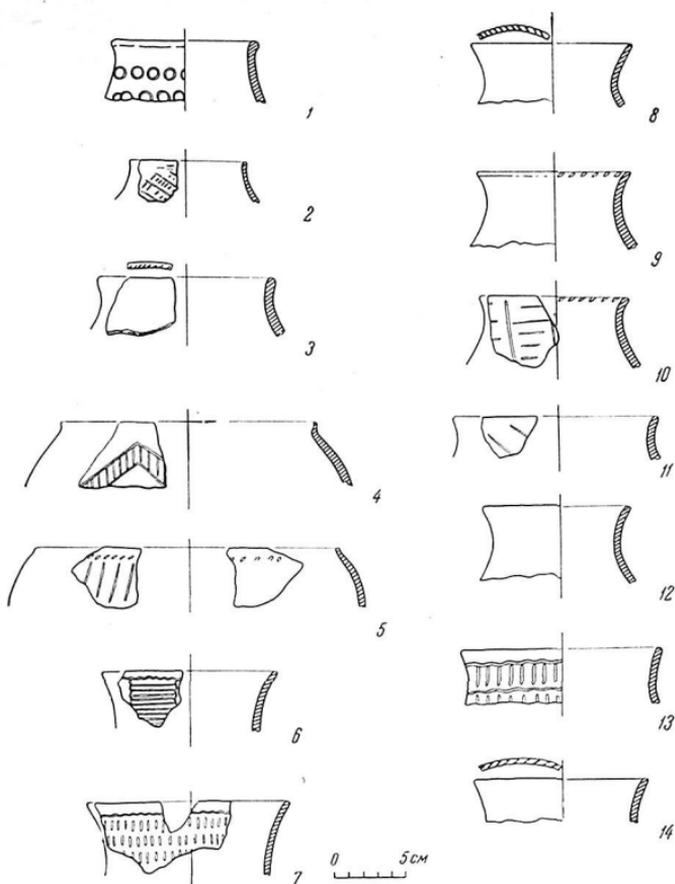

Рис. 31. Стоянка Кават 7. Керамика

с шаровидным туловом, достигающую 1,1—1,2 см. Характерно, что относительно тонкостенными остаются нижняя часть сосуда и венчик, наибольшую же толщину стенки имеют в районе плечиков. Это нельзя не связать с наличием в верхней части тулова многих сосудов этой серии отверстий, сделанных до обжига. Несомненно, они предназначались для прикрепления ручек.

Около половины сосудов орнаментировано. Принцип орнаментации, характерный для сосудов первого типа, в целом выдержан и здесь. Насколько можно судить по фрагментам, подавляющее большинство сосудов также не имеют сплошной орнаментации, а украшены лишь орнаментальным поясом, расположенным на шейке у сосудов, близких по форме к большим вертикально-вытянутым, а у остальных, как того требует форма, спускающимся на плечики. Поясок этот зачастую довольно широкий (до 5—6 см, а возможно, и шире). Из орнаментальных мотивов встречены ромбическая решетка, образованная прямыми или волнистыми прочерченными линиями (четыре случая, рис. 32, 1, 3, 5, 6), прямая решетка из волнистых линий (один случай, рис. 32, 9), горизонтальные ряды насечек и вдавлений (рис. 31, 7, 13), зигзагообразная лесенка (рис. 31, 4), треугольники (рис. 30, 2) и прямоугольники (рис. 31, 6).

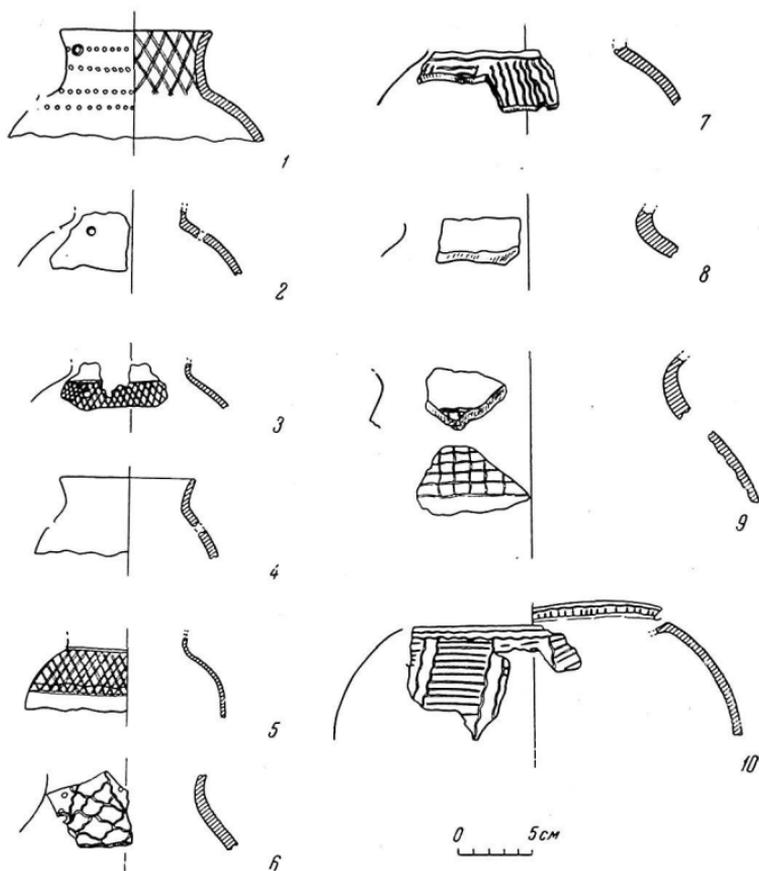

Рис. 32. Стоянка Кават 7. Керамика

Отметим два сосуда, украшенные прочерченным волнистым орнаментом в форме заштрихованных прямоугольных фигур — мотив, близкий по композиции орнаментике нижнего слоя стоянки Джанбас 4. Оба сосуда (рис. 32, 7, 10) сохранились фрагментарно, однако можно предполагать, что орнамент выступает здесь не в виде пояса, а покрывает не менее половины сосуда (до его наиболее широкой части). То же самое можно предположить и относительно сосуда, украшенного горизонтальными волнистыми линиями (рис. 30, 1).

в) Полусферические чаши (примерно 70—80 экз., рис. 33—34).

Большинство сосудов имеет неправильно-полусферическую форму; дно круглое, бортики прямые округлые или уплощенные сверху. Для небольшой части сосудов характерен утолщенный бортик, выраженный либо в виде плавного округлого утолщения по краю с наружной стороны (рис. 34, 7), либо легкого, едва наблюдаемого, наплыва с внутренней. Последний, возможно, получался за счет уплощения бортика сверху, производившегося по сырому тесту в конце формовки. Уплющенные сверху бортики встречаются довольно часто.

Как и в других формах, здесь имеются варианты, сводящиеся в сущности к незначительным отклонениям формы венчика. Это, во-первых, несколько чашек с легким перегибом в верхней части, образующим некое

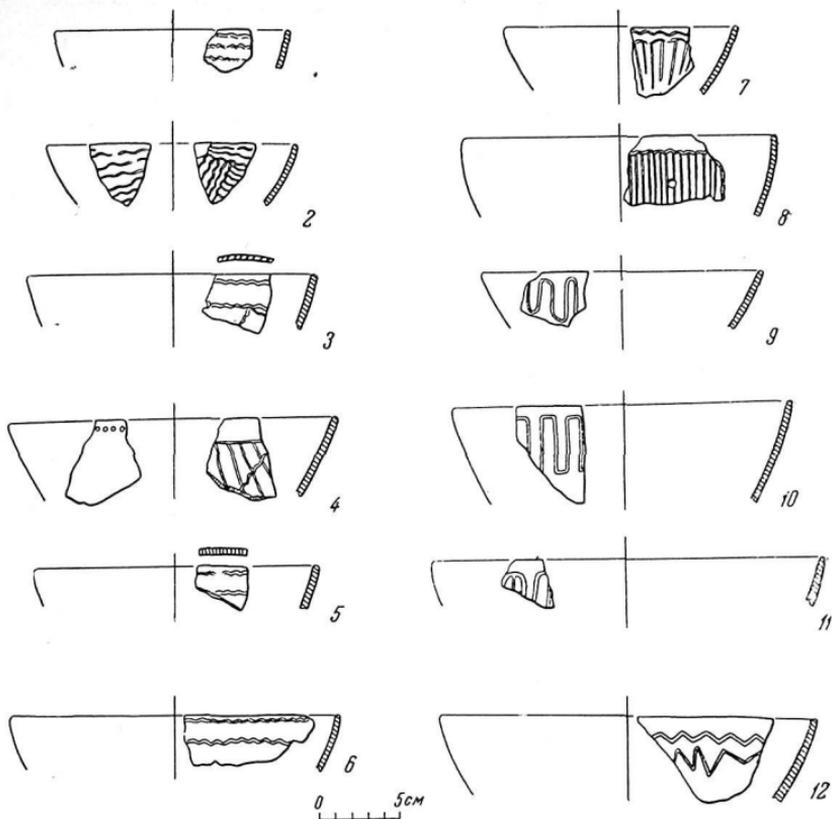

Рис. 33. Стоянка Кават 7. Керамика

подобие горла. Бортик в таком случае либо вертикален, либо слегка отогнут наружу, а самая широкая часть сосуда лежит чуть ниже венчика. Во-вторых, чаши с плавным отгибом венчика наружу (рис. 34, 7). Этот вариант формы характерен всего лишь для двух-трех сосудов.

У 42 сосудов удалось измерить диаметр. Большинство чаш невелики по размеру. У 28 сосудов диаметр горла колеблется в пределах от 15 до 20 см и лишь у 14 — от 21 до 25 см.

Незначительные размеры, компактность сосудов обусловили и сравнительную тонкостенность их. Толщина стенок колеблется в пределах от 0,3 до 0,6 см с преобладанием толщины в 0,4—0,5 см. Сосуды очень легкие. Найденные на стоянке обломки чаш почти не имеют следов закопченности. По-видимому, это столовая посуда.

Характерная форма чаши обусловила стандартную форму ее орнаментации. Если орнаментика больших кельтеминарских сосудов ко времени существования стоянки Кават 7 претерпела существенные изменения, то здесь нет существенных различий между описываемым материалом и материалом нижнего слоя стоянки Джанбас 4 (за исключением появления нового вида орнамента, о котором мы скажем ниже).

Типичным для чашек является сравнительно узкий орнаментальный пояс чуть ниже (от 0,5 до 1,5 см) края сосуда. Это может быть в простейшем виде одна, две или три полоски ямок, вдавленных овальной формы,

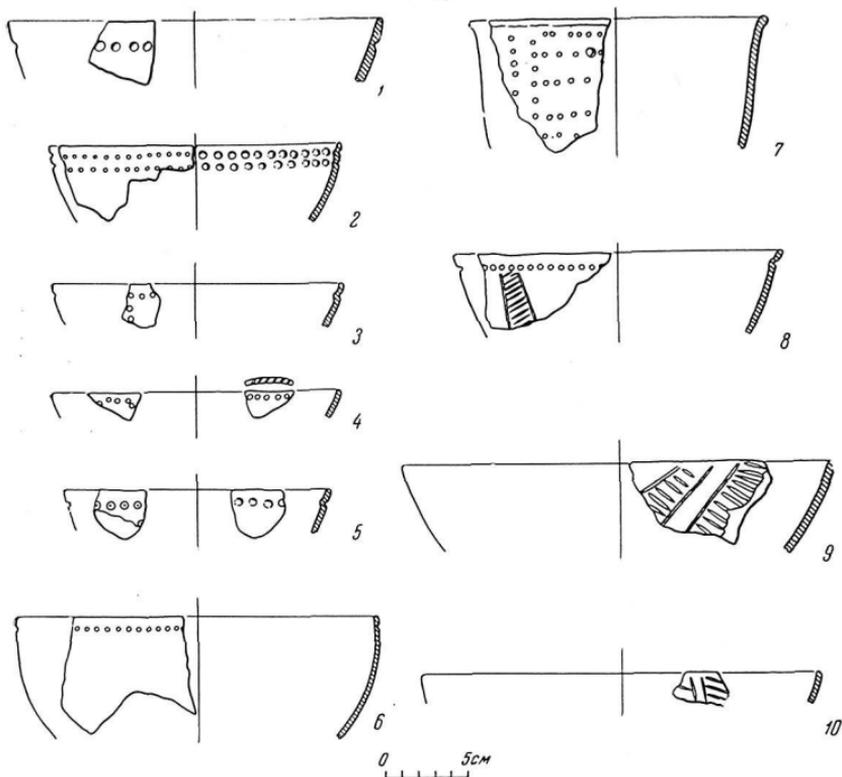

Рис. 34. Стоянка Кават 7. Керамика

прочерченных параллельных прямых или волнистых линий (рис. 33, 1, 5—6; рис. 34, 1—6). В усложненном виде это более широкий пояс, образованный обычно сочетанием двух или нескольких типов орнамента. В этом случае более характерны ленты из вертикальных прочерченных линий (рис. 33, 7, 8), лесенки (рис. 34, 8, 9), треугольники или ромбы. Важно отметить сохранение того же принципа, только в несколько усложненном варианте — заполнение пояса однообразными повторяющимися элементами.

Третьим, сравнительно редко встречающимся и, несомненно, более тесно связанным с орнаментикой раннекельтеминских больших сосудов, является прием сплошного заполнения пространства заштрихованными геометрическими фигурами — треугольниками или многоугольниками (рис. 33, 2, 4), а также горизонтальными волнистыми линиями.

Представленные фрагментарно орнаменты этого типа не всегда могут быть полностью реконструированы.

Из элементов орнамента, нехарактерных для керамики нижнего слоя Джанбас 4, отметим прочерченный простой меандр (рис. 33, 9—11). Применяется он так же, как и другие виды орнамента. В заключение отметим, что для полусферических чаш характерен орнамент не только на наружной, но и на внутренней поверхности сосуда. Наиболее сложные композиции с применением прочерченного волнистого и прямолинейного орнамента более характерны для внутренней поверхности чаш (рис. 33, 1—4, 7 и др.).

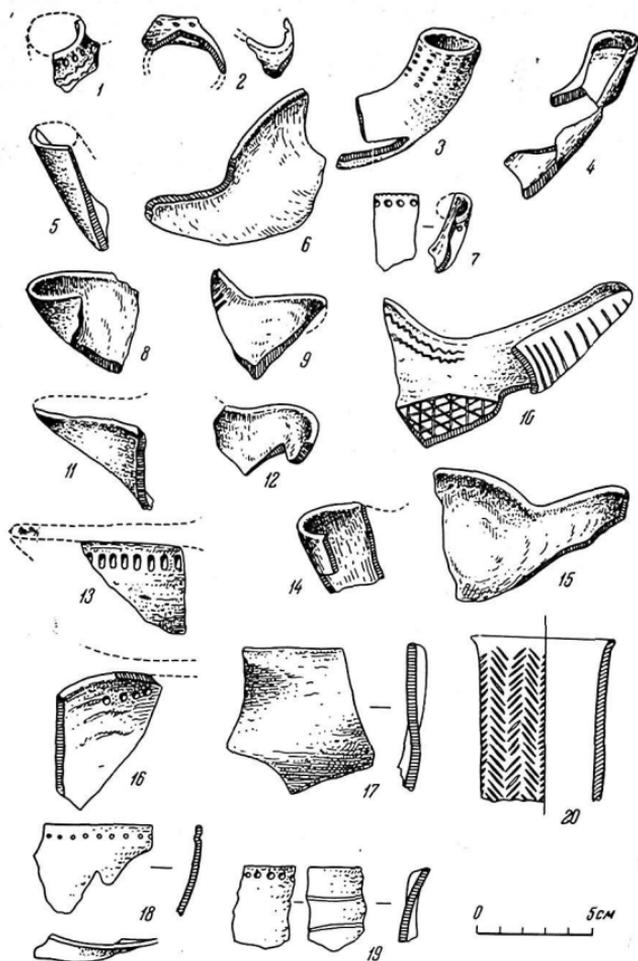

Рис. 35. Стоянка Кават 7.

Обломки сосудов со сливами и трубчатыми носиками (1—19);
фрагмент верхней части небольшого сосуда неизвестной
формы (20)

г) Сосуды со сливами и носиками (около 30 экз., рис. 35). Все они представлены очень фрагментарно, и ни один сосуд не удается реконструировать. В эту группу отнесены все обломки носиков и сливов, а также небольшое число обломков, предположительно относящихся к сосудам со сливами или носиками⁵⁹.

Трубчатые носики представлены тремя типами:

1. Короткий трубчатый носик, слегка изогнутый (загнутый вверх, рис. 35, 1). Длина сохранившейся части единственного, представляющего этот тип экземпляра, около 1,5 см. Его форма позволяет предполагать, что в полном виде длина его от края до места соединения с сосудом не намного превышала длину сохранившейся части.

2. Длинные изогнутые трубчатые носики (рис. 35, 3, 4) представлены двумя экземплярами, близкими по форме и размерам, но отлича-

⁵⁹ Не исключено, что некоторые из обломков, показывающих явную асимметрию, принадлежат сосудам ладьевидной формы.

щимися по диаметру трубки (2 и 2,7 см). Длина носиков свыше 8 см. Один из них украшен короткими насечками, идущими от края.

3. Носики длинные и прямые. Представлены одним фрагментом (рис. 35, 5). Длина сохранившейся части носика 5,5 см. По-видимому, носик был не полностью прямым, а имел небольшой изгиб в месте прикрепления его к сосуду.

В коллекции имеются также два обломка (рис. 35, 7, 14), которые предположительно можно реконструировать, как трубчатые носики. Однако не исключено, что они, особенно второй, являются фрагментами сливов.

Представляют интерес для реконструкции сосудов два обломка (рис. 35, 2, 6) с частью венчика. Особенно характерен первый из них, украшенный по венчику небольшими глубокими ямками. Плавная изогнутость стенок сосуда в районе примыкания трубчатого носика указывает, что последний не вставлялся снаружи в отверстие в стенке, с последующим загибом его краев вдоль внутренней стенки (как реконструировать технику изготовления носиков Т. Арне по материалам Шах-тепе⁶⁰), а формировался вместе с верхней частью сосуда при помощи палочки, вынимающейся после того как сосуд подсохнет или выгоравшей при обжиге⁶¹. Форма сохранившейся части этого сосуда позволяет предполагать, что у него был носик первого типа, короткий и изогнутый. Второй обломок (рис. 35, 6) принадлежал, вероятно, сосуду с длинным изогнутым носиком.

Эти два фрагмента позволяют нам реконструировать форму сосудов с носиками. Судя по сохранившейся части тулова и венчика, это были открытые полусферические чаши описанной выше формы. Не исключено, что часть их в плане имела не круглую, а овальную форму с носиком, примыкающим к узкой части сосуда. В процессе раскопок стоянки Кават 7 возникло предположение, что некоторая часть трубчатых носиков принадлежала водоносным сосудам с шаровидным туловом и дырочками в плечиках для прикрепления ручки. Однако в процессе камеральной обработки материала это предположение как будто не получило подтверждения.

Значительно большим числом обломков представлены сосуды со сливами. Здесь тоже можно выделить два отличающихся по форме типа. Первый — это сосуды с коротким открытым корытообразным сливом (рис. 35, 8, 9, 12). Второй — с длинным желобообразным сливом, верхние края которого слегка загнуты внутрь (рис. 35, 10, 13). Длина одного из них, почти полностью сохранившегося, достигает 8 см. Имеются переходные формы (рис. 35, 11, 15).

Форму сосудов со сливами можно реконструировать как по представленным в материалах стоянки фрагментам, так и по аналогии с почти полностью склеенным сосудом со стоянки Дингильдже 6⁶², имеющим слив первого типа. Это то же, что и сосуды с носиками — открытые полусферические чаши.

При разборке керамического материала нами были выделены и отнесены к описываемой группе также около 20 небольших фрагментов (в основном венчиков сосудов, по типу — полусферических чашек, но с явно выраженной асимметричностью стенок (рис. 35, 17—19). Предполагаем, что они относятся к сосудам со сливами и носиками.

Рассматриваемая группа керамики орнаментирована довольно бедно, что, как мы убедились, характерно и для полусферических чашек вооб-

⁶⁰ Т. Арне. Excavations at Shah-Tepe. Stockholm, 1945, p. 223.

⁶¹ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. «Труды ИЭ АН СССР», нов. серия, т. XLII, 1959, стр. 28.

⁶² А. В. Виноградов. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР 1957 г., стр. 71, рис. 7.

ще. Кроме двух отмеченных выше случаев, бедную орнаментацию имеют еще несколько сосудов. Они украшены цепочкой вдавлений или небольших ямок по краю сосуда (рис. 35, 7, 13, 16, 18), волнистыми линиями (рис. 35, 1, 19). Выделяется фрагмент сосуда с длинным, желобчатой формы носиком (рис. 35, 10). Дно его изнутри украшено многоугольной (возможно, шестиугольной) фигурой и заштриховано в форме решетки. По краю, с внутренней же стороны, даны две прочерченных зигзагообразных линии, а узкий и длинный слив от края до края огибают прочерченные прямые линии (имитация крепления, обвязки⁶³). Внутренний край одной чаши со сливом украшен насечками (рис. 35, 9).

д) Ладьевидные (?) сосуды. В материалах стоянки имеется несколько фрагментов, форма которых позволяет определить их как ладьевидные сосуды, хотя не исключено, что это также обломки чашек со сливами. Они характеризуются сильной асимметрией стенок, определяющейся хорошо известной по материалам стоянки Джанбас 4 формой ладьевидного сосуда⁶⁴. Среди них имеются три больших обломка, один из которых имеет орнаментацию по верхней части сосуда: снаружи в виде полосы насечек, а изнутри в виде каймы из вертикальных прочерченных линий, ограниченных сверху линией насечек, а снизу горизонтальной прочерченной линией. Судя по сохранившимся обломкам, по размерам эти сосуды аналогичны джанбасским или чуть меньше их. Поскольку нет возможности точно определить форму сосуда по имеющимся черепкам, назвать число ладьевидных сосудов, как это сделано ориентировочно для других форм, не представляется возможным. По очень грубым подсчетам, их было не более 10.

Из отдельных, выпадающих за пределы вышеописанных групп сосудов можно отметить склеенное из множества мелких обломков узкое горло какого-то неизвестной формы сосуда (рис. 35, 20). Диаметр его в верхней части равен 6 см и в средней — около 5 см, высота сохранившейся части 7 см. Стенки вертикальные, венчик слегка отогнут наружу. Нижняя часть несколько суживается. Снаружи горло сплошь украшено насечками в виде вертикальных елок. Не исключено, что это фрагмент миниатюрного сосудика; более вероятно, что это узкое горло большого сосуда. Предположительно его можно отнести к одному из шаровидных сосудов, хотя сохранившиеся у некоторых из них венчики указывают как будто на иную форму горла и более значительный его диаметр. Как и вся остальная керамика, этот сосуд лепной и сделан жгутовой техникой.

е) Отдельные обломки (рис. 36, 37). Из массы трудноспределимых обломков можно предположительно выделить лишь фрагменты больших сосудов. Один из них украшен по горлу от самого края широкой полосой вертикальных линий (рис. 36, 19), другой, что очень любопытно, — крупной ромбоячейстой решеткой — мотивом известным, но располагающимся в данном случае на внутренней поверхности сосуда (рис. 37, 13).

Орнаментальный мотив на трех обломках, относящихся, по-видимому, также к большим сосудам (рис. 36, 1, 3—4), характерен для раннекельтеминарского времени. Размер их, особенно третьего, позволяет предполагать, что украшены они были в манере, характерной для нижнего слоя стоянки Джанбас 4 — не в виде бордюра у края, а в виде покрытия орнаментом значительной части поверхности стенок.

Принадлежность остальных орнаментированных черепков к сосудам какой-либо из описанных форм может быть определена лишь предположительно. Никаких других типов орнамента, кроме вышеописанных, эти обломки не дают.

ж) Диски. Особую группу керамических изделий составляют диски с просверленными в центре отверстиями. Размеры их различны (диа-

⁶³ T. A g n e. Excavations at Shah-Tepe, p. 222, 223.

⁶⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 64, рис. 5.

Рис. 36. Стоянка Кават 7. Керамика

метр от 3,5 до 6—8 см). Преобладают небольшие диски диаметром в 3—4 см. Все они сделаны из стенок разбитых сосудов, часть их поэтому имеет орнамент. Края большинства дисков не обработаны, им лишь придана приблизительно форма круга. Отверстия имеют коническую форму, изредка сверление производилось с двух сторон. Эти изделия чрезвычайно характерны для многих неолитических и энеолитических стоянок, в том числе и кельтеминарских (см. Джанбас 4, стр. 41—42).

Подведем некоторые итоги. Очень обильный керамический материал стоянки Кават 7 при сравнении с материалами нижнего слоя Джанбас 4 показывает существенные изменения в соотношении различных форм сосудов и особенно в их орнаментике. Что касается керамических форм, то главное отличие описываемого материала — в появлении крупной серии сосудов с шаровидным туловом (в нижнем слое Джанбас 4 они единичны), а также сосудов с разнообразными по форме и размерам сливами и трубчатými носиками.

Еще более выразительны различия в орнаментике посуды. Ниже приводится сводная таблица соотношения типов орнамента на сосудах отдельных форм и в целом (табл. 1). Из этой таблицы можно видеть, что прочерченный орнамент в разных его проявлениях играет ведущую роль в орнаментике каватской керамики (138 случаев против 112 — суммы случаев применения насечек, овальных вдавлений и ямочного орнамента). Более того, в сумме прочерченного орнамента на долю волнистого приходится 61 случай, т. е. около половины. Формально это соотношение близко

Рис. 37. Стоянка Кават 7. Керамика

к тому, что мы имеем в материале нижнего слоя Джанбас 4. Однако при сравнительном анализе более существенны не технические приемы, а принципы композиционного построения орнамента. Близка к джанбасским и по технике, и по мотивам лишь очень небольшая группа орнаментальных композиций, выполненных с применением прочерченного орнамента. Применение узкого орнаментального пояска в верхней части сосуда — принцип, характерный в керамике нижнего слоя Джанбас 4 лишь для полусферических чаш, — здесь присущ в целом всем керамическим формам. Заметную роль в орнаментике Кават 7 играют новые технические приемы, новые элементы и мотивы орнамента. Отметим довольно широко распространенный мотив мелких повторяющихся треугольников, узких оторванных друг от друга «лесенок». Скажем, наконец, о новых видах орнамента — ямочном и меандре. Собственно говоря, ямочный (неправильноямочный) орнамент есть и на керамике нижнего слоя Джанбас 4. Однако там он составляет лишь доли процента. Прочерченный орнамент в форме простого меандра в материалах Джанбас 4 не встречен; в орнаменте Кават 7 он играет заметную роль и имеется во многих вариантах. Интересные результаты в связи с этим дало изучение комбинаций различных типов орнамента (табл. 2).

Как видно из табл. 2, ямочный и меандровый орнамент в противоположность прочерченному — волнистому и прямолинейному, насечкам и

Соотношение типов орнамента на сосудах

Тип орнамента Форма сосудов	1. Прочерченный												2. Насечки		
	а. волнистый			б. прямолинейный			в. меандр (простой)			всего прочерченного			отдельно	в сочетании	всего
	отдельно	в сочетании	всего	отдельно	в сочетании	всего	отдельно	в сочетании	всего	отдельно	в сочетании	всего			
Большие сосуды вертикально вытянутых пропорций	1	2	3	1	5	6	2	1	3	4	8	12	3	3	6
Сосуды с шаровидным туловом	5	2	7	4	4	8	—	—	—	9	6	15	—	4	4
Полусферические чаши	16	7	23	5	7	12	4	—	4	25	14	39	5	3	8
Сосуды со сливами и трубчатymi носиками*	—	2	2	1	—	1	—	—	—	1	2	3	3	—	3
Обломки сосудов неопределенных форм**	1	25	26	23	16	39	5	—	5	29	41	70	8	10	18
Всего			61			65			12			138			39
Всего, %			21,7			23,2			4,3			49			14

* Учтены обломки сосудов ладьевидной (?) формы.

** Учтены керамические диски.

вдавлениям — практически не вступает в сочетания с другими типами орнамента. Для меандрового орнамента отмечен лишь один случай сочетания (с вдавливаниями), для ямочного — ни одного. Лишь однажды он встречен в сочетании с волнистым, но один узор был нанесен изнутри, другой — снаружи сосуда.

В заключение отметим, что одной из особенностей керамического орнамента Кават 7 является полное отсутствие оттисков качалки — гладкой и зубчатой — столь характерных для многих стоянок и джанбасской группы и особенно прибрежных районов дельты — Байрамказган, Мамур, Джингельды и др. (см. ниже).

Изделия из камня. Материалом для изготовления служил преимущественно кремль. В ходе работ на стоянке на поверхности дома и при расчистке остатков культурного слоя найдено 2997 предметов из кремня. Среди находок преобладает кремль невысокого качества, коричневого, красноватого и желтоватого тонов. Изредка встречаются изделия из желтовато-белого и молочно-белого кремня более высокого качества. Внешне характер кремневого материала тождествен материалу из кремневой мастерской Бурлы 3, откуда, вероятно, он и был получен. Единично встречены изделия из серого или коричневого кварцита.

Кремневая индустрия Кават 7 — это высокоразвитая и совершенная пластинчатая индустрия микролитического характера. Здесь найдено 1748 обработанных и необработанных ножевидных пластин и только 1221 обломков и отщепов. Законченных в обработке орудий в числе находок насчитывается 1035, т. е. несколько более одной трети от общего количества кремневых находок. Из них 969 изделий из ножевидных пластин и толь-

Таблица 1

разных форм со стоянки Кават 7

3. Вдавленные овальные			4. Зубчатый			5. Ямочный			6. Трубоччатый			7. Ногтевой			8. Желобчатый (каннелюр)			9. Пальцевые вдавления			Насечки по верху борна
отдельно	в сочетании	всего	отдельно	в сочетании	всего	отдельно	в сочетании	всего	отдельно	в сочетании	всего	отдельно	в сочетании	всего	отдельно	в сочетании	всего	отдельно	в сочетании	всего	
9	6	15	—	1	1	4	—	4	1	1	2	1	—	1	—	1	1	1	—	1	5
—	1	1	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	1	2	—	—	—	—	—	—	5
5	2	7	—	—	—	10	—	10	3	2	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
3	1	4	—	—	—	3	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
10	15	25	—	—	—	3	—	3	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		52			1			20			10			3			1			1	14
		18,6			0,4			7,2			3,6			1			0,4			0,4	5

Таблица 2

Сочетания различных типов орнамента на керамике стоянки Кават 7

№	Сочетания типов орнамента	Большинство сосудов, вертикальных выгнутых порции	Сосуды с горизонтальным туловом	Полусферические чаши	Сосуды со слабыми носками	Обломки сосудов неопределенных форм	Всего
1	1а и 1б	—	1	4	—	9	14
2	1а и 2	—	1	1	—	4	6
3	1а и 3	2	—	2	1	12	16
4	1а и 5	—	—	—	1	—	1
5	1б и 2	2	3	1	—	5	11
6	1б и 3	2	1	—	—	2	5
7	1б и 6	—	—	1	—	—	1
8	1в и 3	1	—	—	—	—	1
9	2 и 3	—	—	—	—	1	1
10	2 и 4	1	—	—	—	—	1
11	6 и 8	1	—	—	—	—	1
12	1б, 2 и 6	—	—	1	—	—	1

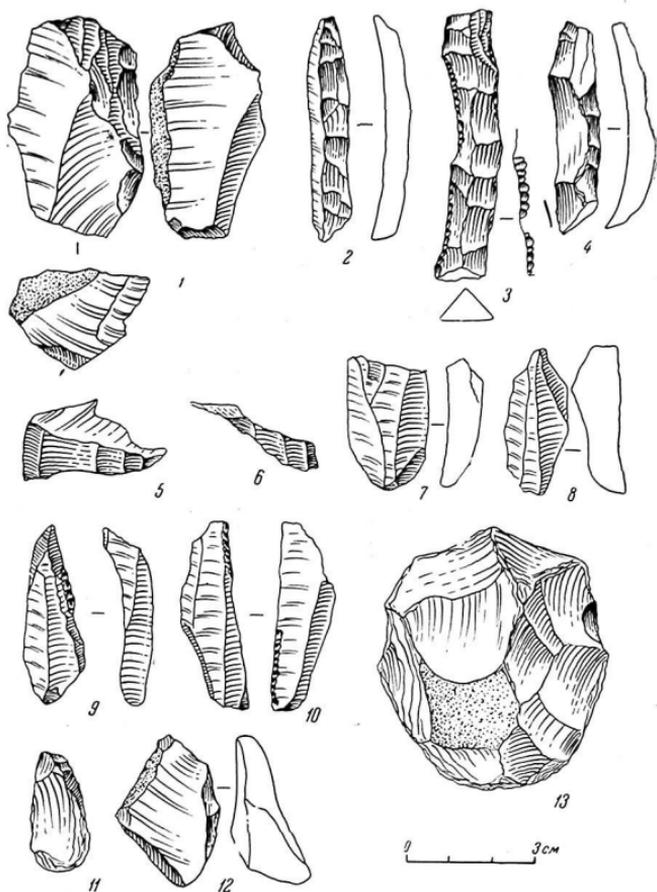

Рис. 38. Стоянка Кават 7. Изделия из кремня

ко 166 из отщепов (в основном скребки). Тысяча с небольшим необработанных отщепов, обломков и мелких чешуек являются в основном отходами производства (при подготовке нуклеусов и изготовлении орудий) и малопригодны для дальнейшей обработки.

Перейдем к описанию типов изделий.

Среди кремневых находок выделяется довольно большая группа изделий, связанных непосредственно с техникой расщепления и дальнейшей обработкой кремня. Среди них заготовки для нуклеусов и сами нуклеусы, ребристые пластины и поперечные сколы верхней части нуклеусов («сколы оживления»), а также небольшое количество отбойников и отжимников.

а) Заготовки для нуклеусов (23 экз., рис. 38, 1) представляют собой неправильно граненные обломки кремневых плиток, обычно вертикально-удлиненных пропорций, с частично стесанной коркой. Многие из них уже имеют подготовленную одним, реже несколькими поперечными сколами ударную площадку. Мы не относим их к категории нуклеусов потому, что с них не было снято еще ни одной пластины.

б) Ребристые пластины (113 экз., рис. 38, 2—4) — все треугольные в сечении, обычно с высоким ребром, как правило, массивны. Они представляют собой результат окончательной (после поперечной подтески) под-

готовки нуклеуса для снятия правильных призматических пластин. Очень прочные и в целом довольно правильной формы, они часто использовались в дальнейшем как заготовки для различного рода изделий, преимущественно массивных сверл и выемчатых скобелей (см. ниже, стр. 99).

в) Нуклеусы (68 экз., рис. 39, 40) сравнительно небольших размеров. Самые крупные достигают 5—6 см высоты, маленькие — около 3 см. Все они имеют следы снятия призматических ножевидных пластин.

Как уже неоднократно отмечалось, характерной особенностью кельтеминарских нуклеусов является их односторонняя сработанность. Вертикальные лунки — следы снятия ножевидных пластинок — покрывают обычно от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ окружности нуклеуса.

Противоположная сторона представляет собой либо плоский скол или неровный излом, либо поверхность грубой желвачной корки. Любопытен экземпляр, у которого на тыльной необработанной стороне сохранилась щетка из мелких кристалликов горного хрусталя.

В зависимости от степени сработанности (и, по-видимому, толщины заготовки) нуклеусы варьируют от толстых плитчатых (рис. 39, 1—7), до совсем тонких, сильно сработанных (рис. 40, 3, 5). Последних — 5—6 экз. Примерно половина нуклеусов имеет горизонтальную ударную площадку, образованную одним, а чаще серией направленных с разных сторон сколов. У остальных сильно скошенные назад площадки, оформленные обычно несколькими, направленными от лицевой ограниченной стороны сколами. Можно отметить

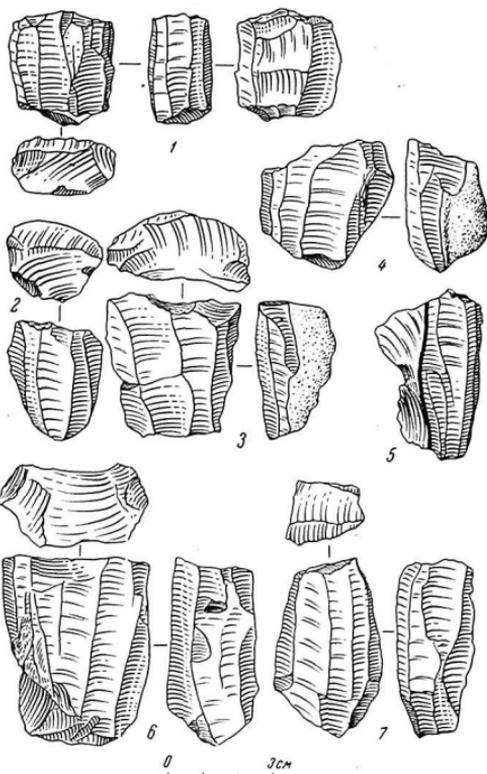

Рис. 39. Стоянка Кават 7. Кремневые нуклеусы

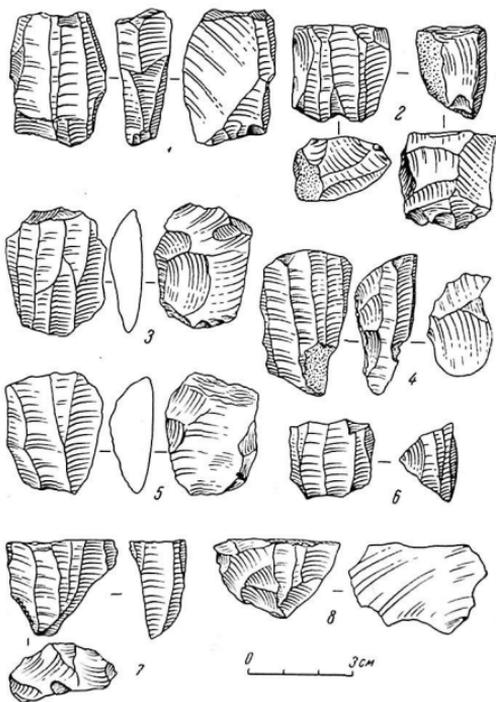

Рис. 40. Стоянка Кават 7. Кремневые нуклеусы

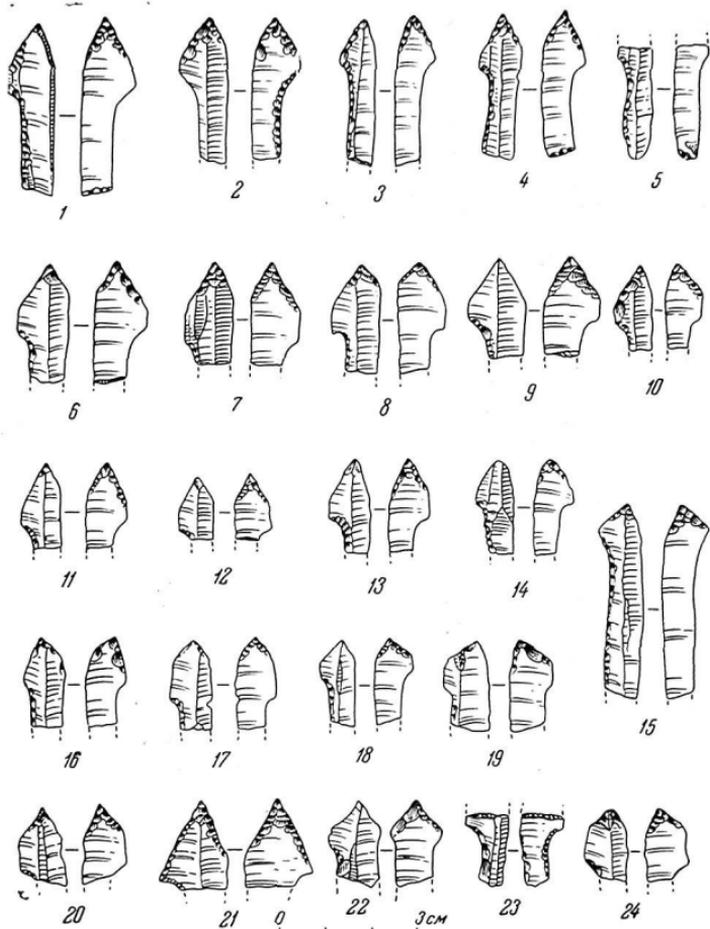

Рис. 41. Стоянка Кават 7. Кремневые наконечники стрел кельтеминарского типа

следующую закономерность: мало сработанные нуклеусы, близкие по форме к кубовидным, чаще имеют горизонтальную ударную площадку, тогда как для плоских сработанных нуклеусов более характерна скошенная назад площадка, образующая у отдельных экземпляров вместе с лицевой стороной острый, асимметричный в разрезе клин (рис. 40, 3—5). Возможно, что скошенная площадка у сработанных нуклеусов является результатом неоднократных подправок «сколами оживления». Впрочем, имеются исключения: скошенные ударные площадки можно видеть и у отдельных мало сработанных нуклеусов (рис. 39, 5).

По мере снятия пластины и уплощения нуклеуса его нижний конец приобретал форму острого клина или, если пластины снимались и с боковых сторон, острия. Клиновидная нижняя часть, часто со следами выщербленности, особенно хорошо выражена у некоторых плоских нуклеусов. Интересно, что в ряде случаев наблюдаются следы грубоватой подтески нижнего клиновидного острия с тыльной стороны (рис. 40, 1). Не исключено, что эти сильно сработанные экземпляры использовались в качестве рубящих орудий — топоров или тесел, так же как другие, после соответствующей обработки, — в качестве скребков (см. ниже, стр. 101).

В коллекции изредка встречаются и конической формы нуклеусы, однако они, как и остальные, сработаны только с одной стороны.

г) Сколы «оживления», продольные сколы и обломки нуклеусов. В коллекции имеется несколько коротких поперечных сечений нуклеусов, очевидно, результат неудачного «оживления» ударной площадки, и 15 массивных вертикальных сколов — толстых, многогранных со спинки, уносивших с собой солидную часть ударной площадки нуклеуса (рис. 38, 7—8). Типичных сколов «оживления» — косых поперечных сколов с ударной площадки с характерным ограничением толстой стороны — три экземпляра (рис. 38, 5—6). Несколько экземпляров менее выразительны.

д) Отжимники и отбойники. В коллекции имеется сравнительно небольшая (12 экз.) группа предметов, которые можно классифицировать как отжимники и ретушеры (рис. 38, 9—12). Обычно это небольшие, удлиненных пропорций граненые кремни со следами смятости на конце. Некоторые из них имеют легкую подправку на одной стороне, ближе к острому концу.

К этой же категории орудий можно отнести и несколько массивных продольных сколов с нуклеусов, многогранных со спинки, со следами подправки по одной стороне.

Массивные неправильной огранки кремни, иногда овальной формы, со следами использования в виде смятости и зазубрин по концам и на ребрах, очевидно, служили отбойниками. Наиболее выразительны следы работы на одном из них — самом крупном и массивном, неправильно овальной формы. Длина его 6 см, толщина — около 4 см (рис. 38, 13).

е) Наконечники стрел (рис. 41—42). Среди кремневых изделий наконечники стрел представлены довольно большой серией. Всего их найдено, целых и в обломках, 38 экз. и 34 из них — это наконечники кельтеминарского типа — пластинчатые одношипные, с асимметрической боковой выемкой (рис. 41; рис. 42, 14—16, 19). Все они изготовлены по одной схеме, хорошо известной по материалам кельтеминарских стоянок: треугольное острое перо, тщательно оформленное плоской ретушью по брюшку (а иногда и по спинке), и хорошо выраженная выемка с одной стороны⁶⁵, образованная крутой ретушью со спинки (редко с брюшка, см. рис. 41, 2). Как обычно, небольшая часть наконечников имеет ретушь и в основании черешка: в нашей коллекции их пять экземпляров, причем в четырех случаях ретушь нанесена по брюшку (рис. 41, 1, 4), в одном — по спинке (рис. 42, 19). По этим экземплярам можно судить о первоначальном размере наконечников, так как у остальных основание черешка могло быть обломано (хотя, безусловно, употреблялись наконечники и без обработки основания). Длина их: 2,8 см; 3 см; 3,8 см; 4,5 см. Остальные изделия, сохранившие черешок, по длине варьируют в этих же пределах. Для изготовления наконечников употреблялись пластинки различных размеров; наряду с миниатюрными изделиями на узких пластинках (рис. 41, 12; рис. 42, 16) встречаются широкие и довольно массивные наконечники. Ширина пера (т. е. пластины-заготовки) достигает в отдельных случаях 1,3—1,4 см (рис. 41, 21; рис. 42, 14). 11 наконечников сделаны из хорошего белого и желтовато-белого кремня, остальные — из обычного, худшего качества кремня, коричневатых, реже серых тонов.

Как и на всех кельтеминарских стоянках, двусторонне обработанные наконечники стрел представлены единично. На поверхности и при зачистке культурного слоя на площади жилища найдены один целый наконечник, два обломка и одно изделие, которое можно предположительно считать незаконченной обработкой наконечником.

Почти полностью сохранился наконечник листовидной формы с легкой выемкой в основании (рис. 42, 17). Тонкие боковые жальца его обло-

⁶⁵ Из 34 наконечников у 28 выемка слева, у остальных — справа.

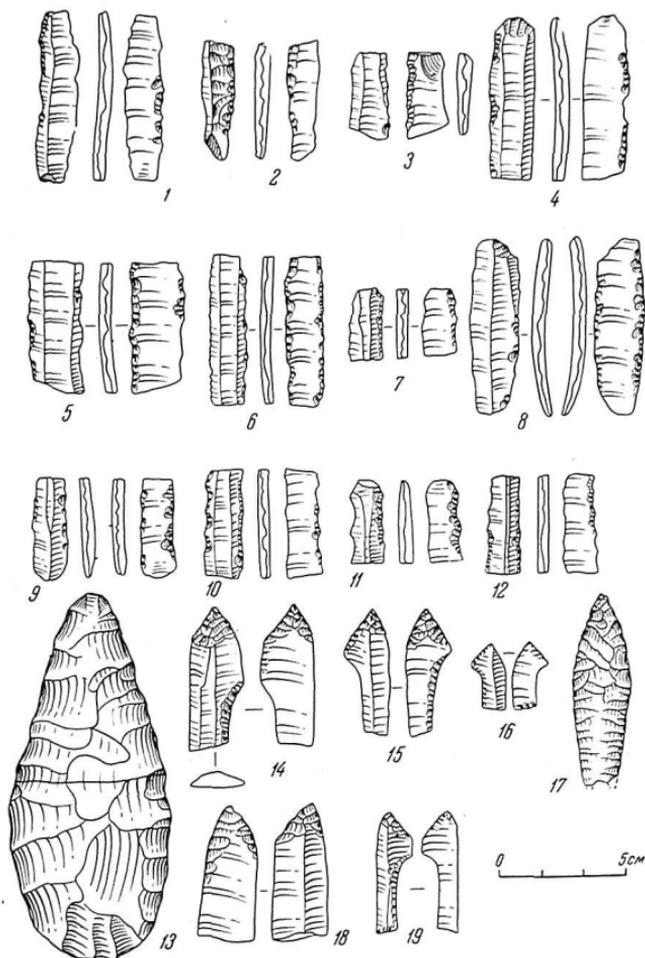

Рис. 42. Стоянка Кават 7. Изделия из кремня и кварцита

маны, а носик выщерблен, по-видимому, в результате удара о какой-то твердый предмет. Наконечник обработан тщательной струйчатой ретушью. Длина его 4,5 см, ширина 0,9 см, материал — серый пятнистый кремнь хорошего качества. По форме и размерам наконечник аналогичен найденному на стоянке Джанбас 4.

Два двусторонне обработанных наконечника представлены обломками: один, сделанный из серого кварцита и небрежно отретушированный, — носиком, другой, сделанный из желтовато-серого камня (кварц?), — средней частью.

Из кварцитово́й пластины было начато, но по каким-то причинам не окончено изготовление двусторонне ретушированного изделия. Длинными узкими фасетками обработан со стороны брюшка и частично со стороны спинки один заостренный конец пластины (рис. 42, 18).

На территории дома, на поверхности, найдена также верхняя половина массивного двусторонне обработанного наконечника копыя. Другая его половина — основание — подобрана в нескольких десятках метров от стоянки (рис. 42, 13). Наконечник листовидной формы, с широким округлым

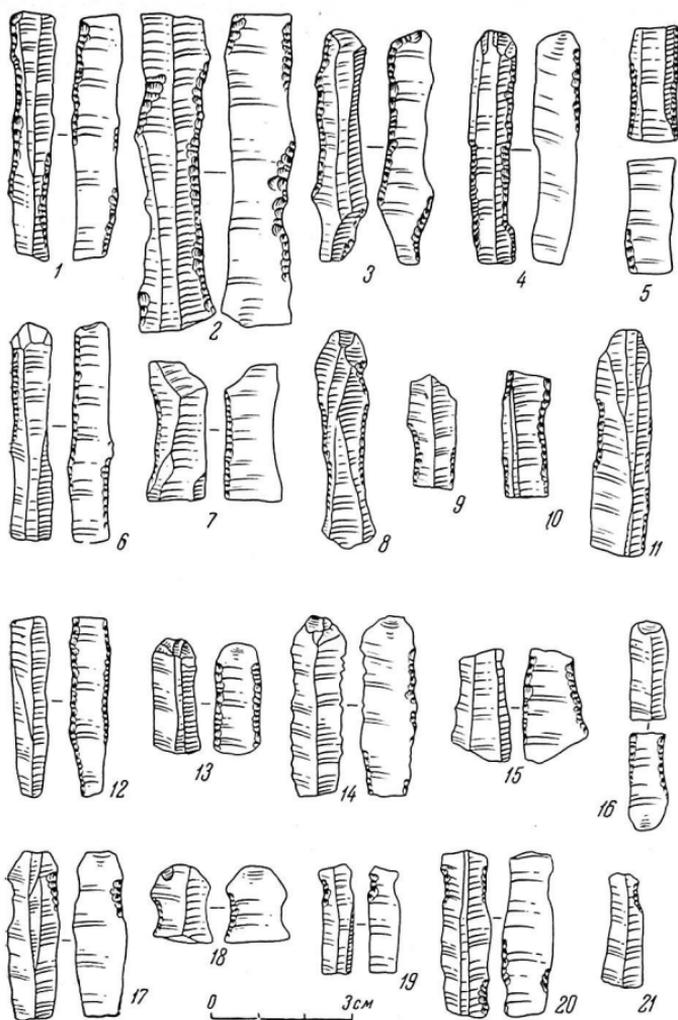

Рис. 43. Стоянка Кават 7. Ножевидные пластины с выемками

основанием, оформлен с обеих сторон широкими неправильной формы фасетками ретуши. Длина его 8,8 см, ширина 3,8 см; изготовлен из коричневого со светлыми пятнами кремня.

Отметим еще две находки, сделанные в ближайших окрестностях стоянки. Одна из них — наконечник копьа или дротика, близкий по форме вышеописанному, только несколько меньшего размера. Другая — обломок наконечника стрелы, двусторонне обработанного, треугольной формы, с широким закругленным снизу черешком. Наконечник сделан из отличного кремня молочно-белого цвета. Аналогичной формы изделия известны в материалах развешанных верхнеузбойских стоянок⁶⁶. Форма наконечника, великолепная струйчатая ретушь, с помощью которой он изготовлен, выделяют его из общей массы находок. Учитывая то обстоятельство, что наконечник найден за пределами стоянки, можно предполагать его несколько более поздний возраст.

⁶⁶ «Низовья Аму-Дарья...», стр. 33, рис. 179, 3, 4; стр. 306, рис. 181, 2.

ж) Ножевидные пластины с боковыми выемками (рис. 43). В коллекции имеется свыше 150 изделий, которые можно отнести к этой категории. Лишь несколько орудий, изготовленных в основном из крупных пластин, можно сопоставить с характерными изделиями этого типа из нижнего слоя стоянки Джанбас 4 (рис. 43, 1—4). Они имеют хорошо выраженные широкие выемки, образованные, как правило, противоположащей ретушью. Около половины изделий — пластины того же типа, но с очень слабо выраженными выемками (рис. 43, 5—8).

В отличие от джанбасских, эти орудия не имеют четкого прямоугольного или полукруглого контура выемок и характеризуются в основном лишь крутой противоположащей ретушью. Необходимо отметить также, что описываемые изделия несколько мельче по размерам. Изображенная на рис. 43, 2 выемчатая пластина является, пожалуй, в этом плане единственной в своем роде.

Наряду с типичными выемчатыми пластинами асимметричных пропорций можно выделить еще несколько типов изделий этого рода, различающихся по форме и отчасти по характеру ретуши. В частности, в особую группу (около 40 экз.) выделены пластинки со слабо выраженными нерегулярными выемками случайных форм, образованными крутой ретушью со спинки (рис. 43, 9—11). Другая небольшая группа (22 экз.) — это близкие по форме пластинки, но ретушированные с брюшка (рис. 43, 12—16). Все эти нетипичные изделия отличаются небольшими размерами и к тому же представлены, в основном, обломками.

Наконец, последнюю группу составляют ножевидные пластины с большими, симметрично расположенными по обоим краям, ближе к одному из концов, выемками (рис. 43, 17—21). Эти изделия известны как «пластины с выделенной головкой».

з) Пластинки с притупленным краем (рис. 44, 45). Это одна из самых крупных серий среди изделий из кремня со стоянки Кават 7. Это и неудивительно, если учитывать общий микролитический характер кремневого инвентаря кельтеминарской культуры с преобладанием при изготовлении орудий вкладышевой техники. Ножевидные пластины с притупленным краем, различные их варианты — это не что иное, как вставные лезвия орудий с деревянной или костяной основой. Более того, особенностью вкладышевой техники кельтеминарцев является употребление наряду с простыми, необработанными и слегка подправленными ножевидными пластинками нескольких типов вполне стандартизированных, специально обработанных вкладышей, восходящих, впрочем, как некоторые другие типы кремневого инвентаря, к весьма древним, мезолитическим и даже верхнепалеолитическим прототипам.

Вкладыши с притупленным краем в том или ином количестве встречаются на всех известных кельтеминарских стоянках, охватывающих обширную территорию. Эти изделия неоднократно описывались, но, поскольку в материалах стоянки Кават 7 наиболее крупная и полная их серия, дадим им общую характеристику.

В коллекции насчитывается 176 пластин с притупленным краем. Обычно использовались правильно ограниченные пластины с параллельными боковыми сторонами, предпочтительно не толстые. Общей особенностью изделий является обработка одной из боковых сторон (спинки вкладыша) крутой, часто почти вертикальной ретушью, всегда со стороны спинки. Благодаря этому все орудия имеют в сечении треугольную, либо подтреугольную форму.

Наиболее совершенными изделиями этого типа являются пластины с притупленным краем и обоими обработанными торцами. На небольших развешенных стоянках они встречаются единично, либо вовсе отсутствуют. В рассматриваемой серии их 13 экз. (рис. 44, 1—6, 8—14). По этим, заведомо полностью сохранившимся изделиям (обычно значительная часть

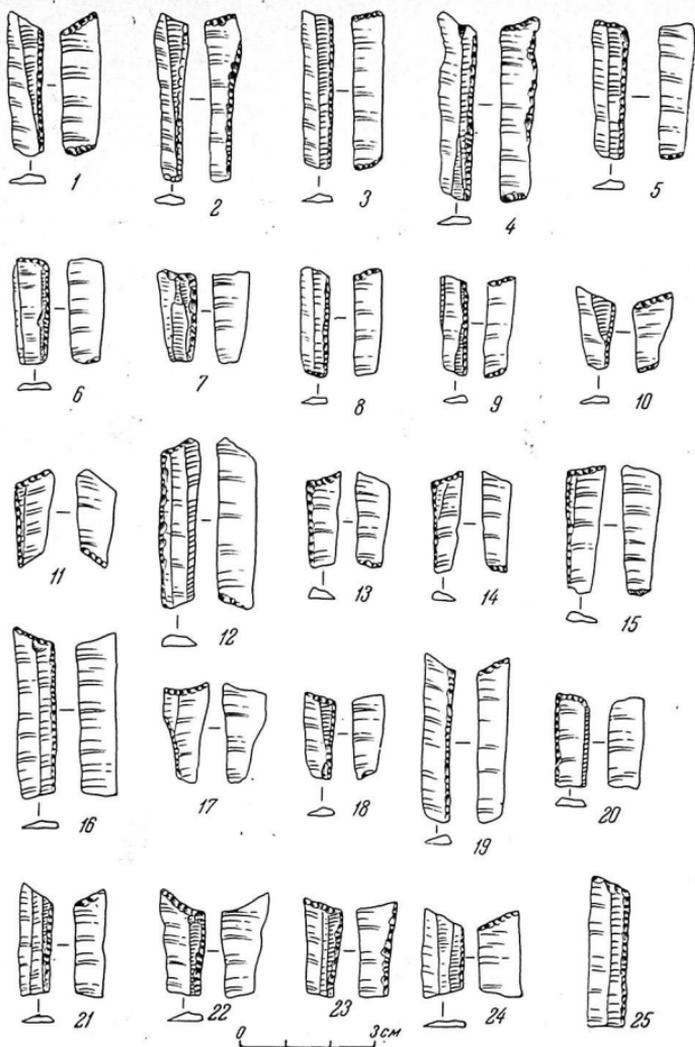

Рис. 44. Стоянка Кават 7. Пластины с притупленным краем

вкладышей с притупленной спинкой всех типов бывает представлена обломками), можно судить о их размерах. Максимальная длина их 4 см, минимальная — 1,5—2 см. Резких переходов между этими двумя величинами не наблюдается.

Интересен характер обработки торцов. Наиболее характерна противолежащая ретушь: с одного конца — со спинки, с другого — с брюшка. Ретушь со спинки обычно крутая, с брюшка — более пологая. В результате обработки получились в разной степени скошенные края, реже прямые; изделия приобретали геометрическую форму, близкую к параллелограмму или прямоугольнику. Нередко на одном торце, предпочтительно более широком, делалась косая выемка; в результате получились изделия с острым угловым шипом. Аналогичные типы встречаются и среди пластин с одним обработанным торцом.

У большой группы пластин с притупленным краем ретушью обработан только один торец. Они примерно так же варьируют в размерах, как и

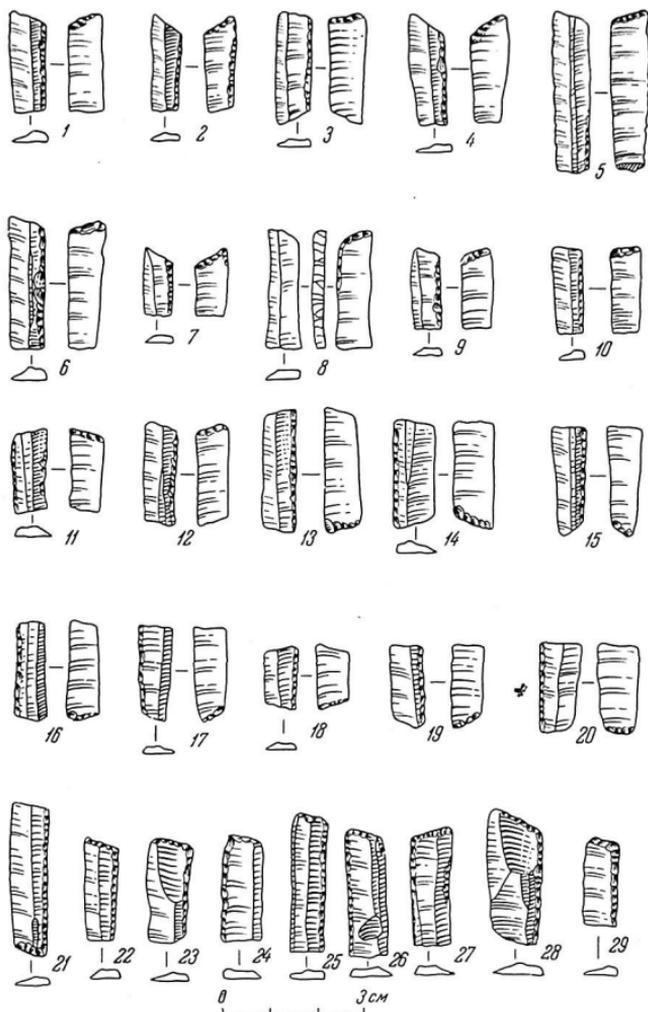

Рис. 45. Стоянка Кават 7. Пластины с притупленным краем

изделия предыдущей группы, однако не исключено, что часть их является обломками этих изделий. В коллекции их насчитывается 83 экз. (рис. 44, 15—25; рис. 45). У 47 изделий торец ретуширован со спинки (крутая ретушь); у 36 — с брюшка (более пологая ретушь). У большинства изделий обработанный конец скошен, реже обрезан прямо или имеет образующую острый шип выемку (рис. 44, 16—17, 22; рис. 45, 7 и др.).

74 экз. имеют только притупленную спинку. В основном — это мелкие обломки, возможно, частично фрагменты вкладышей первого и второго типов. Однако, несомненно, в качестве вкладных лезвий употреблялись и эти пластины без обработки торцов, с обломанными косо и прямо концами, как длинные (3—3,5 см), так и короткие экземпляры. По материалам других кельтеминарских стоянок известны экземпляры подобного типа, достигающие значительной длины — 4—6 см.

Остается сказать о противоположном притупленному краю пластины — рабочем крае орудий. Значительная часть изделий (не менее половины) без какой-либо вторичной подправки. Иногда заметно легкое выкрашива-

ние, придающее порой тонкому лезвию характер неправильной, нерегулярной зубчатости. Возможно, это следы использования. Остальные изделия имеют подправку, иногда по всему лезвию, иногда только по части его. Мелкая плоская ретушь в большинстве случаев покрывает вдоль края брюшко пластины, значительно реже идет по спинке. В последнем случае она не регулярна и не захватывает всего лезвия. Отретушированное лезвие, несколько теряя в остроте, приобретает известную прочность (сравнительно с хрупким натуральным лезвием пластины).

Отметим еще одну интересную деталь. Острие на углу пластины, на стороне, противоположной притупленной, образованное скошенным или вогнутым ретушью торцом пластины и острым боковым краем, иногда подчеркнуто, усилено небольшой выемкой (рис. 44, 4, 22; рис. 45, 6). У отдельных экземпляров рабочее лезвие подправлено ретушью, образующей мелкие неровные зубчики. Выемка эта обычно выражена очень слабо: она образована плоской приостряющей ретушью и не меняет характера острого рабочего края.

Ни в одном случае для изготовления пластин с притупленным краем не употреблялись заготовки с отбивным буторком. В подавляющем большинстве случаев оба конца пластины обломаны, изредка можно наблюдать с брюшка пластины, у одного из торцов, широкий скол, снимающий буторок и выравнивающий пластину.

К серии пластин с притупленным краем относятся и встречающиеся в материале кельтеминарских стоянок сравнительно редко пластинки с длинным косым острием на одном конце. Сторона пластины, противоположная притупленной, обработана с одного конца плоской ретушью, далеко заходящей, особенно к концу пластины, на брюшко и образующей длинное косое острие. В коллекции таких изделий четыре, все они представлены обломками верхних заостренных частей (рис. 46, 23, 26). Два прекрасных, полностью сохранившихся изделия подобного типа нам известны со стоянки Дингильдже 6⁶⁷.

и) Пластины со скошенным концом. Типологически и, как нам кажется, функционально эта небольшая (5 экз.) группа изделий близка к пластинкам с притупленной спинкой и скошенным концом. У четырех изделий торец обработан крутой ретушью с брюшка, у одного со спинки. Концы слабо скошены. У двух орудий заметна выщербленность по стороне, образующей вместе со скошенным концом острый угол.

Обычно эти изделия рассматриваются как остроконечные орудия (рабочий конец — острое косое лезвие на углу пластины). Они довольно широко распространены на мезолитических и неолитических стоянках Юга СССР, а также Среднего и Южного Урала и Зауралья. Для них характерна крутая ретушь со спинки и сильно скошенный край. Описываемые изделия — со слабо скошенным концом, обработанным обычно с брюшка, вероятнее всего использовались в качестве вкладышей.

к) Сверла и проколки (рис. 46—47). Около ста пятидесяти изделий из кремня можно уверенно отнести к разряду сверл. Подавляющее большинство их, независимо от формы заготовок и характера обработки, объединяется одним общим признаком — толстым, прочным, как правило, не острым рабочим концом, специфически оформленным. Если посмотреть на наиболее характерное изделие этой серии сверху, со стороны рабочего конца, то можно видеть, что лопаточкообразное лезвие его сильно отклонено от поперечной оси пластины (линия по брюшку). Принцип отделки рабочего конца («заточка») совершенно тот же, что и у современных стальных односторонних перовых сверл. Это достигалось нанесением довольно крутой противоположающей ретуши на конец ножевидной пластины. В плане

⁶⁷ А. В. Виноградов. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции, стр. 72, 73, рис. 9, 12, 13; рис. 10.

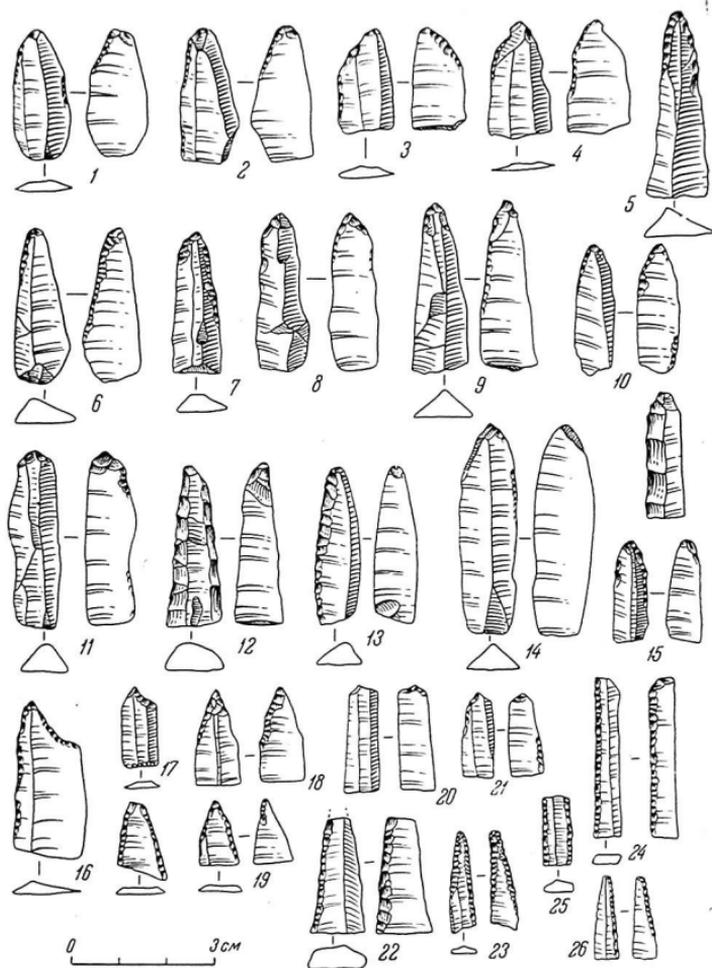

Рис. 46. Стоянка Кават 7. Изделия из кремня

получался треугольный или подтреугольный конец, сверху — уже отмеченное нами косое лопаткообразное лезвие.

Методом нанесения крутой противоположной ретуши обработано около половины изделий рассматриваемой серии (62 экз., рис. 46, 1—4). Они отличаются размерами, толщиной и формой конца (иногда он в плане полукруглый, иногда скошенный, как будто клювовидный), но все имеют противоположную ретушь на конце. Отметим и еще одну особенность, отличающую, пожалуй, не только эту группу сверл, но и подавляющее большинство изделий серии в целом. Крутой ретушью с брюшка, со спинки, иногда также противоположной, обработаны и боковые края изделий.

Остальные сверла грубо делятся на три типа. Изделий, обработанных крутой ретушью со спинки, образующей такой же подтреугольный в плане рабочий конец, насчитывается тридцать два экземпляра (рис. 46, 5, 7). Вариантом внутри этого типа являются сверла в виде узких и длинных, обработанных крутой ретушью стержней с параллельными или близкими параллельным краями (рис. 46, 12). Аналогичных по форме изделий, но отретушированных по обеим сторонам с брюшка, в коллекции 16 экз. (рис. 47, 22, 23). И, наконец, 20 экз., выделенные нами условно, представ-

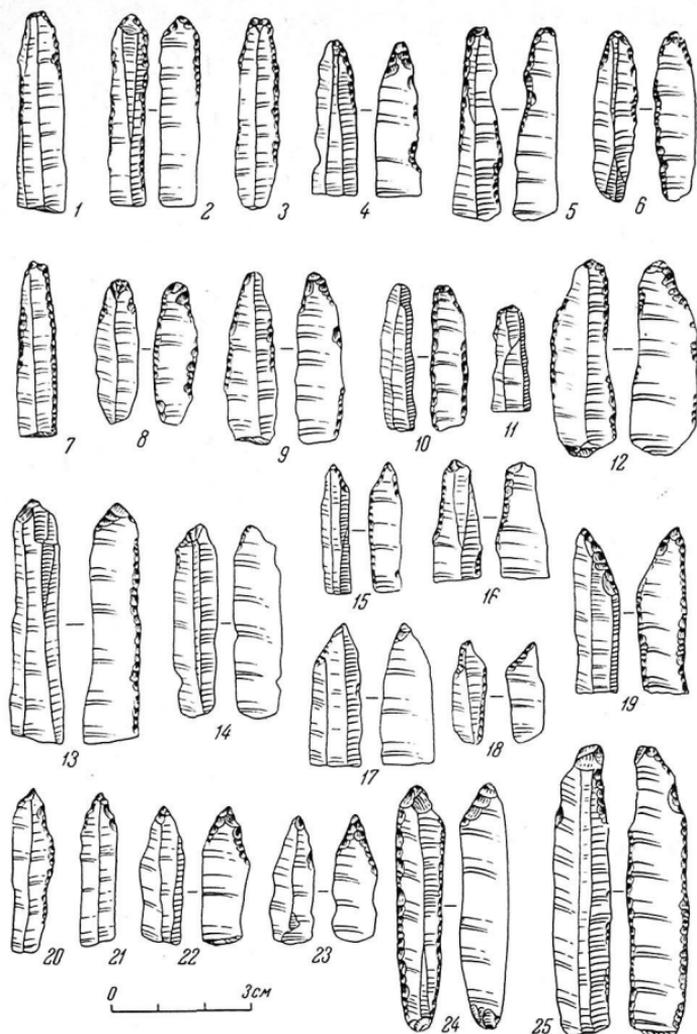

Рис. 47. Стоянка Кават 7. Изделия из кремня

ляют собой массивные, подтреугольные, а в концевой части даже округлые или овальные в сечении стержни, сделанные в большинстве случаев из ребристых пластин. Обработка их своеобразна. Вдоль стержня они покрыты ретушью по бокам, а ближе к концу ретушь, нанесенная с каждого очередного ребра, как будто опоясывает острие, превращая его из подтреугольного в округлое или овальное.

Четырнадцать экземпляров сверл, случайных по форме и характеру обработки, выделены в особую группу, так как их нельзя отнести ни к одной из вышеперечисленных групп.

Несколько удивляет отсутствие в коллекции столь же большой серии проколов, отличающихся обычно от сверл острым кондом, тонким стержнем, а часто и характером ретуши. В качестве примера можно привести хотя бы многочисленные изделия с льяляканских стоянок⁶⁸, да и на дру-

⁶⁸ Н. Н. Вактурская. О поездке в Южные Кызыл-Кумы в 1955 г. МХЭ, вып. I, 1959, стр. 42, рис. 2, 5—6, 16—18; А. В. Виноградов, С. В. Лопатин, Э. Д. Мамедов. Кызылкумская бирюза, стр. 126, рис. 5, 15, 16.

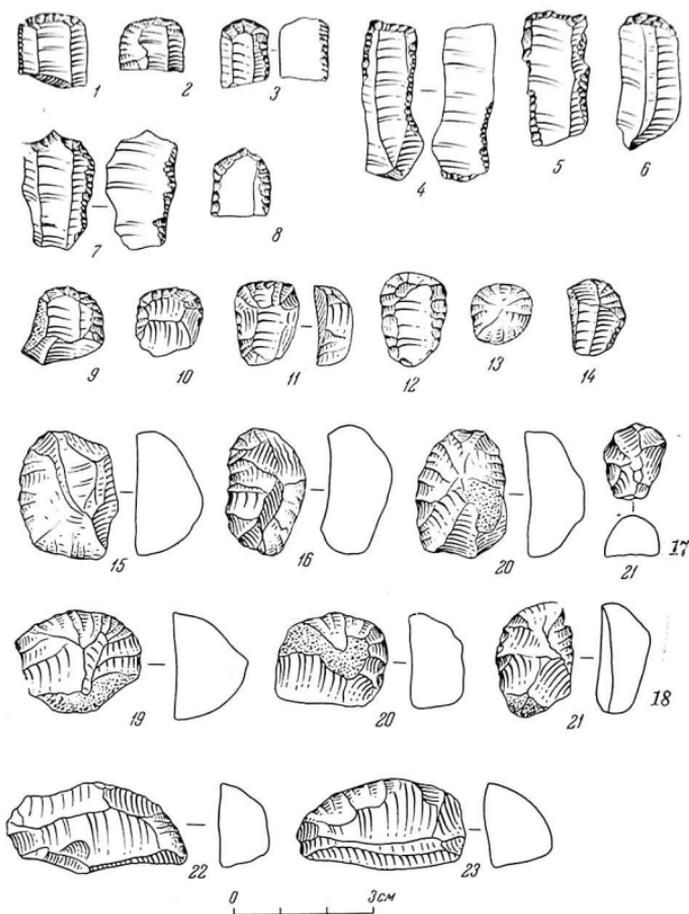

Рис. 48. Стоянка Кават 7. Изделия из кремня. Скребки

гих кызылкумских стоянках они нередки. Здесь же из 150 орудий мы можем выделить едва десяток изделий, которые могут быть отнесены к проколкам (рис. 46, 16—19; рис. 47, 15, 17, 20—23). Как и сверла, они сделаны на ножевидных пластинах, все имеют короткий подтреугольный рабочий конец с острым жальцем. Половина имеет, подобно сверлам, противоположащую ретушь на конце, обычно более пологую, половина — обработана крутой ретушью со спинки по боковым краям. Оба эти типа проколов хорошо известны по материалам других кельтеминарских стоянок.

л) Концевые скребки (19 экз., рис. 48, 1—8). Большинство сделано на коротких (1,5—2 см) сечениях пластин. Рабочий край слегка выгнутый или прямой, иногда немного скошенный. Три орудия имеют ретушь и по боковым сторонам, в одном случае противоположащую. К этой же серии мы отнесли два близкие по форме изделия, но отличающиеся, очевидно, от скребок функционально. На рабочем конце у них ретушью образован небольшой острый выступ, жальце (рис. 48, 7—8). Подобной формы изделия единично встречались на кельтеминарских стоянках и раньше⁶⁹. Они

⁶⁹ См., например: А. В. Виноградов. Новые неолитические находки..., стр. 72, рис. 9, 21, 22, 30; рис. 13, 3.

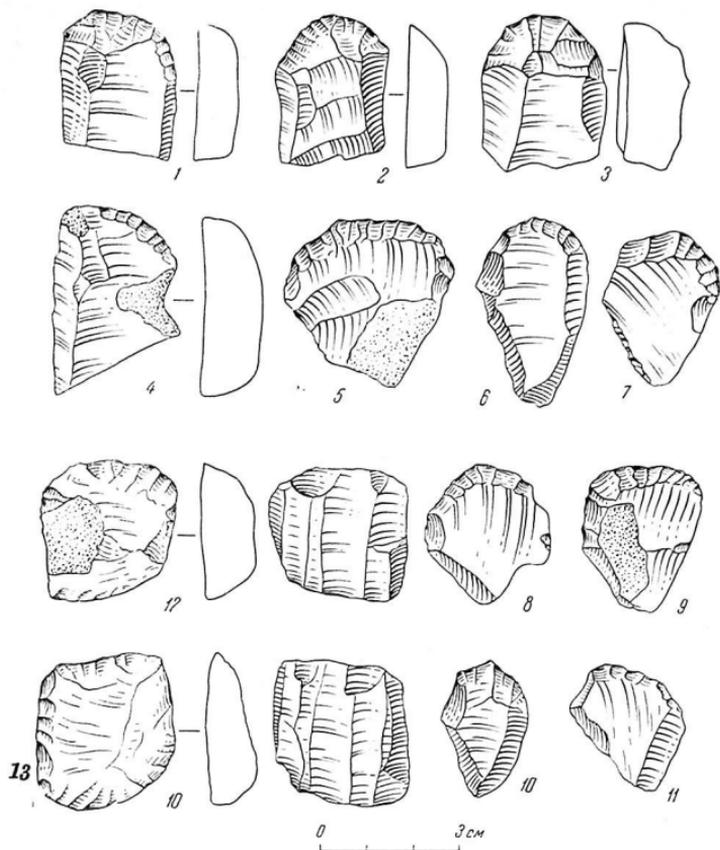

Рис. 49. Стоянка Кават 7. Изделия из кремня. Скребки

несколько напоминают по форме так называемые резчики некоторых неолитических стоянок Европейского Севера⁷⁰.

м) Скребки на отщепах (129 экз., рис. 48, 9—23; рис. 49). В качестве заготовок использованы отщепы самых разных форм. Условно можно выделить несколько типов:

1. Скребки подтреугольной формы. У них крутой ретушью обработан широкий полукруглый край, а иногда и боковые края (рис. 49, 5—7).
2. Скребки прямоугольной формы, похожие на массивные концевые скребки и обработанные аналогично им (рис. 49, 1—4).
3. Скребки полулунной (сегментовидной) формы (рис. 48, 22—23).
4. Скребки округлой или овальной формы. Часто они обработаны по всей или почти по всей окружности (рис. 48, 12, 13, 20). Почти все изделия массивны, даже маленькие (их около 20 экз.) сделаны на толстых отщепах. Многие сохранили на поверхности остатки желвачной корки. В описываемой серии имеются скребки высокой формы и нуклеидные (рис. 48, 15, 17, 19—20 и др.). Особенно интересны орудия, сделанные из плоских, сильно сработанных нуклеусов (рис. 49, 12, 13). По краям, с тыльной нерабочей стороны, они обработаны крутой ретушью. Хорошо заметны следы их использования.

⁷⁰ М. Е. Фосс. К методике определения каменных орудий. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 14—21.

Большую группу среди кремневых изделий стоянки составляют ножевидные пластины с различного рода ретушью. Классификация их, за отдельными исключениями, очень трудна и производится по чисто формальным признакам. Не подлежит сомнению, что большая часть их использовалась в качестве вкладышей для оснащения различных охотничьих и бытовых орудий. К тому же даже типологически они часто не образуют строго ограниченных серий, показывая многочисленные переходные формы. Дело осложняется также и тем, что часто встречаются дублированные формы и изделия, использованные (и обработанные) вторично для других целей. Наиболее интересную и, пожалуй, самую крупную серию составляют изделия, названные нами условно как пластины «с ломаным лезвием».

н) Пластины «с ломаным лезвием» (140 экз., рис. 42, 1—12). Выделены они по характерной обработке одного или обоих лезвий. У типичных изделий этой серии рабочий край образован довольно крутой ретушью с брюшка, наносившейся таким образом, что на определенных, обычно неправильно чередующихся участках она захватывала край пластины глубже, чем на остальной части лезвия. Промежуточные участки подправлялись ретушью с противоположной стороны (со спинки). В результате по краю пластины образовывалось слабо выраженное, нерегулярное зубчатое лезвие, неправильно зигзагообразное, ломаное в плане (рис. 42, 5—9). Тот же эффект достигался, если усиленная в определенных местах ретушь наносилась с одной стороны — с брюшка или спинки (рис. 42, 3), или попеременно с обеих сторон (рис. 42, 1, 2, 4).

Рабочий край этих орудий, особенно обработанных со спинки, очень прочный, подавляющее большинство имеет следы сработанности в виде вмятин и зазубрин. Примерно у половины изделий обработано и противоположное лезвие, обычно пологой ретушью, захватывающей лишь часть края. Возможно, мы имеем здесь дело с вторичным использованием пластин. Восемь изделий имеют ломаное лезвие по обоим сторонам, семь — притупленный край.

К этой же серии отнесена небольшая группа — около десяти орудий, изготовленных теми же техническими приемами, но имеющих хорошо выраженное зубчатое лезвие (рис. 42, 10—12).

о) Пластины с легкой подправкой по одной или обоим сторонам. Их 156 экз., многие представлены обломками. Они обработаны тонкой, пологой приострающей ретушью, наносимой обычно по всему длинному краю пластины — со спинки или с брюшка. Типологически в этой серии выделяются следующие группы: 1) пластины с противолежащей ретушью по обоим сторонам (25 экз.); 2) пластины с ретушью с брюшка с одной, реже с двух сторон (64 экз.); 3) пластины, ретушированные со спинки с одной, реже с двух сторон (44 экз.).

п) Пластины с крутой ретушью по одной или обоим сторонам (50 экз.). От предыдущей серии резко не отличаются. Характеризуются прочным, резко утолщающимся рабочим краем. Типологически выделяются те же группы, что и в вышеописанной серии.

р) Обломки ножевидных пластин с нерегулярной ретушью. Эти очень невыразительные изделия имеют ретушь, не покрывающую обычно всего края пластины. Многочисленны пластины неправильной огранки или искривленные. Серия насчитывает около сотни предметов. Кроме того, сюда можно отнести также 58 коротких сечений верхней части ножевидных пластин (утолщенных, с отбивными бугорками) со следами ретуши⁷¹.

с) Ножевидные пластины без ретуши (680 экз.). Значительная часть их — это малопригодные для дальнейшей обработки обломки (270 экз.) — мелкие сечения пластин неправильной огранки. Более трети (180 экз.) —

⁷¹ Подробнее о них см. в главе четвертой, стр. 162.

короткие (1—1,5 см) сечения верхней части пластин с отбивными бугорками. Лишь 200 с небольшим изделий могли быть использованы в качестве орудий в своем настоящем виде или после соответствующей обработки.

т) Отщепы с ретушью (35 экз.). Изделия эти разнотипны и значительных и устойчивых серий не составляют. Условно можно разделить их на три категории: 1. Отщепы средних размеров с грубоватой подтеской или пологой ретушью по одному из острых краев излома; 2. Отщепы с крутой ретушью, образующей на краях слабовыраженные выемки различной формы; 3. Отщепы с нерегулярной ретушью неопределенного характера.

После того как была проведена типологическая классификация изделий из кремня со стоянки Кават 7, все они были исследованы методом микроанализа на предмет определения их функций. Исследование было проведено Г. Ф. Коробковой (ЛОИА АН СССР).

Анализировались свыше 1800 ретушированных и неретушированных кремневых предметов — практически все, за исключением неретушированных отщепов, обломков и чешуек. Около 600 из них обнаружили различные следы сработанности. Изделия со следами использования имеются почти в каждой из выделенных типологических серий. Данные анализа следов сработанности дают возможность в значительной степени прокорректировать результаты типологического исследования изделий.

Наибольшие соответствия дала выделенная типологически серия сверл. За исключением некоторой части изделий, на которых по разным причинам не найдено следов употребления, все они имеют следы использования (в качестве сверл, режы проверток). Лишь единичные, атипичные экземпляры были определены как ножи и боковые скребки. То же самое можно сказать о скребках — на отщепах и концевых. Пластины с притупленным краем разных типов не имеют, как правило, следов сработанности; предполагается их использование в качестве вкладышей составного охотничьего оружия. Из шестидесяти пластин с боковыми выемками, имеющих следы употребления, большая часть оказалась скобелями (41 экз.), остальные — ножами, боковыми скребками и т. д. Более интересные результаты дал анализ серии пластин с ломаным лезвием. Большая часть их не имела следов сработанности, остальные (около 40 экз.) дали следующую картину: ножи — 21 экз., ножи для резания мяса — 8 экз., пилки — 2 экз., развертки — 3 экз., скобели — 2 экз. Пеструю в функциональном отношении картину дали и некоторые другие выделенные типологические серии: пластины с крутой ретушью по краям (скобели — 6, вкладыши ножей — 12, развертка, пила, боковой скребок — по 1 экз.), пластины с приостряющей ретушью (в большинстве ножи, единично боковые скребки и другие изделия), пластины с выделенной головкой (ножи — 5 экз., боковой скребок, скобель — по 1 экз.). Наконец, исследование шлифованных орудий показало, что одно из них, самое крупное, служило топором, остальные — теслами.

В целом функциональный микроанализ дал следующую картину:

Сверла	140
Скребки на отщепах	122
Ножи	131
Ножи для резания мяса	8
Скобели	65
Боковые скребки	22
Пилки	14
Развертки	14
Скобели для обработки дерева	7
Концевые скребки	3
Проколка	1
Тесла	4
Топор	1

Микроанализ следов сработанности на каменных орудиях имеет большое будущее. Бесспорно его важное значение для выяснения характера производственной деятельности людей, изготовивших и пользовавшихся этими орудиями, т. е. в конечном итоге для изучения экономики древнего населения. Однако сейчас возможности этого метода ограничены. В частности из поля зрения его практически выпадает значительная по количеству и очень важная для большинства неолитических комплексов группа изделий, непосредственно связанных с охотой и рыболовством. Мы имеем в виду не только и не столько разнообразные «дельнокаменные» наконечники, в большинстве случаев прекрасно выделяющиеся типологически, но главным образом многочисленные и разнообразные вкладыши. Одним из достоинств метода считается возможность установления первоначальных функций орудий, использованных вторично⁷². Однако практически во многих случаях мы получаем лишь результат вторичного, либо побочного использования орудия. В качестве примера вводим хорошо выделяющуюся типологически группу изделий — пластины с ломаным лезвием. Напомним, что микроанализ дал следующий результат:

Ножи	31	Развертки	5
Ножи для резания мяса	8	Пилки	3
Скобели	6	Без следов сработанности	87

Из приведенной таблицы видно, что в рассматриваемой серии, как и в изделиях со стоянки в целом, преобладают ножи. Вместе с ножами для разделывания мяса и пилками они насчитывают 42 экз., т. е. примерно 80% изделий со следами сработанности. Эти изделия по характеру использования близки, и мы условно можем допустить, что специфическая обработка края пластины (ломаное лезвие) предполагала использование их именно в этих целях. Но уже здесь возникает неясность. По результатам анализа к разряду ножей (25% по стоянке в целом) отнесены изделия разных в морфологическом отношении типов, в том числе и описываемые. Спрашивается, в чем их функциональное различие, а если его нет, то чем объяснить существенную, порой, разницу в приемах изготовления. Далее, 20% изделий серии — скобели и развертки — орудия, функции которых предполагают принципиально иные приемы обработки. И если для морфологически четко выделяемой серии мы получаем такой результат, то не вправе ли мы предполагать, что имеем дело с вторичным или побочным использованием изделий. Особенно наглядные основания для этого дают наконечники стрел. Эти орудия обычно не обнаруживают линейных следов использования по прямому назначению. В нашей коллекции из 38 экз. следы сработанности имели лишь 6 наконечников стрел (4 одношпильных кельтеминарских и 2 двусторонне обработанные). Все они оказались сверлами. Совершенно ясно, что микроанализ отражает в данном случае лишь результат вторичного, побочного или даже случайного использования изделий.

Все вышесказанное, не умаляя ни в коем случае ценности и больших перспектив метода, касается лишь оценки его возможностей на нынешнем этапе. Нам кажется, что характеризовать кремневый материал исходя только из данных микроанализа сейчас еще не представляется возможным. Главная причина в том, что за пределами его возможностей все еще остается добрая половина изделий каждого комплекса. Кроме того, в значительной степени исключается возможность сравнения по публикациям материала, описанного лишь по результатам микроанализа, с материала-

⁷² Г. Ф. Коробкова. Применение метода микроанализа к изучению функций каменных и костяных орудий. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 193.

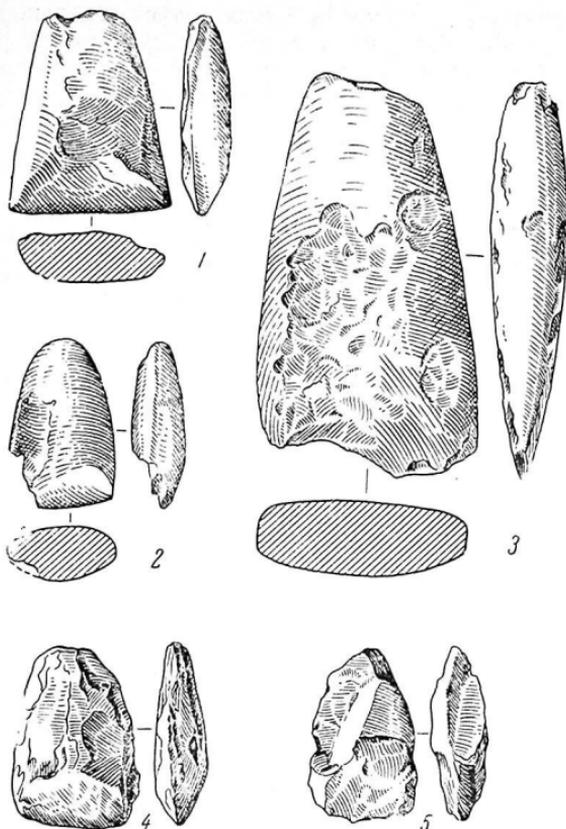

Рис. 50. Стоянка Кават 7. Шлифованные тесла и топоры

ми, обработанными типологическим методом (абсолютно бóльшая часть материала). Применять их, как это делается иногда, вперемежку, неверно методологически⁷³. По-видимому, сейчас данные микроанализа могут лишь в известной степени корректировать результаты традиционных методов.

* * *

Шлифованные изделия представлены теслами и топорами и многочисленными их обломками. Целых или почти целых изделий пять, четыре из них найдены на площади дома (в слое и на поверхности), один в 50—60 м от стоянки, на берегу русла (рис 50, 1—5). Обломки — их более 30 —

⁷³ Сейчас в коллекциях, обработанных микроанализом, выделяются по функциональным признакам скребки, скобелы, сверла и провертки, ножи и другие типы орудий; по морфологическим признакам — наконечники стрел, вкладыши различных типов и остальные изделия без следов сработанности («пластинки с противоположной ретушью», «пластинки с ретушью по одному краю» и т. д. См.: У. Исламов. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана. Автореф. дисс. Л., 1953, стр. 3—5). Если последние, в том числе наконечники стрел, имеют следы сработанности, показывающие их употребление в качестве сверл, проколок, ножей и т. п., то они фигурируют в соответствующем разделе описания. Поэтому, например, нельзя в описании кремневого инвентаря джейтунской культуры найти наконечники стрел кельтеминарского типа (см. О. К. Вердыев. Южная Туркмения в эпоху неолита. Автореф. дисс. Ашхабад, 1965, стр. 67), хотя, как известно, они имеются в материалах Чопан-депе.

позволяют говорить еще по крайней мере о трех топорах. Изделия заполнены полностью. Различаясь размерами, все они сходны по форме: симметрично-клиновидные, широкие у лезвия и сужающиеся к обушку изделия. О их размерах можно судить по табл. 3:

Таблица 3

Размеры шлифованных изделий

Высота, см	Ширина у лезвия, см	Ширина у обушка, см	Толщина максимальная, см
11,8	6,5	3,7	2,2
5,6	4,8	2,6	1,4
5,2	3,8	2,5	1,4
4,8	3,4	2,8	1,2
(обломан)			
4,9	4,1	2	1

Два из них сделаны из серого сланца, остальные — из темно-зеленой породы (амфиболит?).

На стоянке — в слое и на поверхности — найдено более 30 небольших обломков терочных камней. Они изготовлены из серого или коричневатого песчаника-плитняка и из сланца. Судя по обломкам, можно предполагать, что зернотерки имели овальную или округлую форму, слегка вогнутую, зашлифованную рабочую поверхность. Найдены и обломки курантов — небольших прямоугольных, с округлыми концами, камней с зашлифованной слегка выпуклой рабочей поверхностью.

Среди находок много обломков различных пород камня — кварца, мраморовидной породы, лимонита, амфиболита, песчаника, сланца — без признаков обработки. Многочисленны пустотелые железистые конкреции, большей частью разбитые, и мелкие хорошо окатанные разноцветные гальки.

Обращают на себя внимание несколько крупных кусков лимонита и желтовато-белого кварца удлинённой формы с одним массивным концом. Они очень удобны для держания в руке; некоторые как будто показывают следы преднамеренной оббивки. Наиболее крупные из этих орудий имеют длину в 20 см.

Четыре изделия (песчаник, лимонит, мраморовидная порода) могут быть определены как рыболовные грузила. Все они имеют слабо выраженные выемки на противоположных краях.

Среди находок в слое и на поверхности много раковинных украшений. Преобладают пронизки из трубочек *Dentalium*, треугольные бусы со сверленным отверстием у вершины из раковин *Chlamis* и овальной формы бусы из створок *Pectunculus*. Найдены также створки *Cardium edule* L. без следов обработки, а также многочисленные обломки *Anodonta* sp. и *Unio*⁷⁴.

Памятники восточного берега дельты

Стоянка Дингильдже 6. Это самое южное из неолитических местонахождений Акчадарьинской дельты. Культурный слой стоянки развешен, находки собраны на поверхности серого песка, в неглубокой котловине, окруженной разрушающимися такырными останцами. Шурфовка на стоянке не

⁷⁴ Определения А. Г. Эберзина.

производилась. Не исключена поэтому возможность сохранения остатков культурного слоя под примыкающей к скоплениям находок частью такыра. Основная масса находок приурочена к нескольким скоплениям, расположенным на площади примерно 30×40 м. Отдельные находки зарегистрированы на расстоянии в 50—80 м от главных скоплений.

Материал стоянки подробно опубликован⁷⁵, поэтому мы ограничимся лишь его краткой характеристикой. Неолитическая керамика стоянки (в материале имеются черепки более позднего времени) немногочисленна и в целом невыразительна. Имеются обломки крупных сосудов вертикально-вытянутых пропорций, полусферических чаш и чаш со сливами. Последние наиболее интересны — среди них имеется почти полный сосуд. Это тонкостенная чаша, но не круглая в плане, а слегка стиснутая с боков, с коротким и широким открытым сливом в узкой ее части. Найден также обломок другого такого же сосуда. Орнаментация бедная, преобладают насечки, один раз встречен прочерченный орнамент, образующий крупные прямоугольники с заштриховкой.

Кремневых предметов на стоянке найдено свыше 300. Из орудий больше всего концевых скребков, имеются также скребки на мелких отщепках, сверла и проколки, пластины с боковыми выемками, наконечники стрел кельтеминарского типа, различные типы вкладышевых лезвий с притупленным краем, односторонние нуклеусы⁷⁶. Из кремневых изделий особого внимания заслуживает сравнительно редко встречающаяся в целом виде остроконечная разновидность вкладышей с притупленным краем.

Украшения — типично кельтеминарские: пронизки *Dentalium*, бусы из створок *Chlamis*.

Материал стоянки очень сложен для каких-либо обобщений. Если кремневый инвентарь ее ничем не отличается от находок в нижнем слое Джанбас 4, то этого нельзя сказать о керамике. Несмотря на ее малочисленность, можно утверждать, что для нее характерны неорнаментированные сосуды. Примерно из 15 представленных в материале стоянки сосудов лишь 3—4 имели орнамент⁷⁷.

Байрамказганская группа стоянок

Это несколько небольших стоянок с развеянным культурным слоем, расположенных вдоль восточного коренного берега и в прилегающей к нему части дельты южнее и восточнее колодца Байрам-Казган. По условиям расположения находок стоянки Байрам-Казган 1 и 6 сходны между собой и отличаются от стоянки Байрам-Казган 4.

Стоянка Байрам-Казган 1 найдена в 3 км к востоку-юго-востоку от колодца Байрам-Казган и в 8 км к юго-востоку от Джанбас-калы. Культурный слой уничтожен полностью, по-видимому, еще в древности. Кремневые изделия, несколько обломков керамики и раковинных украшений собраны на поверхности песка. Площадь основного скопления находок примерно 20×20 м; она захватывает устье небольшого межрядового понижения и (в меньшей части) прилегающую к пескам часть такыра. Находки приурочены к поверхности серого песка. Найденный на поверхности песка, перекрытого выклинивающимся здесь краем суглинки, окатанный обло-

⁷⁵ А. В. Виноградов. Новые неолитические находки..., стр. 66—75. Материал стоянки находится в Музее истории Уз. ССР (Ташкент).

⁷⁶ Подробное описание, рисунки и количественное соотношение различных типов кремневых изделий см.: А. В. Виноградов. Новые неолитические находки..., стр. 70—74, 81, рис. 9.

⁷⁷ Не исключено, что эта особенность объясняется состоянием керамического материала стоянки. См. об этом главу первую, стр. 24.

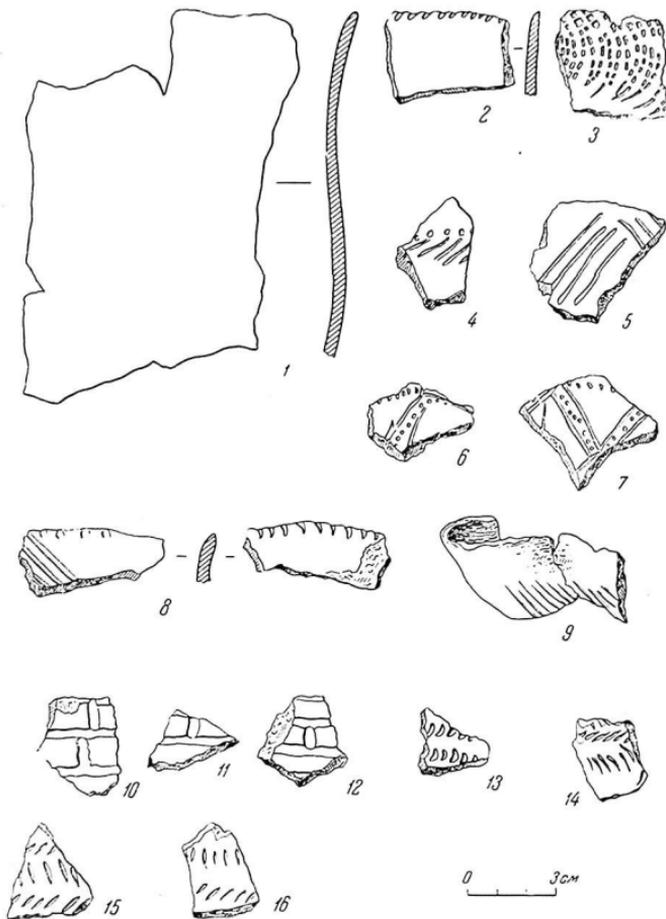

Рис. 51. Байрамказганская группа стоянок. Керамика
1—9 — стоянка Байрам-Казган 4; 10—16 — стоянка Байрам-Казган 1

мок кельтеминарского орнаментированного сосуда показывает, во-первых, что стоянка была затоплена водами Акча-Дарьи и, во-вторых, что разрушение культурного слоя началось еще до момента затопления. Перемещение материалов стоянки под действием природных факторов продолжалось и позднее; об этом свидетельствуют редкие находки на поверхности суглинка.

Керамики на стоянке найдено мало, всего примерно 25 обломков (рис. 51, 10—16). В их числе фрагменты трех орнаментированных сосудов. Орнамент — горизонтальные полосы насечек (елка), мелкие полулунные вдавления и прочерченный. Последний образует на стенках сосуда рисунок, напоминающий кирпичную кладку вперевязку (рис. 51, 10—12). Этот мотив встречен на кельтеминарской керамике впервые. О формах сосудов сказать что-либо трудно: слишком мелки и окатаны обломки. В целом керамика производит впечатление довольно поздней.

Кремневый инвентарь, как обычно, дает стандартный кельтеминарский набор орудий (рис. 52, 1—11). В коллекции, насчитывающей около семидесяти предметов, имеются следующие типы изделий:

Наконечник стрелы кельтеминарского типа	1
Пластины с притупленным краем и скошенным концом	3
Пластина с притупленным краем	1
Скребок концевой	1
Скребок на отщепе	1
Обломки пластин с крутой ретушью по одной или обеим сторонам То же, но с пологой, приотстригающей ретушью	2 3
Обломки сверл или проверток	5
Мелкие сколы с нуклеусов	3
Крупный обломок со следами снятия отщепов (нуклеус диско- видного типа)	1
Ножевидные пластины без ретуши (мелкие обломки, в том числе 7 коротких сечений с ударными бугорками)	18
Отщепы (мелкие) и чешуйки	27

Можно обратить внимание на крупный размер наконечника (длина его 4,8 см; рис. 52, 1) и значительный процент вкладышевых лезвий с притупленной спинкой (рис. 52, 2—4).

Среди находок довольно хорошо сохранившийся шлифованный топорик (или тесло; рис. 52, 11) и несколько раковинных украшений (из створок Chlamis и Dentalium; рис. 52, 9—10).

Стоянка Байрам-Казган 6 найдена на южной оконечности узкого меридионально-вытянутого такырного залива в 6 км южнее колодца Байрам-Казган и в 12,5 км к югу от Джанбас-калы. Находки собраны на поверхности песка, в неглубоком межгрядовом понижении, среди слабо расчлененных желтовато-серых песков. Площадь основного скопления находок 15×15 м; уровень их расположения примерно соответствует (или на несколько сантиметров ниже) уровню такыра. Край такыра находится в 20—30 м от скопления находок. Как видно из описания, условия расположения стоянки аналогичны тем, которые мы наблюдали на стоянке Байрам-Казган 1.

Находки сравнительно немногочисленны и состояли главным образом из кремневых поделок и отходов (рис. 52, 12—16). Кремневые находки распределяются на следующие группы:

а) Ножевидные пластины без ретуши — 81.

Это преимущественно короткие сечения, в числе которых около 20 обломков с ударными бугорками. Отличительная особенность группы — хорошо выраженная микролитичность пластин, в целом не очень характерная для кельтеминарских образцов. Большая часть их имеет правильную огранку и ширину в среднем 0,5 см.

б) Обломки, отщепы, чешуйки — 166.

Из них только около 10 предметов представляют собой обломки и отщепы средних размеров; подавляющее большинство — это очень мелкие отщепы и чешуйки.

в) Нуклеусы односторонние с острым клиновидным основанием (рис. 52, 16) — 2; г) Скол с нуклеуса — 1; д) Ребристая пластина — 1.

е) Изделия из ножевидных пластин с ретушью — 5.

В числе последних обломков («перо») наконечника стрелы кельтеминарского типа (рис. 52, 12), два вкладыша с притупленным краем и скошенным концом (рис. 52, 13, 14), один вкладыш с притупленным краем и обломок ножевидной пластины с краевой ретушью (рис. 52, 15).

На стоянке найден также маленький скол шлифованного орудия.

Керамика представлена лишь 4 небольшими обломками. Два из них имеют орнамент — прочерченный (волнистый?) и сделанный насечками. Остальные два, судя по тесту и обжигу, относятся, вероятно, к более позднему времени.

Стоянка Байрам-Казган 4 находится в 10 км восточнее колодца Байрам-Казган и в 11,5 км юго-восточнее Джанбас-калы. В отличие от вышеописанной

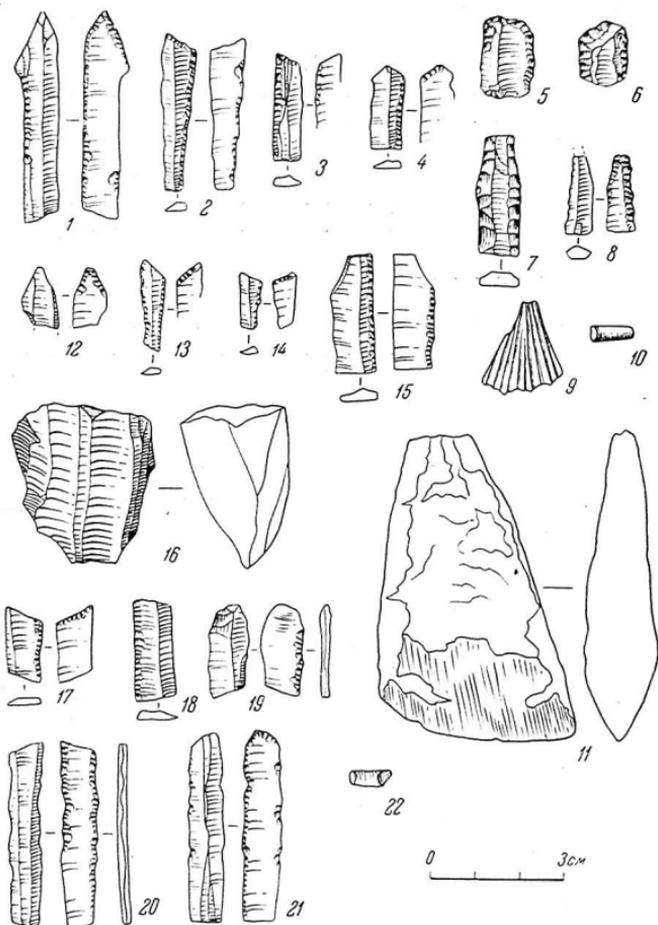

Рис. 52. Байрамказганская группа стоянок

Изделия из камня (1—8, 11—21) и раковинные украшения (9—10, 22).

1—11 — стоянка Байрам-Казган 1; 12—16 — стоянка Байрам-Казган 6;
17—22 — стоянка Байрам-Казган 4

санных, эта стоянка приурочена не к низким серым пескам, а к высоким грядам древнеаллювиальных желтовато-серых песков; находки располагаются гипсометрически выше, чем на стоянке Байрам-Казган 1.

Набор находок на стоянке несколько специфичен. Здесь, на площади примерно $30-35 \times 15-20$ м, собрано около 250 мелких и крупных обломков неолитической керамики и только 11 кремневых поделок — все из ножевидных пластин.

Обломки керамики — не более чем от десяти сосудов (рис. 51, 1—9). Примерно половина их была сделана из песочного теста. Из форм можно реконструировать полусферические чаши с коротким открытым сливом, сосуды вертикально вытянутых пропорций средних размеров. Несколько сосудов имели орнаментацию, нанесенную зубчатой «качалкой», прорисовыванием в виде идущего вниз от венчика зигзагообразного пучка линий, парных полос с мелкими вдавлениями внутри, образующих систему мелких геометрических фигур. Некоторые из широкогорлых сосудов были украшены косыми насечками с внутренней стороны приостренного бортика.

Из 11 кремневых находок — 7 с вторичной обработкой.

Среди последних — две пластины с притупленной спинкой, одна из которых — со скопленным концом (рис. 52, 17); пластина с пологой приостряющей ретушью с брюшка — типа «с ломаным лезвием» (рис. 52, 20) и четыре ножевидных пластины с ретушью вдоль одной или обеих сторон, с брюшка или со спинки, одна из которых с ретушированным концом (рис. 52, 19, 21). Остальные находки — это сечение ножевидной пластины без ретуши, два обломка с ударными буторками и небольшая ребристая пластина. Среди находок — пронизка из раковины *Dentalium* (рис. 52, 22).

Характеризуя кремневый материал, необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, полное или почти полное отсутствие отходов (мелких отщепов, чешуек и т. д.), столь характерных для большинства стоянок и, стало быть, отсутствие производства кремневых орудий. Во-вторых, все или почти все из найденных на стоянке изделий с ретушью относятся к разряду вкладышей.

Оба эти обстоятельства так же, как и отмеченное выше, несколько необычное расположение стоянки выделяют ее из числа остальных неолитических местонахождений этого района. Не имея пока достаточных данных для интерпретации этих особенностей, отметим лишь, что подобная стоянка имеется и среди неолитических местонахождений мамурской группы, характеристика которых дается ниже.

Мамурская группа стоянок

Как и вышеописанные, стоянки мамурской группы приурочены к коренному берегу Южной дельты. Расположены они в 9,5 — 10 км восточнее колодца Байрам-Казган и в 11,5 км юго-восточнее крепости Джанбас-кала.

Стоянки найдены в песках по краю большого такыра, заполняющего глубоко врезаемый в коренные кызылкумские пески «залив». С востока и запада последний ограничен высокими песчаными грядами желтого и желтовато-серого песка. Такыр имеет два основных уровня: нижний (южная часть), заполняющий основную часть «залива», и верхний (северная часть), отделенный от первого пологим, хорошо заметным уступом. Разница в уровнях достигает 1 м. С севера залив ограничен слабо расчлененными невысокими серыми аллювиальными песками, за которыми начинаются большие такыры, тянущиеся вдоль восточного и юго-восточного края дельты.

Все обнаруженные здесь пункты с находками эпохи неолита и бронзы (Мамур 1—4) находятся у восточного и юго-восточного края такыра и западного склона песчаной гряды, ограничивающей такыр в этой его части.

К неолиту относятся 5 основных скопления находок — Мамур 1, 3, 3А, 3Б, 4. Все они оказались развееванными; шурфовка, проведенная на площади находок на стоянках Мамур 3 и 4 и на такыре, примыкающем к стоянке Мамур 3, результатов не дала.

Стоянка Мамур 3. Наиболее крупной из стоянок этой группы является стоянка Мамур 3. Она расположена в северо-восточной, наиболее широкой части «залива», у восточного края такыра высокого уровня. Неолитические находки — кремни и обломки керамики — собраны на поверхности песка, на участке, непосредственно примыкающем к краю такыра. Интенсивное скопление одно (площадью примерно 15—18 × 10—12 м), вытянутое вдоль края такыра. Севернее и южнее его находки встречаются реже. На такыре находок нет; восточнее, на песке, они встречаются единично на всем протяжении до стоянки Мамур 3Б (см. ниже).

На стоянке собрано около сотни небольших обломков керамики, большей частью сильно выветренных. Подавляющее большинство — это фраг-

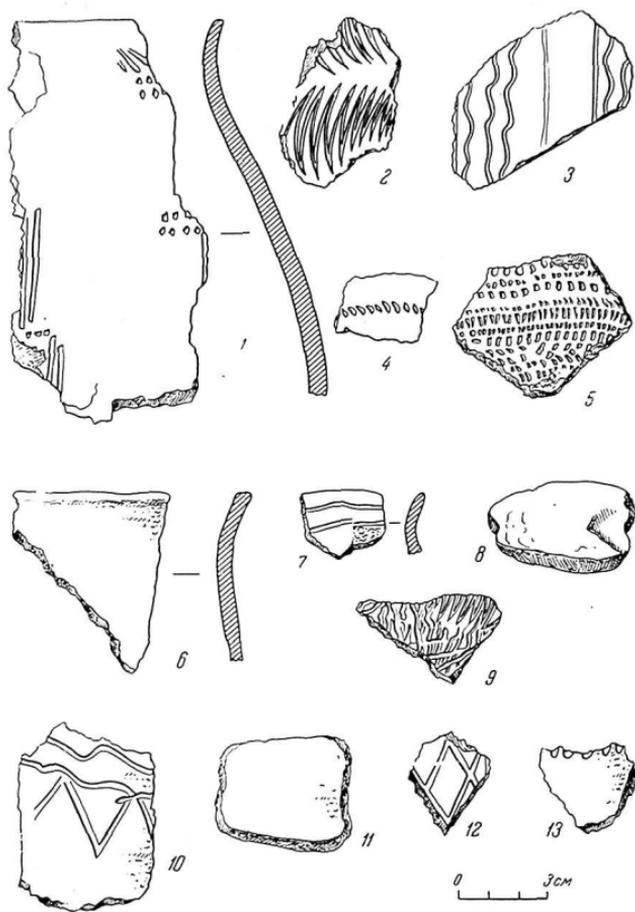

Рис. 53. Мамурская группа стоянок. Керамика

1—5 — стоянка Мамур 3Б; 6—8 — стоянка Мамур 1 (II скопление);
9 — стоянка Мамур 1 (IV скопление); 10—12 — стоянка Мамур 4;
13 — стоянка Мамур 3

менты сравнительно тонкостенных, сероватого, коричневатого или красноватого обжига сосудов, изготовленных из песочного теста. Несколько обломков тонкостенных сосудов изготовлены из глины с крупными примесями шамота. В коллекции имеется также небольшая группа обломков (не более десяти) лепных сосудов красноватого или коричневатого обжига, относящихся к эпохе бронзы или еще более позднему времени.

Орнамент редок. Лишь пять небольших обломков сохранили часть орнаментальных композиций, нанесенных насечками (елка) и мелкими овальными, либо округлыми вдавлениями (рис. 53, 13).

Кремневых предметов на стоянке собрано свыше трехсот (рис. 54, 1—9). Они распределяются следующим образом:

Отщепы без ретуши, обломки, чешуйки	174
Ножевидные пластины без ретуши	112
Нуклеусы односторонние (рис. 54, 9)	3
Обломки нуклеусов, продольные и поперечные сколы с них	5
Рибристые пластины	5

Наконечники стрел кельтеминарского типа (рис. 54, 1—2)	3
Пластины с притупленной спинкой и скошенным концом (рис. 54, 3, 5)	2
Пластина со скошенным концом (рис. 54, 4)	1
Концевые скребки (рис. 54, 8)	3
Скребок на отщепе (рис. 54, 7)	1
Пластины с боковыми выемками	1
Проколка (рис. 54, 6)	1
Сверло	1
Пластины с ретушью различного рода	15
	329
Из них изделий с вторичной обработкой	30

Из описи видно, что набор кремневых изделий типично кельтеминарский. Отщепы без ретуши, как правило, мелкие, к тому же из 174 предметов, упомянутых в первом пункте, примерно половину составляют мелкие чешуйки. Почти все ножевидные пластины без ретуши представлены обломками, малопригодными для дальнейшей обработки. Как и на других кельтеминарских стоянках Акчадарьинской дельты, около половины их (50 из 112) — это короткие обломки углощенной верхней части пластин с ударным буторком.

На стоянке найден обломок зернотерки из коричневого песчаника, а также маленький обломок костяного украшения, плоского, по-видимому, овальной формы, с отверстием у края (рис. 54, 9а).

Второе небольшое скопление находок неолитического времени, относящихся, вероятно, к стоянке Мамур 3, обнаружено в 50 м южнее⁷⁸. Находки располагались в тех же условиях — на песке, у края такыра. Здесь найдено несколько обломков керамики песочного теста и несколько обломков кремневых пластин, в том числе три с обработкой. Две из них имеют прямо срезанный крутой ретушью конец (в одном случае с брюшка, в другом — со спинки) и легкую подравку по одному краю (рис. 54, 15). Третье изделие — угловой резец (рис. 54, 14).

Третье скопление⁷⁹ в районе стоянки Мамур 3 находилось в 100 — 150 м северо-восточнее, в межгрядовом понижении, за гребнем первой от такыра невысокой гряды желтовато-серого песка. Здесь, на склонах и на дне котловины, найдено несколько небольших обломков неолитической керамики. Выразительной песочной керамики нет. Два небольших обломка имеют орнамент — короткие насечки в форме елки и оттиски мелкозубчатой «качалки». Отметим также маленький обломок венчика сосуда с уплощенным, оттянутым наружу, подтреугольным в сечении бортиком.

Стоянка Мамур 3Б. Последнее более крупное скопление, названное стоянкой Мамур 3Б, находится в 200 м к востоку-юго-востоку от стоянки Мамур 3. Условия находок здесь несколько иные. Они собраны на довольно значительной площади (по линии северо-восток — юго-запад порядка 100 м), рассредоточены более или менее равномерно и приурочены ко дну и склонам двух больших котловин на западном склоне высокой гряды желтых коренных песков. Несомненно, мы имеем здесь дело с сильно перемещенным материалом. При сборе находок было отмечено, что фрагменты керамики, находившиеся на более высоких отметках (по склону котловин они поднимаются на высоту до 1 — 1,5 м от дна ее), более свежи, менее выветрены, обломки ее более крупные. Это позволяет предполагать, что первоначально находки занимали более высокое положение,

⁷⁸ Условно названо «стоянка Мамур 3В».

⁷⁹ Условно названо «стоянка Мамур 3А».

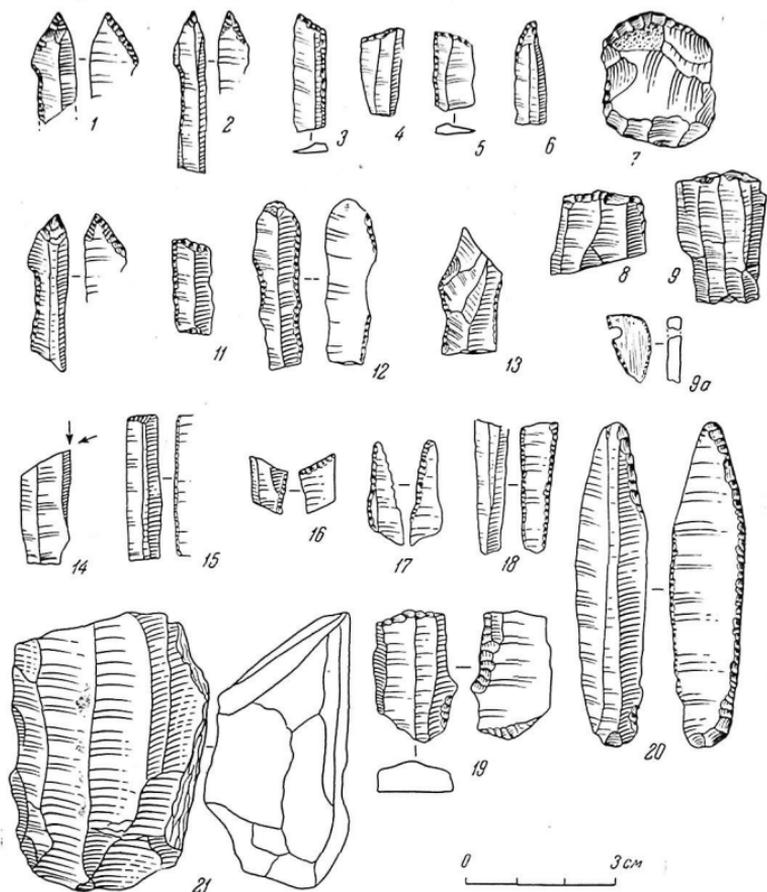

Рис. 54. Мамурская группа стоянок. Изделия из кремня и костяная подвеска

1—9а — стоянка Мамур 3; 10—13 — стоянка Мамур 4; 14—15 — стоянка Мамур 3В;
16—18 — стоянка Мамур 1 (II скопление); 19—20 — стоянка Мамур 1 (IV скопление); 21 — стоянка Мамур 3В

в том числе и относительно уровня стоянки Мамур 3. Эта особенность, так же, как и характер материала (незначительное количество кремня и, по-видимому, сравнительно ограниченное число сосудов, представленных найденными фрагментами), сближает описываемое местонахождение со стоянкой Байрам-Казган 4.

На стоянке найдено около 80 обломков керамики, преимущественно мелких и неорнаментированных. Керамика, в основном тонкостенная, более половины ее относится к сосудам песочного теста, имеются отдельные обломки сосудов с примесью шамота в тесте. Последние характеризуются более толстыми стенками. Из реконструируемых по обломкам форм можно отметить полусферические чаши и небольшие вертикально вытянутые сосуды с раздутым туловом и отогнутым наружу венчиком. Песочная керамика, как правило, не орнаментирована. Отметим обломки сосуда, украшенного идущими вниз от венчика пучками параллельных прочерченных линий, разделенных на отдельные отрезки мелкими неправильной формы вдавлениями (рис. 53, 1). Другой сосуд был украшен волнистыми и прямыми прочерченными линиями, очевидно также в виде

вертикальных пучков (рис. 53, 3). Короткими косыми насечками был украшен небольшой, очевидно шаровидный, сосудик (рис. 53, 4).

Сосуды, изготовленные из глины с примесью шамота, были украшены оттисками «качалки» — гладкой и зубчатой (рис. 53, 2, 5).

Кремня очень мало — 10 мелких отщепов без ретуши и крупный односторонний нуклеус с сильно скошенной назад ударной площадкой (рис. 54, 21).

Стоянка Мамур 4 расположена в тех же условиях, что и стоянка Мамур 3, и находится в 400—600 м южнее последней. Находки рассеяны на площади примерно 20×20 м и за ее пределами встречаются единично. Характерна измельченность и сильная выветренность керамики, обломки костей почти не встречаются.

На стоянке собрано около 50 обломков лепной керамики, треть которых можно отнести к разряду песочной. Среди остальной имеются обломки, относящиеся, по всей видимости, к более позднему, чем неолит, времени. По обломкам реконструируются сосуды двух форм: полусферические чаши и небольшие сосуды вертикально-вытянутых пропорций. Орнамент встречается редко; отметим ромбообразную решетку (крупную), полосы коротких насечек и вдавлений, а также композицию в виде горизонтального пояса из нескольких волнистых линий, ограниченного снизу прочерченной зигзагообразной линией (рис. 53, 10, 12).

Из керамических изделий интересно также рыболовное грузило, сделанное из стенки сосуда, в форме высокой трапеции с легкими выемками по узким сторонам (рис. 53, 11).

Изделий из кремня 54, в том числе 30 небольших обломков и отщепов, 8 обломков ножевидных пластин, один поперечный скол с нуклеуса, одна ребристая пластина, массивный скребок на отщепе, отщеп с крутой неправильно зубчатой краевой ретушью, другой отщеп с подправкой и следами сработанности на суженном массивном конце (очевидно, отжимник) и 9 изделий из правильно огранных ножевидных пластин. В числе последних наконечник стрелы кельтеминарского типа (рис. 54, 10), пластинка-вкладыш с притупленными спинкой и концами (рис. 54, 11), пластина с боковыми выемками (рис. 54, 12), два сверла (или провертки), пластинка с резовыми сколами (рис. 54, 13), три пластины с крутой краевой ретушью.

Стоянка Мамур 1 — самая южная из неолитических местонахождений мамурской группы. Сравнительно немногочисленные находки приурочены к четырем небольшим скоплениям, расположенным на двух уровнях в двух параллельных слабо выраженных межрядовых понижениях, вытянутых меридионально и заканчивающихся у южной кромки такыра. Уровень положения находок на скоплениях I и III примерно соответствует нижнему уровню такыра; скопления II и IV находятся на 80—100 см выше. Значительная площадь находок (100×150 м) и характер их (незначительное количество керамики, сильная ее измельченность и окатанность) свидетельствуют о давности разрушения культурного слоя. Приуроченность находок к отдельным скоплениям — лишь результат их длительного и неоднократного перемещения, и связана она с особенностями современного микрорельефа.

На скоплении I найдено 4 обломка керамики и 11 изделий из камня. Два обломка керамики имеют орнамент, нанесенный насечками; один из неорнаментированных фрагментов, судя по характеру теста и обжига, возможно, относится к более позднему, чем неолит, времени. Среди изделий из камня два обломка необработанных ножевидных пластин и два крупных отщепа — один кварцитовый, другой кремневый, с остатками желвачной корки. Ретушированных изделий из ножевидных пластин пять, из них четыре пластины с боковыми мелкими выемками, пятая — пластина с краевой ретушью с брышка и спинки. Среди находок обломок шлифованного топорика.

Находки на II скоплении более многочисленны. Среди керамики (18 обломков) имеется венчик небольшого сосуда вертикально-вытянутых пропорций, несколько орнаментированных фрагментов. Орнамент нанесен зубчатой «качалкой», прочерченными волнистыми линиями, насечками (рис. 53, 6—7). Среди керамических находок рыболовное грузило из стенки сосуда — того же типа, что и на стоянке Мамур 4 (рис. 53, 8). Неообработанных отщепов и обломков 35, все мелкие; обломков ножевидных пластин без ретуши тоже 35, из них 20 коротких сечений с отбивным бугорком. Ножевидных пластин с ретушью 10, из них две с притупленной спинкой и скошенным концом (рис. 54, 16), одна с притупленным краем, одно сверло, одна пластинка с резцовым сколом, одна пластинка типа «с ломаным лезвием»⁸⁰. Остальные изделия — короткие обломки с различного типа краевой ретушью. Найдены также мелкие обломки двух шлифованных изделий из зеленого камня.

На III скоплении найдены два невыразительных обломка лепной керамики и два обломка кремневых ножевидных пластин.

Скопление IV дало 12 обломков керамики, в том числе несколько фрагментов, орнаментированных «качалкой» (рис. 53, 9). В числе керамических находок имеются обломки сосудов эпохи бронзы⁸¹. Кремневые изделия также немногочисленны (12 экз.) и типичны для кельтеминарской индустрии (рис. 54, 19—20).

Мы уже говорили, что площадь, объединяющая все четыре скопления находок стоянки Мамур 1, довольно велика, к тому же находки расположены на двух разных уровнях. Поэтому относить все их (не говоря уже о более поздних, заведомо не неолитических) к одному комплексу в отличие от стоянок Мамур 3 и 4 у нас нет оснований. Однако как бы фрагментарны ни были находки с каждого из скоплений (исключая III), найденные там предметы — и керамика и кремль — не дают оснований для хронологического расчленения их. Более того, и керамика (измельченность форм, «качалка»), и в меньшей степени кремневый инвентарь свидетельствуют о том, что все находки относятся к одному, достаточно позднему периоду неолитической эпохи.

Что касается неолитических стоянок мамурской группы в целом, то и они не показывают сколько-нибудь существенных различий, которые можно было бы рассматривать как хронологические. Если взять стоянки Мамур 3 и Мамур 4, как наиболее подходящие по качеству материала для сравнения (более или менее массовые находки, сравнительная ограниченность площади основного скопления, соответствующая, очевидно, жилищу), то можно видеть, что выразительных различий между ними, так же, как и между другими, более мелкими комплексами (Мамур 3А, Мамур 3Б, Мамур 1), не наблюдается. В целом можно говорить о характерности для всех пунктов мамурской группы таких признаков позднего кельтеминарского возраста, как преобладание «качалки» и коротких насечек в орнаментике посуды, сравнительно небольшие размеры сосудов вертикально-вытянутых пропорций, расположение орнамента в виде узких полос по венчику и шейке и значительный процент неорнаментированной посуды.

Кремневый инвентарь мамурских стоянок, как обычно, не позволяет судить о времени, к тому же он слишком малочислен.

Несколько небольших развешенных стоянок и отдельных находок приурочены к меридионально вытянутому (на участке от колодца Куняк-Казган до начала Акчадарьинского коридора) восточному коренному берегу дельты.

⁸⁰ Изделия подобного типа подробно описаны по материалам стоянки Кават 7, см. стр. 102 настоящей работы.

⁸¹ Примесь керамики эпохи бронзы можно объяснить тем, что несколько южнее и гипсометрически выше расположена стоянка эпохи бронзы Мамур 2.

По условиям расположения материала они аналогичны большинству стоянок Байрамказганской и Мамурской групп и являются более северным продолжением цепочки неолитических памятников восточного берега дельты. Меридионально вытянутые высокие песчаные гряды желтовато-серых и желтых песков образуют здесь, на границе с аллювиальной такырной дельтовой равниной, системы мысов, перемежающихся глубокими «заливами» — межгрядовыми понижениями. Часть их подтоплялась в древности паводковыми водами акадарьинских русел; при этом образовывались неглубокие озера. Тонкие суглинистые отложения в межгрядовых понижениях — следы этих подтоплений. Характерно, что здесь местами наблюдаются два такырных уровня. К верхнему из них и прилегающим склонам гряд и приурочены неолитические находки⁸².

Развешенная стоянка и несколько пунктов отдельных находок расположены в районе колодца Кунык-Казган. Отдельные находки вещей неолитического или энеолитического времени (по несколько кремней вместе с керамикой эпохи бронзы и более поздней) найдены в районе колодца и к западу-юго-западу от него.

Стоянка Кунык 1 находится в 2 км к западу-юго-западу от колодца Кунык-Казган. Находки собраны в котловине выдувания, среди разрушающихся такыров высокого уровня примерно в 100 м от очевидно затопляемого в то время такыра более низкого уровня⁸³.

На стоянке найдены изделия из кремня (около 180 экз.), керамика, украшения из раковин (25 экз.). Материал стоянки опубликован⁸⁴, и мы ограничимся лишь краткой его характеристикой.

Подавляющее большинство обломков керамики орнаментировано. Орнамент прочерченный (волнистый и прямолинейный), а также в виде насечек вдавлений; встречается неправильно-ямочный. Орнамент, нанесенный оттисками зубчатого штампа, в том числе типа «шагающей гребенки» и «качалки», в материале не встречен. Из форм реконструируются большие сосуды вертикально-вытянутых пропорций, полусферические чаши, сосуды ладьевидной формы.

Из кремневых орудий для стоянки характерны пластины с широкими асимметричными выемками, пластины с притупленным краем, концевые скребки (скребков на отщепах не найдено), наконечники кельтеминарского типа и другие изделия. Украшения изготовлены из раковины *Dentalium* и *Pectunculus* (?)⁸⁵.

Другая группа находок происходит из урочища Джингельды. Кроме стоянки Джингельды 6⁸⁶, отсюда происходит несколько отдельных находок, преимущественно кремневых орудий, реже керамики.

Стоянка Джингельды 6 расположена в зоне контакта высоких желтых грядовых песков коренного берега и примыкающей к нему с запада широкой полосы дельтовых такыров, в 1—1,5 км к югу от колодца Джингельды. Культурный слой стоянки развешен, находки собраны в котловине выдувания среди низких грядовых серых песков.

Уровень залегания находок в котловине, отделенной от такыров невысокой песчаной перемычкой, несколько выше уровня последних.

⁸² «Низовья Аму-Дарья...», стр. 45.

⁸³ Более подробно об условиях расположения материала стоянки см. «Низовья Аму-Дарья...», стр. 71.

⁸⁴ А. В. Виноградов. Раннекельтеминарская стоянка Кунык 1, КСИЭ, вып. XXX, 1958, стр. 16—22.

⁸⁵ Характер находок и, в первую очередь, орнаментика керамики, позволили нам выделить стоянку из массы более поздних находок восточного берега дельты и отнести ее к раннему этапу (А. В. Виноградов. Раннекельтеминарская стоянка Кунык 1, стр. 19—22).

⁸⁶ Не путать со стоянкой Дингильдже 6, находящейся далеко юго-западнее (см. стр. 106—107 настоящей работы).

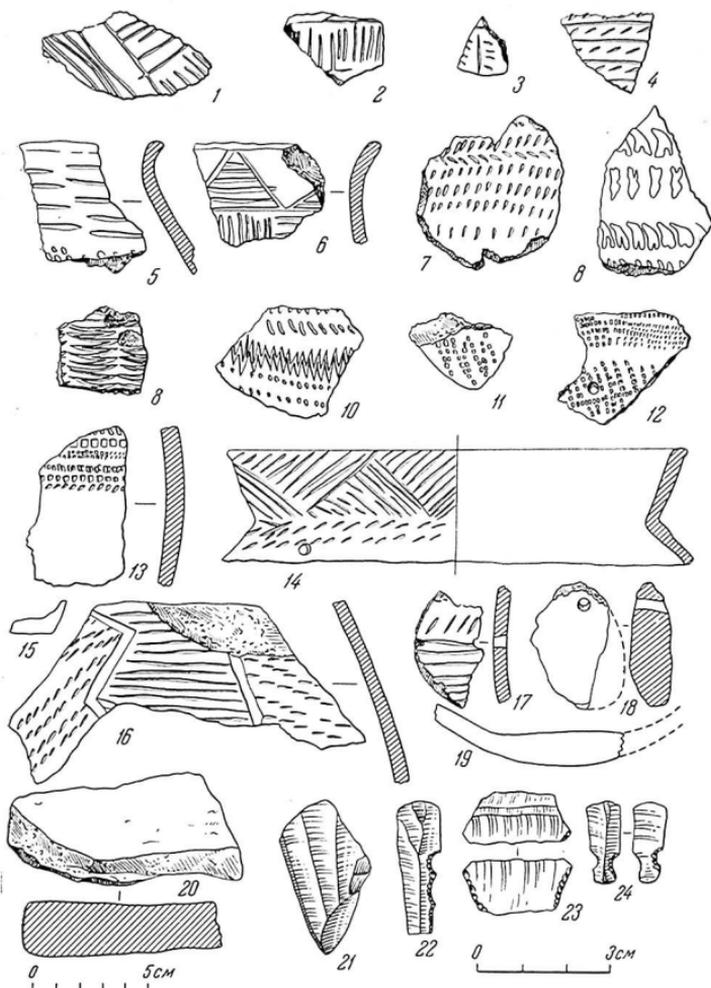

Рис. 55. Стоянка Джингельды 6.

1—17, 19 — керамика; 18 — рыболовное грузило из песчаника;
20 — обломок зернотерки; 21—24 — изделия из кремня

На стоянке найдены обломки керамической посуды, изделия из кремня, раковинные украшения.

Керамика представлена обломками примерно 20 сосудов. Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам венчиков, в керамике стоянки имеются следующие формы:

1) Сосуды с сильно отогнутым наружу венчиком и раздутым туловом (рис. 55, 5—6); 2) полусферические чаши; 3) сосуды со сферическим туловом и отогнутым наружу прямым венчиком (рис. 55, 14). По-видимому, были и другие формы. На это указывают обломки венчиков, преимущественно от маленьких сосудов, но они крайне фрагментарны.

Венчики сосудов иногда округлые сверху, но преимущественно уплощенные. Днища, как правило, круглые. Интересны обломки днищ, сильно утолщенных изнутри (рис. 55, 19). Внутренняя поверхность дна такого сосуда плоская, а внешняя еще округлая, полусферическая.

Имеются обломки совершенно плоских днищ, однако принадлежность их к неолитическому комплексу находок не может быть доказана.

По техническим приемам нанесения орнамента всю керамику можно разделить на две примерно равные по количеству группы:

1. Орнамент, нанесенный насечками и прочерчиванием (рис. 55, 1—7, 14, 16—17).

Это горизонтальные, вертикальные или наклонные полосы насечек, ограниченные параллельными прочерченными линиями и употребляющиеся как в самостоятельном значении (повторение элементов), так и во вспомогательном, образуя различные геометрические фигуры. Часто встречается прием заштриховки фигур прочерченными линиями, особенно треугольников. Они (обычно в виде пояса) оформляют венчик.

2. Орнамент, нанесенный «шагающей гребенкой» и «качалкой».

Гребенка преимущественно мелкозубчатая. Гладкая «качалка» встречается двух типов — узкая и короткая, широкая. Судя по многочисленным фрагментам стенок сосудов, отисками «шагающей гребенки» и гладкой «качалки» покрывали стенки сосуда, в виде различной ширины горизонтальных полос. Орнаментом покрывалась, как правило, не вся поверхность сосуда. На больших сосудах она обычно покрывает верхнюю половину или несколько большую часть наружной поверхности сосуда. Большинство полусферических чашек не имеет даже орнамента по венчику.

Среди керамических изделий встречены два обломка круглых дисков с просверленной в центре, сделанных из стенок орнаментированных сосудов. Орнамент — насечки, прочерченные прямые линии, отпечатки зубчатого штампа (рис. 55, 17).

Изделий из камня на стоянке собрано немного. Из 200—300 обломков, ножевидных пластин, отщепов и мелких чешуек, указывающих на изготовление орудий на стоянке, имеется всего около двадцати орудий. Это несколько выемчатых пластин (рис. 55, 22), проколка, концевые скребки, ребристая пластина с ретушью, обломок конической формы нуклеуса (рис. 55, 21).

Интересны два орудия: 1) изделие трапецевидной формы, длинное (рис. 56, 23), 2) два небольших обломка ножевидных пластин — изделия типа «с выделенной головкой» (рис. 55, 24).

На стоянке найдены два изделия из песчаника-плитняка. Первое — обломок зернотерки четырехугольной формы. Рабочая поверхность слегка вогнута и сильно заполирована (рис. 55, 20). Второе — обломок рыболовного грузила овальной формы с просверленной на одном конце (рис. 55, 18).

Раковинные украшения представлены округлыми, отлично заполированными бусами из раковин *Didaspa* (?) и типичными для всех кельтеминских стоянок белыми цилиндрическими пронизками из раковин *Dentalium*.

Севернее, у начала Акчадарьинского коридора в урочище **Каунды**, находится еще одна группа неолитических местонахождений.

Стоянка Каунды 3 находится в 12 км восточнее горы Кокча, при пересечении Тамдинской дороги с руслом. Находки собраны на поверхности песка на склоне первой террасы правого берега одного из боковых русел, ответвляющихся от главного восточного русла Акча-Дарьи. О наличии в этом районе, в некоторых местах, двух такырных террас мы уже упоминали.

На стоянке собрано около 150 кремневых предметов. Изделий около 30 экз., среди них скребки на узких ножевидных пластинах, пластины с краевой ретушью, обломок двусторонне обработанного наконечника стрелы, с выемкой в основании. Интересно изделие геометрической фор-

мы, обработанный с трех сторон крутой притупляющей ретушью прямоугольник, сделанный из короткого сечения ножевидной пластины.

Керамики на стоянке найдено очень много, однако большая часть ее безусловно позже комплекса кремневых находок. Лишь некоторое количество мелких, бедно орнаментированных обломков можно хронологически сопоставить с кремневыми находками. Они орнаментированы «качалкой» (гладкой), насечками и вдавлениями⁸⁷.

В том же районе (севернее стоянки) обнаружено скопление обломков керамики, в том числе и поздненеолитической, орнаментированной «качалкой» — гладкой и зубчатой (поиск № 68А, 1954 г.).

* * *

Как видно из характеристики материала, стоянки восточного берега дельты можно грубо разделить на две неравные группы.

К первой, меньшей, можно отнести стоянки Кунык 1 и, возможно, Дингильдже 6, ко второй — большинство мелких развееванных стоянок прибрежной зоны. Для первой группы характерна керамика, орнаментика которой при очень многих существенных отличиях показывает наибольшую, среди рассматриваемых материалов, близость к орнаментике нижнего слоя стоянки Джанбас 4 и стоянки Кават 7.

Решающую роль в орнаментике играют насечки и вдавления. Наряду с ними встречается еще и прочерченный орнамент, в том числе и волнистый.

Материал стоянок и местонахождений второй группы, т. е. подавляющего большинства неолитических памятников этого района Южной дельты, имеет совершенно иной характер и близок к материалу других стоянок джанбасской группы, в частности Джанбас 5 и особенно Джанбас 11. Наиболее распространенным на керамике этих стоянок является орнамент в виде широких лент оттисков гладкой «качалки» и зубчатой («шагающая гребенка»). Насечки и вдавления играют существенную роль, прочерченный орнамент редок, волнистый встречен лишь единично.

Общая территория, сходные условия расположения стоянок не оставляют сомнения в том, что различия эти хронологические.

Памятники северного берега дельты

Кургашинская группа стоянок

Географически — это стоянки северного края Южной дельты, восточной его части, где дельта к востоку от Султануиздага ограничена сложенной палеогеновыми отложениями возвышенностью. С точки зрения условий расселения неолитического человека в дельте, здесь объединены материалы двух типов:

1. Находки, связанные с внутريدельтовой возвышенностью Кургашин;
2. Находки из района северного берега дельты. Объединение находок из района Кургашина в одну группу оправдано. Дело в том, что Кургашинская возвышенность находится рядом с коренным берегом дельты, и стоянки этих двух типов расположены всего в нескольких километрах друг от друга.

Находки со стоянок этого района немногочисленны и маловыразительны. Некоторые из них (стоянки Кургашин Г и Д) уже опубликованы⁸⁸.

⁸⁷ «Низовья Аму-Дарья...», стр. 79 (рис. 39, 1).

⁸⁸ А. В. Виноградов. Новые неолитические находки..., стр. 75, 76.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЧОКОЛАКСКОЙ ЛОЖБИНЫ И АКЧАДАРЬИНСКОГО КОРИДОРА

Чоколакская ложбина — длинное меридионально-вытянутое понижение, подходящее с юга к Акчадарьинскому коридору и являвшееся, по мнению географов, древней (не моложе нижнечетвертичного времени) ложбиной стока, подтопленной позднее водами Аму-Дарьи. Поздние амударьинские отложения представлены здесь такыровидными суглинками. В Чоколакской ложбине найдены две небольшие развешенные стоянки⁸⁹.

Первая из них — стоянка «поиск 65» — обнаружена в котловине выдувания, среди высоких грядово-ячеистых песков. На поверхности песка собрано около тридцати кремневых находок, в том числе обломки ножевидных пластин с ретушью, а также мелкие обломки поздненеолитической или энеолитической керамики.

На стоянке «поиск 60» вместе с поздней керамикой (позднебронзовой и средневековой) найдено несколько десятков кремневых предметов (в том числе пластины с ретушью, обломок двусторонне обработанного наконечника стрелы с выемкой в основании), раковинные бусы и подвески. Находки собраны в котловине выдувания на западном склоне высокой песчаной гряды, недалеко от сильно разрушенного русла.

В пределах Акчадарьинского коридора, соединяющего Южную и Северную дельты, наибольшее число памятников эпохи неолита найдено в урочище Таджи-Казган.

Таджиказганская группа стоянок

В этой группе насчитывается сейчас 8 неолитических стоянок⁹⁰ и еще большее количество пунктов, давших отдельные находки этого времени.

Стоянки расположены на западном и восточном склонах Акчадарьинского коридора⁹¹.

Геоморфологическое обследование района таджиказганских стоянок, проведенное А. С. Кесъ, показало, что уже после того, как был сформирован эоловый рельеф возвышенной песчаной равнины, прилегающей к Акчадарьинскому коридору, произошло подтопление коридора: вода, подымавшаяся на 4—5 м выше его современного такырного днища, затопила межгрядовые понижения, в которых располагаются неолитические стоянки. Состояние археологического материала (все стоянки полностью развешены) не позволяет сейчас установить точно ни время подтопления, ни причины его. Высказаны два предположения. Согласно первому, подтопление связано с одной из ранних трансгрессий Аральского моря, вызвавшей подпор акчадарьинских вод, и произошло оно раньше, чем здесь расселились неолитические рыболовы и охотники (или во время их жизни). Второе связывает подтопление с вторичным обводнением Акчадарьинской дельты водами Аму-Дарьи, которое, как предполагается, произошло на рубеже III и II тысячелетий до н. э.⁹²

Перейдем к характеристике материала.

Стоянка Таджи-Казган 2 находится в 6 км юго-западнее колодца Таджи-Казган. Материал собран на дне и склонах песчаной котловины. В находках преобладает керамика. В ее орнаментике главное место занимают оттиски гладкой и зубчатой «качалки», в самостоятельном значении и в сочетании с насечками и прочерченными линиями (рис. 5б, 23—

⁸⁹ Несколько пунктов находок неолитического материала из северной части ложбины, в месте ее смыкания с Акчадарьинским коридором описаны ниже, в числе материалов Таджиказганской группы стоянок.

⁹⁰ «Низовья Аму-Дарьи...», стр. 72—80.

⁹¹ На широте Таджи-Казгана к Акчадарьинскому коридору подходит Чоколакская ложбина, поэтому стоянки восточного склона Таджи-Казган 10, 14 по существу приурочены к восточному берегу этой ложбины.

⁹² «Низовья Аму-Дарьи...», стр. 78.

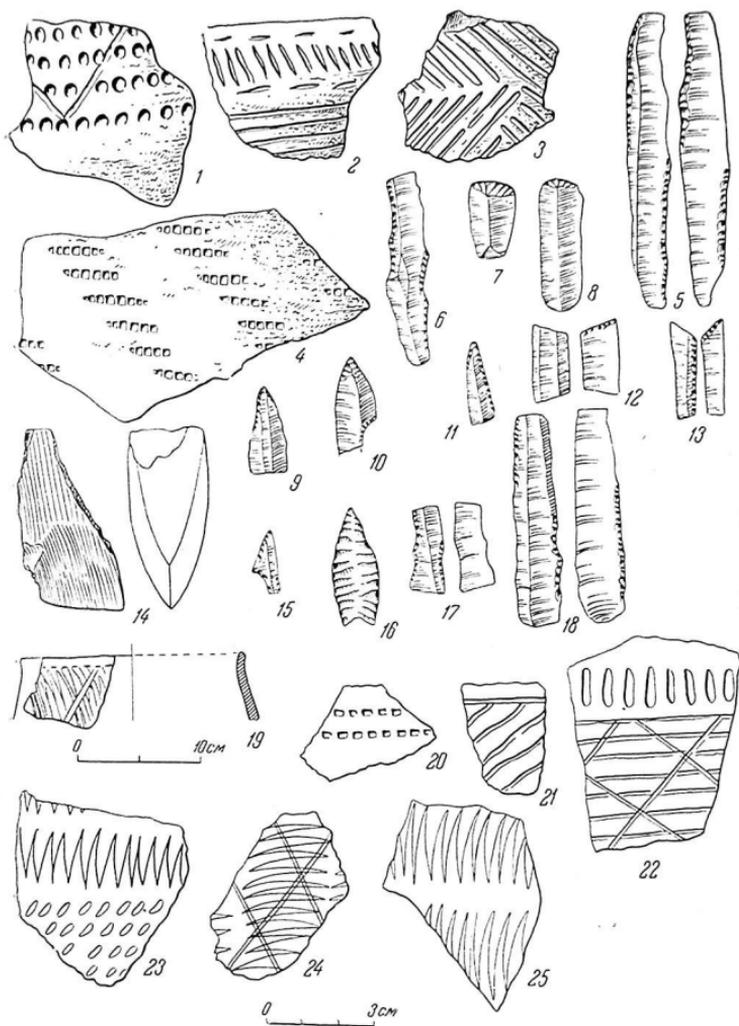

Рис. 56. Таджиказганская группа стоянок

1—14 — стоянка Таджики-Казган 6; 15—18 — стоянка Таджики-Казган 3; 19—22 — стоянка Таджики-Казган 8; 23—24 — стоянка Таджики-Казган 2; 25 — стоянка Таджики-Казган 10

24). Встречаются оттиски зубчатого штампа, полосы насечек. Отметим композицию из вертикальных (?) полос оттисков гладкой «качалки», поверх которых прочерченными прямыми линиями нанесена крупная ромбическая решетка (рис. 56, 24).

Кремневые находки очень редки.

Стоянка Таджики-Казган 3 расположена рядом (в 150 м) со стоянкой Таджики-Казган 2. Общая площадь находок примерно 40×25 м; наиболее густо они расположены на дне и северо-восточном склоне котловины. В числе находок — керамика и изделия из камня. Керамика отчетливо делится на две хронологические группы: грубая, лепная «варварская» и кельтеминарская, в том числе орнаментированная.

Неолитическая керамика очень фрагментарна. По обломкам венчиков можно судить о наличии полусферических чаш и приземистых сосудов с раздутым туловом и плавным отгибом венчика.

Орнамент нанесен оттисками зубчатого штампа, гладкой «качалкой», насечками, прочерчиванием. Для композиции наиболее характерны горизонтальные ленты оттисков «качалки». Зубчатый орнамент встречен в форме елки, прочерченный, в сочетании с насечками, образует контурные треугольники⁹³.

Орудия изготовлены из кремня и серого мелкозернистого кварцита. Из 35 предметов 15 — орудия с вторичной обработкой (рис. 55, 15—18). Среди них наконечник стрелы кельтеминарского типа, пластина с притупленным краем, пластины с выемками, скребки концевые и на отщепе, нуклеус. Среди находок имеется также двусторонне обработанный наконечник стрелы, листовидный с выемкой в основании.

Стоянка Таджики-Казган 14 найдена в 8 км севернее колодца Чоколак (в 17 км юго-восточнее колодца Таджики-Казган). Находки располагались в котловине выдувания, на поверхности желтого переветяного песка, концентрируясь по дну и юго-западному склону. В коллекции небольшое количество обломков керамики, украшенной оттисками зубчатой «качалки» и насечками (елка), и около двадцати кремней. Среди последних концевой скребок, пластина с боковой выемкой и несколько пластин с краевой ретушью.

Стоянка Таджики-Казган 13 обнаружена в 5—6 км юго-восточнее колодца Таджики-Казган. Площадь основного скопления находок примерно 25×30 м; вне ее они встречаются единично на большой площади. Находки очень невыразительны: около двух десятков кремневых изделий (в том числе пластины с краевой ретушью, проколка и др.) и несколько мелких обломков поздненеолитической керамики, украшенной оттисками «качалки», и более поздней (эпоха бронзы?).

Стоянка Таджики-Казган 10. Расположенная в 4 км восточнее колодца Таджики-Казган, стоянка дала перемешанный материал — поздненеолитический (или энеолитический) и эпохи бронзы. Неолитическая керамика орнаментирована оттисками «качалки» (рис. 56, 25), насечками, мелкими неправильной формы вдавлениями.

Изделия из кремня немногочисленны и маловыразительны.

Стоянка Таджики-Казган 6 находится в 1,3 км к юго-востоку от колодца Таджики-Казган. Находки собраны на дне и восточном и северо-восточном склонах песчаной котловины. Материал перемешан (неолит и эпоха бронзы). Неолитическая керамика представлена обломками полусферических чаш и крупных приземистых сосудов с раздутым туловом и плавно отогнутым наружу краем. Остальные формы не реконструируются. Имеющиеся в коллекции обломки плоских дниц бесспорно относить к неолитическому комплексу нет оснований. Орнамент нанесен оттисками зубчатого штампа (косые ленты коротких горизонтальных оттисков), прочерчиванием (параллельные линии), насечками, редко оттисками «качалки» и ямками (рис. 56, 1—4).

Коллекция кремневых и кварцитовых изделий насчитывает более 400 экз. Из них 241 — мелкие отщепы и обломки; 87 — сечения ножевидных пластин без ретуши и 73 — изделия с вторичной обработкой. Набор орудий типично кельтеминарский: наконечник стрел кельтеминарского типа (3 экз.), пластины с широкими асимметричными выемками (7 экз.), пластины со скошенным концом (3 экз.), пластины с притупленным

⁹³ «Ильовья Аму-Дарья...», стр. 79, рис. 39, 7—8. Изображенные на рис. 39, 6, 10 фрагменты керамики, орнаментированные оттисками зубчатого штампа и насечками в форме расходящихся веерообразных отрезков, несомненно, не связаны с поздне-неолитическим комплексом находок. Ближайшие их аналоги имеются в керамике Хорезма эпохи бронзы.

краем (3 экз.), скребок на отщепе и др. (рис. 56, 5—13). Здесь же найден обломок клиновидного шлифованного топорика (рис. 56, 14) и украшения из раковин.

Стоянка Таджики-Казган 6А находится в соседней котловине. Находки здесь немногочисленны, преимущественно керамика. Интересно, что в орнаментике ее отсутствуют оттиски «качалки». Отметим прочерченный прямолинейный (неправильная косая решетка) и волнистый орнамент. Последний встречен на внутренней поверхности полусферической чаши. Имеется зубчатый орнамент в форме елхи.

Стоянка Таджики-Казган 8 расположена в 4 км к востоку-северо-востоку от колодца Таджики-Казган, в большой песчаной котловине (100×60 м), вытянутой с севера на юг. Редкие находки встречаются повсеместно, однако выделяются два скопления.

Первое — на юго-восточном склоне (примерно 10×10 м), где найдены остатки кремневого производства — свыше шестидесяти предметов, изделия и отходы.

Второе, давшее преимущественно керамику, находится в северной части котловины.

Всего на стоянке найдено около сотни кремневых предметов. Среди них ножевидные пластины с боковыми выемками, скребки концевые и на отщепе, проколки и сверла, пластины с краевой ретушью, нуклеусы.

Керамика преимущественно позднеолитического облика. По обломкам венчицков реконструируются полусферические чаши, сосуды приземистых пропорций с сильно раздутым туловом. В материале имеется фрагмент сосуда, который можно отнести предположительно к типу сосудов с открытыми сливами. Оттиски гладкой «качалки» преобладают в орнаментике сосудов, встречается зубчатый орнамент и прочерченный — прямолинейный и волнистый. Композиционные приемы те же, что и на других стоянках таджиказганской группы: горизонтальные и вертикальные ленты оттисков «качалки», перекрытые иногда системой прочерченных линий, ромбоячейчатая решетка, полосы оттисков гребенчатого штампа, косые волнистые линии, идущие от верхнего края сосуда (рис. 56, 19—22).

* * *

Почти все стоянки Таджикиазганской группы дают сходный в общих чертах материал. Формы сосудов и их орнаментика, в частности широкое применение в орнаментике оттисков «качалки» и зубчатого штампа, сближают эти стоянки со многими памятниками Южной дельты (Джингельды 6, Джанбас 11, стоянки Мамурской и Байрамказганской групп и др.). Вместе с тем орнаментика керамики и в меньшей степени кремневые и кварцитовые изделия показывают, что не все стоянки одновременны. О том, что стоянки Таджики-Казган 6 и 6А возможно несколько древнее остальных, уже говорилось⁹⁴.

В материалах стоянки Таджики-Казган 6 отмечен лишь один случай употребления «качалки» и в то же время для орнамента очень характерны насечки, прочерченные линии. Соседняя котловина — стоянка Таджики-Казган 6А — дала керамику лишь с прочерченным (прямолинейным и волнистым), зубчатым и нанесенным насечками и вдавливаниями орнаментом.

Обращает внимание наличие в кремневом материале Таджики-Казган 6 большего, сравнительно с остальными формами количества выемчатых пластин, среди которых имеются крупные экземпляры, с неглубокими и широкими асимметричными выемками. Четыре наконечника кельтеми-

⁹⁴ «Низовья Аму-Дарья...», стр. 72. 73.

нарского типа и три пластины со скошенным краем также выделяют эту коллекцию из числа остальных таджиказганских.

Возможно, несколько более ранней, чем остальные стоянки (но позже Таджики-Казгана 6), является стоянка Таджики-Казган 8. Она выделяется наличием обломков сосуда, украшенного волнистыми прочерченными линиями.

Рассматривая материал стоянок Таджикизганской группы, следует помнить, что все они развезены, а материал сильно перемешан. Поэтому хронологические заключения в пределах данной группы могут быть лишь предварительными.

* * *

К северу от Таджики-Казгана в пределах Акчадарьинского коридора известна лишь одна неолитическая стоянка — Куралы 1⁹⁵. Она расположена в 300 м от кака Куралы, в условиях, совершенно аналогичных условиям стоянок Таджики-Казган 2 и 3. Западный борт коридора в урочище Куралы делает изгиб и на небольшом отрезке идет в направлении, близком к широтному. Высокие меридионально-вытянутые гряды желтых песков открываются в коридор узкими и длинными затакыренными «заливами» — межгрядовыми понижениями. В глубине одного из них, в котловине, за песчаной перемычкой найдено около 50 кремней и обломки сосуда, украшенного отгисками «качалки». Среди кремневых изделий — наконечник стрелы кельтеминарского типа, пластина с выемкой, концевой скребок и другие изделия.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОЙ ДЕЛЬТЫ

Северная дельта археологически изучена значительно хуже, чем Южная. Однако, по-видимому, не в этом основная причина бедности происходящих отсюда неолитических материалов. Существенное отличие в водном режиме дельты в неолитическое время (по сравнению с Южной дельтой), неблагоприятные условия для расселения неолитического человека объясняют, по-видимому, скудность материала.

На территории Северной дельты мы знаем сейчас лишь одну маленькую развезенную стоянку и около десяти единичных или небольших групп находок, часть которых к тому же относить к неолиту можно лишь предположительно. Почти все они располагаются в прибрежных частях дельты, вдоль восточной (преимущественно) и западной ее границ и устья Акчадарьинского коридора.

Вот краткий перечень находок.

В районе колодца Камысты найдено несколько кремневых и кварцитовых изделий. Кремневый нуклеус найден в районе возвышенности Уч-Таган. Ножевидные пластины и концевой скребок подобраны на такыре, в 22 км южнее колодца Бальджан. К северу (в 10—11 км) от этого колодца, в котловине выдувания, найдена кремневая проколка и немного неорнаментированной лепной керамики. Кремневый концевой скребок вместе с керамикой эпохи бронзы и средневековой подобран в районе колодца Бай-Чувак. Около Барак-Тама, в шурфе, на глубине 18 см от поверхности, в болотном слое также найден концевой скребок. К северо-северо-западу от Барак-Тама (в 13—14 км) вместе с варварской керамикой найдена кремневая ножевидная пластинка и в том же районе, на поздней стоянке Барак-Там 8, — ножевидная пластина со скошенными концами.

На западной границе Северной дельты известны два пункта. Оба они находятся в зоне контакта отложений Акчадарьинской дельты и современной, Приаральской дельты Аму-Дарьи. В урочище Жумыр-Булак, в

⁹⁵ «Низовья Аму-Дарьи...», стр. 75.

песчаной котловине, найдены обломки двух орнаментированных неолитических сосудов. Один из них, по форме — приземистый вариант больших кельтеминарских сосудов (интересен резкий излом при переходе от тулова к острому днищу) — украшен вертикальными лентами гладкой «качалки», разделенными прочерченными линиями. Другой, орнаментированный короткими насечками, интересен волнистым верхним краем.

В урочище Кесек-кала найден кремневый концевой скребок.

Как видно из перечисления, большинство находок очень невыразительно. Лишь о находках в урочище Жумыр-Булак можно определенно сказать, что они близки по характеру материалам таджиказганских стоянок.

Стоянка Барак-Там 10 — единственная пока неолитическая стоянка Северной дельты⁹⁶. Она найдена в 10—11 км к северо-северо-западу от развалин Барак-Там, на западной границе большого песчаного массива. Найдено свыше 200 кремневых и кварцитовых предметов и немного керамики — все это собрано на дне одной из котловин западного склона крайней гряды песчаного массива. Кроме мелких отщепов и обломков (147 экз.), необработанных обломков ножевидных пластин (54 экз.), в коллекции имеется серия типичных для кельтеминара изделий: наконечник стрелы кельтеминарского типа, пластина с выемкой, пластина с приутолщенной спинкой и др.

Уже за пределами дельты, на юго-восточном берегу Аральского моря, в северной части полуострова Терменбес имеется еще один пункт с поздненеолитическими находками, условно названный «стоянка Терменбес 1а».

Здесь, в песчаном выдуве, на северо-восточном склоне высокого бугра найдены три обломка ножевидных пластин (кремень и кварцит), один из которых имеет легкую подправку вдоль края, мелкие обломки лепной керамики, в том числе один орнаментированный насечками, обломки минерализованных костей.

КАМЕНОЛОМНЯ И КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩАЯ МАСТЕРСКАЯ БУРЛЫ 3

Мастерская Бурлы 3 обнаружена в горах Султануиздаг и названа по близрасположенным развалинам античной крепости Бурлы-кала.

Юго-восточные окраины Султануиздага, где расположена мастерская, представляют собой систему веерообразно расходящихся невысоких отрогов, постепенно понижающихся и обрывающихся к востоку и к югу. Здесь, уже в условиях пустынного ландшафта, они проявляются местами в виде пересыпанных песками и заросших саксаулом всхолмлений или останцов, связанных с основным массивом невысокими плоскими седловинами. На вершине одного из таких останцев расположена крепость Аяз-кала. По одной или обеим сторонам к отрогам примыкают невысокие плато, круго обрывающиеся к югу и юго-востоку, в сторону пустыни. Во многих местах они пропилены руслами сезонно обводняемых горных ручьев с крутыми берегами и плоским каменистым дном. В нижних подгорных частях последние имеют ширину до 8—10 м и благодаря плоскому слегка прикрытому песком, каменистому дну являются очень удобным путем для проникновения на автомобиле в глубь гор.

Мастерская, расположенная на одном из плато, представляет собой останцовый бугор овальной формы, ориентированный длинной осью почти точно по линии восток — запад. Длина его 60—70 м, ширина около 45 м (рис. 57). Высота бугра над окружающей равниной около 4 м. В середине бугра расположена одна из карьерообразных выработок, большая по размерам: прямоугольное с изломанными сторонами углубление, ориенти-

⁹⁶ «Низовья Аму-Дарьи..», стр. 75, 76.

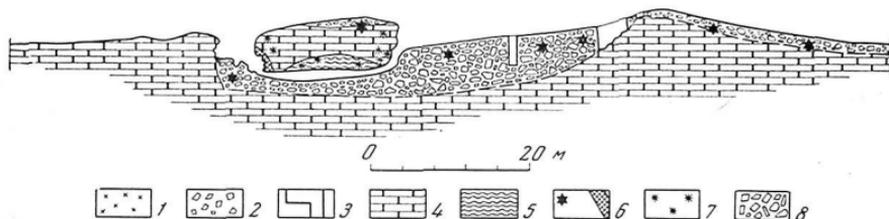

Рис. 57. Бурлы 3. План и разрез через карьеры и штольню по осевой линии В—З

1 — кремневые сколы и обломки на поверхности бугра; 2 — камни на поверхности бугра; 3 — границы траншей и зачисток; 4 — мраморы; 5 — палыгорскит; 6 — кремнь (слева — в отвалах; справа — в коренном залегании); 7 — гидрокислы железа; 8 — отвалы древних выработок

ванное по длинной оси бугра, — результат выемки кремня. Размеры ее по поверхности примерно $30 \times 5,6$ м, наибольшая глубина от современной поверхности бугра до уровня заполнения около 4 м. В основании западной, нависающей стенки карьера, уходящей вниз лав, начало штольни, заваленной крупными обвалившимися плитами вперемежку с отходами кремневого производства и супесчаными натеками (рис. 58)⁹⁷. Штольня сбивает большой карьер с вторым карьером, также прямоугольной формы, однако значительно меньшего размера, расположенным на западном склоне бугра. Оба карьера сильно заматы и засыпаны обвалами.

Проведенное С. В. Лопатиным (Главгеология Уз. ССР) геологическое обследование района каменоломни показало следующую картину. Площадь месторождения кремня, с которым связаны каменоломня и мастерская, сложена толстоплитчатыми среднезернистыми мраморами среднего девона. В мраморах развита зона дробления, прослеживающаяся на 60 м.

⁹⁷ Обследовавший каменоломню геолог С. В. Лопатин дает следующие ее замеры: длина — около 12 м, ширина от 2 до 3,5 м, высота (предположительно) — до 2 м.

Мощность ее колеблется от 2 до 5 м, а в выработанной части (судя по ширине большого карьера) она превышала 10 м.

Зона разлома минерализована халцедоном (кремнем) и палыгорски- том. Палыгорскит можно наблюдать в западной стенке большого карьера и в кровле штольни. Он выполняет зону дробления мощностью до 3 м. Сложение его тонколистоватое, залегает он горизонтальными слоями и слегка перемят (гофрирован); цвет от светло-палевого до желтого. Иногда он загрязнен мелкими включениями обломков мрамора. В восточном забое малого карьера, в зоне дробления, сохранилась невыработанной тонкая прерывистая прожилка халцедона, мощностью от 2 до 10 см. Халцедон желтовато-коричневого, иногда светло-серого цвета.

За месяц работ на мастерской удалось пробить траншею север — юг, вскрывшую слой отходов кремневого производства на южном и северном склонах холма, отрезком этой же траншеи установить стратиграфию и глубину культурного слоя в большом карьере, а также сделать две небольшие зачистки — на южном склоне холма и у восточного края большой каменоломни.

Остановимся прежде всего на стратиграфии отложений в большом карьере (рис. 59). Отрезком осевой траншеи был вскрыт участок площадью около 3 м² и глубиной примерно 3,7 м, причем материк, из-за ограниченной площади и скопления больших камней в нижнем слое, достигнут не был. Слой был разобран шестью горизонтами различной толщины, в зависимости от характера слоя и находок. На юге этот отрезок траншеи примыкает к почти отвесной южной скальной стене большого карьера, на севере прорезает культурный слой по осевой линии восток — запад.

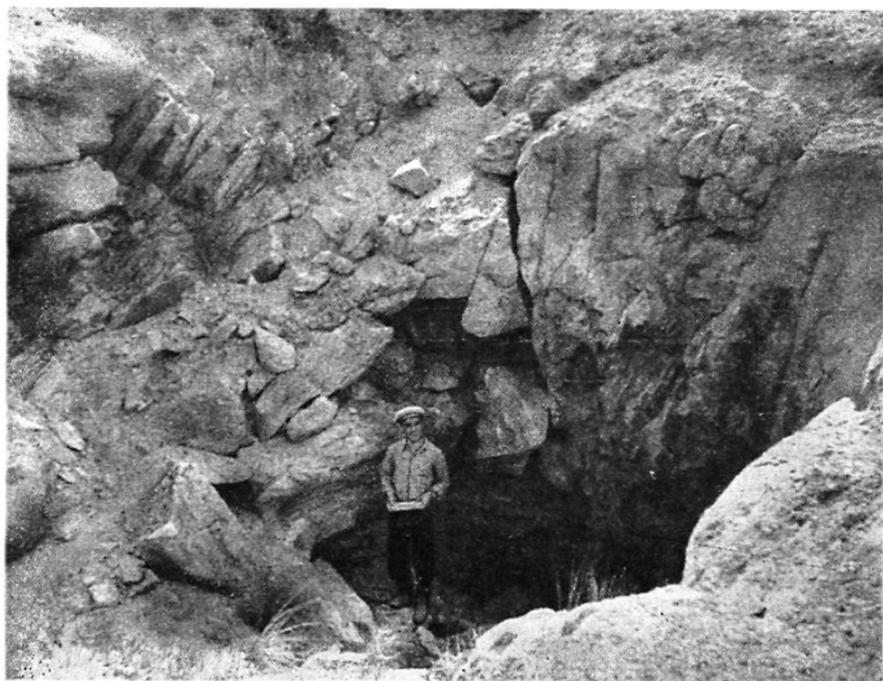

Рис. 58. Бурлы 3. Западная стенка большого карьера. Внизу — начало полузасыпанной штольни, сбивающей большой и малый карьеры

С поверхности был снят слой (толщиной в несколько сантиметров) чрезвычайно мягкой пылевой супеси с мелкой известковистой крошкой. Ниже начался слой серой пылевой супеси, сильно насыщенной обломками и отщепами кремния. На глубине 270 см от поверхности (по скальной стенке каменоломни) слой супеси кончился и зачистилась неровная поверхность рыжеватого песка, который разобран до глубины 370 см.

При разборке слоя отмечено несколько уровней, связанных, несомненно, с обработкой кремния. Самый поздний из них представляет собой неглубокую яму с пологими, выклинивающимися на горизонталь стенками, большим количеством уплощенных камней и плиток, большим, чем обычно, содержанием в слое кремневых отщепов, а также горизонтальным или параллельным профилю дна ямы залеганием большого количества обрывков «горной кожи» — пальгорскита.

Второй, более ранний, горизонт отмечен производственной площадкой того же характера на глубине 130—140 см от поверхности (по скальной стенке). Здесь, кроме уплощенных камней, плиток и большого количества «горной кожи», лежало несколько довольно больших оббитых камней.

Край третьей производственной площадки зачищен на глубине примерно 220—230 см.

В слое рыжеватого песка расчищена примыкающая к вертикальной скальной стене большая кротовина с очень рыхлым супесчаным серым заполнением и с включениями в последнем мелких камней и отщепов кремния. На дне траншеи зачищено несколько очень больших камней, в результате чего работу пришлось прекратить.

Необходимо отметить, что слой рыжего песка ограничен не только с юга скальной стенкой, но и с севера — огромными плитами. Не исключено, что это северная стена каменоломни, пологая в отличие от южной.

В траншее, по склонам бугра, а также в двух раскопах характер культурных отложений в целом аналогичен.

Основным материалом для датировки культурных отложений большого карьера и склонов бугра является керамика. Керамики найдено немного, к тому же более половины ее собрано на поверхности.

Самый нижний, 6-й, горизонт дал шесть очень мелких обломков керамики. Все они от лепных тонкостенных сосудов. Два или три из них имеют на внешней поверхности следы слабого лощения, аналогичного по характеру лощению на керамике близлежащей кельтеминарской стоянки Кават 7. Обжиг серый или коричневатый, довольно равномерный.

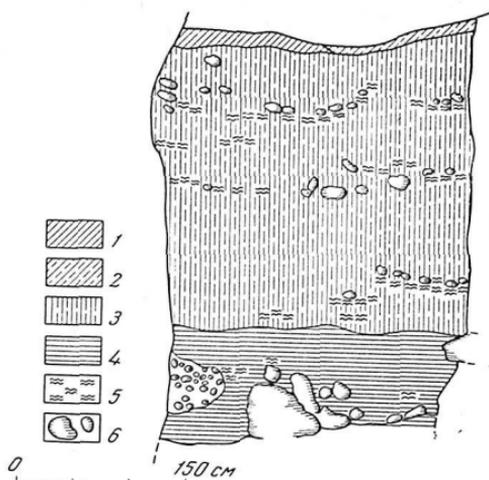

Рис. 59. Бурлы 3. Профиль западной стенки траншеи С—Ю на участке у южной границы большой выработки

- 1 — рыхлая серая супесь, насыщенная известковистыми стяжениями; 2 — серая пылевая супесь (1—2 — поверхностные накопления); 3 — серая пылевая супесь, сильно насыщенная отходами первичной обработки кремния; 4 — плотный рыжеватый песок с примесью пылеватых частиц, с известковистыми стяжениями, мраморной крошкой и мелкими отходами первичной обработки кремния; 5 — обрывки пальгорскита (горной кожи); 6 — камни

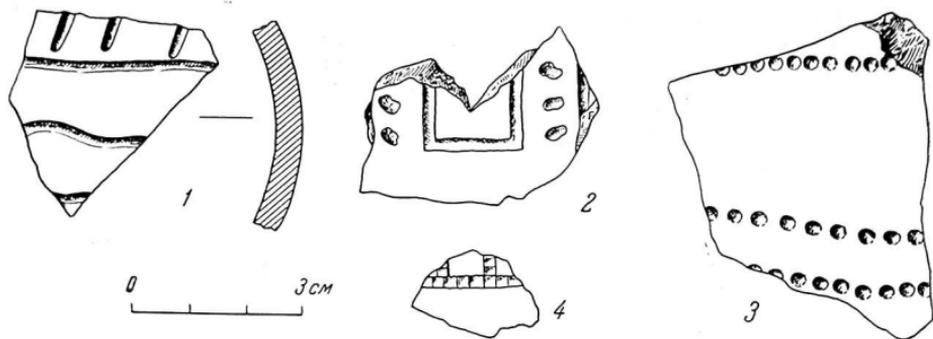

Рис. 60. Бурлы 3. Неолитическая орнаментированная керамика

1 — подъемный материал с южного склона бугра; 2 — участок траншеи у южной стены большого карьера, пятый горизонт; 3 — шурф в восточной части большого карьера, глубина от поверхности 32 см; 4 — участок траншеи у южной стены большого карьера, шестой горизонт

Примеси очень мелкие и почти незаметны. Один из обломков украшен мелкозубчатым орнаментом — сохранился участок с горизонтальной полосой и отходящими от нее перпендикулярно такими же мелкозубчатыми полосками (рис. 60, 4). По внешнему облику, тесту и сохранившемуся на вышеописанном обломке орнаменту, керамику нижнего горизонта можно отнести к неолиту.

Керамика 5-го горизонта аналогична вышеописанной и также может быть датирована эпохой неолита или энеолита. Эта датировка может быть подтверждена, в частности, находкой двух обломков орнаментированного сосуда, которые удалось склеить. Сохранилась лишь часть орнаментального пояса, но по аналогии с материалами стоянки Кават 7 мотив может быть реконструирован, как простой меандр. В данном случае он усложнен вертикальными рядами овальных вдавлений (рис. 60, 2).

Керамика 4-го горизонта, по-видимому, уже разновременна. Здесь, помимо нескольких мелких обломков неолитического облика, имеется фрагмент днаща лепного плоскодонного сосуда. Обжиг его коричневатый, в изломе темный. В тесте хорошо заметная примесь шамота. Этот фрагмент можно датировать эпохой бронзы. На это указывают как характер теста и обжига, так и уступчик при переходе к плоскому днащу, характерный для многих сосудов бронзового века Хорезма.

3-й горизонт, наряду с первобытной керамикой, впервые дал средневековую. В этом горизонте, кроме нескольких небольших обломков тонкостенных лепных сосудов (возможно, неолитического происхождения), имеется обломок венчика лепного сосуда, форма и орнамент которого (косые насечки на шейке) позволяют предположительно датировать его эпохой бронзы. Средневековый черепок один. Это, по-видимому, обломок кувшина, сделанного на гончарном круге. Черепок розовато-желтый, наружная поверхность покрыта светлым ангобом. По хорезмским аналогиям, этот обломок можно датировать X—XI вв.⁹⁸

2-й горизонт содержит почти исключительно средневековую керамику (около 10 фрагментов). Эта керамика красноватого обжига со светлым ангобом также относится к X—XI вв.

Два аналогичных черепка найдены и в 1-м горизонте. В обоих горизонтах имеется также по обломку тонкостенных (0,4 см) лепных сосудов с примесью шамота в тесте. Датировать их затруднительно. Не исключено, что они относятся к эпохе неолита.

⁹⁸ Средневековая керамика с Бурлы 3 определена канд. историч. наук Н. Н. Вагтурской.

В разведочном шурфе на восточном крае большого карьера наблюдается примерно та же картина, хотя и менее ясно выраженная, так как дно каменоломни, имеющее здесь значительный уклон к центру, почти вдвое выше, чем основание 6-го горизонта участка траншеи в центральной части карьера. Разборка отложений здесь также производилась по горизонтам. Все верхние горизонты дали средневековую керамику (свыше двадцати фрагментов) X—XI вв. Здесь же найден обломок ремесленного толстостенного сосуда с грубыми беловатыми известковистыми включениями в тесте, характерными для керамики афригидского периода. Следует отметить небольшой обломок венчика чашки красноватого обжига, покрытой темно-красным ангобом. По характеру теста и обработки поверхности он может быть датирован античным временем. В нижних слоях вперемежку со средневековой керамикой найдено несколько обломков тонкостенной лепной керамики первобытной эпохи.

К неолиту, бесспорно, может быть отнесен лишь один фрагмент, найденный на глубине 35 см от поверхности. Он характеризуется светло-серым довольно ровным обжигом, примесями шамота в тесте и мелкоямычным орнаментом в виде горизонтальных парных полос (рис. 60, 3).

Большую ценность для установления периодов функционирования мастерской представляет находка в шурфе у восточного края большого карьера, на глубине около 1 м от поверхности, бронзового накопечника стрелы, который может быть датирован ориентировочно казахстанскими аналогиями VI—IV вв. до н. э.⁹⁹ Длина его 2,1 см, длина черешка 0,5 см, возможно, черешок немного обломан. Наконечник трехлопастный, со скошенными к черешку лопастями.

Как мы уже отмечали, хронологическая последовательность находок в разведочном шурфе менее ясно выражена, чем в траншее, культурные отложения здесь в большем беспорядке. То же самое наблюдается и на участке траншеи на южном склоне бугра (на северном склоне траншея не дала керамических находок, и возможность датировки появится здесь лишь после детального изучения кремневого материала). Здесь гончарная керамика X—XII вв. и лепная керамика первобытной эпохи залегают в беспорядке.

Некоторое количество керамики (около 70 экз.) было собрано на поверхности бугра, в основном на его северном и южном склонах. Количество среди керамики преобладают обломки средневековых кувшинов красноватого обжига со светлым ангобом, один из которых украшен прочерченным орнаментом. Датировается эта керамика X—XI вв. Встречено также несколько обломков сероглиняной керамики, которую можно отнести примерно к этому же времени, возможно, к XII в. Полное отсутствие поливной керамики, а также некоторые признаки сероглиняной керамики, не позволяющие относить ее к более позднему времени, ограничивают наиболее позднюю дату мастерской XII в.

Здесь же, правда в несколько меньшем количестве, найдена и более ранняя керамика. Это, во-первых, обломки толстостенных сосудов (хумы или хумчи) красноватого обжига с крупными светлыми известковистыми включениями в тесте. Подобного рода черепок характерен в Хорезме для афригидского времени, однако он доживает и до X в. Во-вторых, несколько обломков тонкостенных лепных сосудов, один из которых (найден на южном склоне холма, рядом с траншеей) неолитического времени. Он имеет красноватую поверхность и коричневато-серый излом. В тесте сильная примесь песка, изредка попадаются мелкие беловатые включения. Орнамент прочерченный, волнистый и прямолинейный (рис. 60, 1). Техника нанесения и композиция орнамента — типично кельтеминнарские.

⁹⁹ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 115—121.

Таким образом, и подъемный материал укладывается в целом в хронологические рамки от неолита до XII в. н. э., более соответствуя по характеру материалу верхних горизонтов траншеи в большом карьере.

Данные разведочных раскопок позволяют определить основные этапы функционирования каменоломни и мастерской Бурлы 3.

Наиболее ранняя керамика, найденная и в культурном слое и на поверхности бугра, относится к неолитическому времени и по ряду признаков может быть сопоставлена с керамикой кельтеминарских стоянок (в частности, Кават 7). Необходимо обратить внимание, что в самых нижних слоях (отрезок траншеи в большом карьере) встречена только неолитическая керамика. Таким образом, можно предполагать, что большой карьер и соответственно штольня в основном были выработаны еще в неолитическое время. Мелкие обломки керамики несколько более поздней, относящейся, по-видимому, к эпохе бронзы, указывают на то, что разработка месторождения кремня продолжалась на холме и в это время.

В античный и средневековый периоды истории Хорезма мастерская использовалась, вероятно, для получения кремня для высекания огня. Находки разновременной керамики в верхних горизонтах большого карьера и в слое отходов на склонах бугра свидетельствуют как будто о том, что в это время пользовались отходами выработок первобытной эпохи.

Исключительно обильный материал шурфов на Бурлы 3 полностью еще не обработан¹⁰⁰. Поэтому при характеристике кремневого материала мы ограничимся лишь некоторыми, в основном сделанными в процессе раскопок наблюдениями.

В материале из шурфов и с поверхности бугра преобладает кремнь коричнево-красных тонов, реже встречается белый, серый и голубовато-серый кремнь. Насыщенность слоя кремневыми обломками исключительно велика, в среднем вместе с другими породами, он составляет примерно 40—50% объема. Поверхность бугра почти сплошь покрыта обломками кремня.

Судить о различиях в характере кремневого материала из разных горизонтов до полной обработки материала невозможно. Основную массу находок из всех слоев составляют отходы первоначальной обтески кремневых желваков и плиток — обломки, сколы и отщепы различных форм и размеров. Наряду с ними встречены обломки кремня, достигающие в диаметре 20—30 см.

На многих отщепах, на поверхности корки можно видеть щетки мелких кристалликов горного хрусталя, точно такие же, как и на кремнях со стоянки Кават 7.

Ножевидные пластины встречаются очень редко, большинство их — толстые, неправильной огранки.

Из орудий производства определены пока отбойники — массивные граненые кремни овальной формы с сильно смятыми ребрами, отжимники, овальные и подпрямоугольные черные сланцевые плитки, служившие, возможно, наковаленками, большие оббитые камни овальной формы, употреблявшиеся, очевидно, в качестве кувалд. Имеются заготовки для нуклеусов и, редко, сработанные односторонние нуклеусы со следами снятия ножевидных пластин.

Бытовых орудий пока найдено очень немного. Это скребки (на отщепах и концевые), скобели, отщепы с краевой ретушью неясного назначения. В культурном слое найдены также комочки красной и желтой охры¹⁰¹ и обломки створок Anodonta.

¹⁰⁰ Коллекция лишь с одного участка траншеи, примыкающего к южному краю большого карьера (около 3 кв. м), насчитывает несколько десятков тысяч предметов, преимущественно кремневых обломков и отщепов.

¹⁰¹ Разрабатывавшееся в древности месторождение красной охры обнаружено нами в 4—5 км от каменоломни, в устье одного из проходящих рядом с ней саев.

Район	№ п/п	№ анализа	Памятник	Окраска образца	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	
					Si	Fe	Mn	Cu	Ni	Zr	Al	Mg	Ca	Na	Sr	Ti	Be	V	Nb	Ga	Yb	Ba	Be	
Стоянки Анчадавичинской белыи	1	83	Джанбас 5а	желтовато-белый	■	■	●	●	●	●	●	●	●	■										↑
	2	580	Кават 7	белый	■	■	●	●	●	●	●	●	●	●										<
	3	1104	Дингильдже 6	белый	■	■	●	<	●	●	●	●	●	●		<								<
	4	837	Дингильдже 6	лиловато-коричневый	■	■	●	<	●	●	●	●	●	●										●
	5	2624	Кават 7	желтовато-коричневый	■	■	●	●	●	●	●	●	●	●										<
	6	586	Кават 7	коричневый	■	■	●	<	●	●	●	●	●	●										●
	7	49	Джанбас 4	коричневато-желтый	■	■	●	●	●	●	●	●	●	●			<							●
	8	836	Дингильдже 6	темно-коричневый	■	■	●	●	●	●	●	●	●	●										●
Мастерская Бурлы 3	9	Б-3/8	Бурлы 3	красновато-коричневый	■	■	●	<	●	●	●	●	●										●	
	10	Б-3/10	Бурлы 3	черный	■	■	●	<	●	●	●	●	●										●	
	11	Б-3/4	Бурлы 3	белый	■	■	●	●	●	●	●	●	●			<							●	
	12	Б-3/5	Бурлы 3	белый	■	■	●	●	●	●	●	●	●										<	
	13	Б-3/3	Бурлы 3	коричневый	■	■	<	<	●	●	●	●	●				<						<	
Мастер-ская на западной окраине Устьверта	14	У-3	Кендерли	коричневато-серый	■	■	●	●	●	●	●	●	●										●	
	15	У-2	Кендерли	коричневато-серый	■	■	●	<	●	●	●	●	●										●	
	16	У-1	Кендерли	серый	■	■	<	<	●	●	●	●	●										<	
Стоянки Юго-восточной части Устьверта	17	Б-1	Булак 1	серый	■	■	●	●	●	●	●	●	●				<	<						
	18	К-Б-3	Кос-Булак 3	коричневато-серый	■	■	●	●	●	●	●	●	●										<	
	19	К-Б-4	Кос-Булак 4	серый	■	■	●	●	●	●	●	●	●										<	
	20	К-Б-7	Кос-Булак 7	коричневато-серый	■	■	●	●	●	●	●	●	●										●	
Стоянки Фунтенинских Мельниковой	21	Л24/1	Ляблякан 24	белый	■	■	●	●	●	●	●	●	●			<								
	22	Л26/1	Ляблякан 26	белый	■	■	●	●	●	●	●	●	●										●	
	23	Л26/2	Ляблякан 26	коричневый	■	■	●	<	●	●	●	●	●										<	
	24	Л24/2	Ляблякан 24	коричневый	■	■	●	●	●	●	●	●	●										●	

■ >10% ■ 3-1% ■ ~1% ■ 1-0,3% ■ 0,3-0,05% ■ 0,05-0,01% ■ 0,01-0,001% < < 0,001%

Рис. 61. Сводная таблица спектральных полуколичественных анализов образцов кремня с неолитических памятников Хорезма и сопредельных территорий

Описанные выше производственные площадки относятся, очевидно, уже к более позднему времени (средневековье?). При разборке захваченных траншеей участков этих площадок особый интерес вызывали многочисленные куски палыгорскита. Характер их расположения в слое позволяет предполагать, что они каким-то образом связаны с процессом раскаливания кремня. На отдельных участках они располагались горизонтальными слоями на одном уровне с камнями-наковальнями. В ряде случаев отмечено, что камни лежат на листах палыгорскита или, реже, покрыты ими. Возможно, они играли роль амортизаторов. Расширение площади раскопа и расчистка производственных площадок, несомненно, позволят выяснить роль палыгорскита в производственном процессе. Отметим, что обрывки и скопления палыгорскита встречены во всех горизонтах, в том числе и в нижних, неолитических.

Бурлы 3—один из интереснейших памятников неолитической эпохи в Средней Азии. Памятников подобного рода, даже на более широкой территории, известно сравнительно немного, к тому же большинство их не столь значительны по размерам. Еще меньше известно неолитических каменоломен с подземными выработками типа штолен, хороший образец которых дает Бурлы 3.

По подсчетам С. В. Лопатина, объем выработанной на месторождении горной массы достигает 3000 м³, причем не менее 10% его составлял кремень. Естественно предположить, что кремнем из месторождения снаб-

жался в неолитическое время довольно значительный район. Сравнение цветовой гаммы кремневого сырья неолитических стоянок Акчадарьинской дельты с материалом из Бурлы 3 полностью это подтверждает.

По материалам этих стоянок можно выделить три группы использовавшегося неолитическим населением сырья.

Первая (не менее 70—80%) — кремень коричневатокрасных и желтых тонов, происхождение которого из месторождения Бурлы 3 не вызывает сомнений.

Вторая — различного качества белый кремень, часть которого (среднего качества), может быть, происходит из Бурлы 3, часть — высококачественный молочно-белый камень — очевидно, привозная.

Третья группа — серый или коричневатосерый мелкозернистый кварцит, более характерный (до 30—40%) для стоянок Акчадарьинского коридора и Северной дельты. Количество его на стоянках, расположенных вне пределов Хорезма, возрастает к северу и северо-востоку. На памятниках Северо-Восточного Приаралья, где известны многочисленные выходы пластов кварцита на поверхность, кварцитовый материал преобладает.

Бурлинское происхождение кремня акчадарьинских стоянок подтверждается и косвенно: на стоянках Внутренних Кызылкумов преобладает хороший молочно-белый кремень, на Устюрте — коричневатосерый из месторождений западного и южного чинков, на Узбое — многоцветный.

Интересные результаты дал спектральный анализ образцов кремня из месторождения Бурлы 3, со стоянок Акчадарьинской дельты и для сравнения с Устюрта (западного и юго-восточного) и Южных Кызылкумов (стоянки Лявляканских озер; рис. 61). Группа образцов из Акчадарьинской дельты и из Бурлы 3 отчетливо выделяется повышенным содержанием Fe, пониженным содержанием Al, Mg, Ca, почти полным отсутствием Na, Sr, Ti и отсутствием Be, Nb, Ga, V, Vb, Ba. В то же время, все они, в отличие от образцов из Южных Кызылкумов и юго-восточной части Устюрта, дают Be. Показательно, что белый кремень акчадарьинских стоянок по содержанию Al, Mg и Ca существенно отличается от всего акчадарьинского кремня, в том числе и от белого кремня из Бурлы 3 (первые три образца: № анализы 83, 580, 1104; особенно показателен первый из них).

Мы уже отмечали, что высококачественный белый кремень акчадарьинских стоянок, по-видимому, привозной, так как в отходах мастерской Бурлы 3 он почти не встречается.

Вышеупомянутые образцы, особенно первый, близки по химическому составу некоторым образцам из Внутренних Кызылкумов. См. образец со стоянки Лавлякан 24, № анализа Л24(1).

Глава третья

ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

Зная характер основных материалов по неолиту Хорезма, можно понять, насколько сложной является проблема их хронологии.

Датировка первой, долгое время остававшейся единственной, раскопанной кельтеминарской стоянки с массовыми находками — Джанбас 4 — до сих пор является предметом дискуссии. По данным разведочных раскопок (1939 г.) стоянка была датирована С. П. Толстовым «временем не позднее II, а скорее III тысячелетием до н. э.»¹ Впрочем, уже стационарные работы 1940 г. позволили уточнить дату: постройка большого наземного дома была отнесена к IV — началу III тысячелетия до н. э.² В более поздних публикациях и обобщающих работах С. П. Толстова эта дата в целом была подтверждена³. Она основывалась, главным образом, на степени соответствия материала Джанбас 4 материалам памятников нижне-сбской, афанасьевской, ямной и некоторых других культур эпохи неолита и энеолита.

В 1951 г. А. А. Формозов, ссылаясь на некоторые признаки и вещи, якобы энеолитического возраста, оспорил датировку стоянки IV тысячелетием до н. э.⁴ Позднее к мнению А. А. Формозова присоединилась В. М. Раушенбах⁵. Основанием для пересмотра даты послужили камни с желобками для привязывания, похожие на афанасьевские колотушки, двусторонне обработанный наконечник стрелы, сосуды с окрашенными стенками, а также наличие якобы в материалах стоянки плоскодонных сосудов и веревочного орнамента.

Мы уже отмечали однажды, что представление о плоскодонных сосудах и веревочном орнаменте в Джанбас 4 основано, очевидно, на недоразумении; в материалах стоянки их нет⁶. Песчаниковые изделия с желобками — это рыболовные грузила хорошо известного для кельтеминарских стоянок типа, и хронологическое сопоставление их с афанасьевскими колотушками вряд ли правомерно. Сосуды с окрашенными стенками не признак поздней даты; под влиянием культур Южной Туркмении они

¹ С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 158.

² С. П. Толстов. Хорезмская археологическая экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 90.

³ С. П. Толстов. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. ВДИ, 1946, № 1, стр. 61; Он же. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 61; Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 65—72.

⁴ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 6, 7.

⁵ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956, стр. 147—149.

⁶ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1957, № 1, стр. 29.

могли появиться не только в IV тысячелетии до н. э., но и в более раннее время.

Как мы уже отмечали (см. гл. II стр. 43), отнесение единственного двусторонне обработанного наконечника стрелы листовидной формы с легкой выемкой в основании к комплексу находок из нижнего слоя стоянки Джанбас 4 вызывается по ряду причин некоторые сомнения. Однако даже если они и необоснованы, находка эта не может служить серьезным поводом для поздней даты стоянки. Можно согласиться с А. А. Формозовым, указавшим, что такие наконечники более характерны на севере для энеолитических памятников⁷. Однако там они в большинстве случаев встречены в сочетании с другими, более развитыми формами наконечников, неизвестными еще для времени нижнего слоя Джанбас 4. Кроме того, джанбасский наконечник имеет достаточно ранние аналогии в материалах более близких территориально памятников Геокюрского оазиса (Юго-Восточная Туркмения). В материалах ялангачского комплекса (IV тысячелетие до н. э.) имеются двусторонне обработанные наконечники стрел листовидной формы с легкой, едва намеченной выемкой в основании⁸. Близкие джанбасскому наконечники с выемкой в основании найдены также на памятниках геокюрского периода⁹.

В. М. Раушенбах, сравнивая находки со стоянки Джанбас 4 с неолитическими материалами из Среднего Зауралья, пришла к выводу, что «по керамике стоянка Джанбас-кала 4 должна датироваться более поздним временем, чем памятники раннего этапа горбуновской культуры, в то время как по костяным наконечникам стрел она должна датироваться более ранним временем»¹⁰. Основанием для этого (кроме перечисленных выше — окрашивание стенок сосудов, веревочный орнамент и др.) послужили наблюдения над кельтеминарской орнаментикой: по мнению В. М. Раушенбах, на джанбасских сосудах орнаментом покрыта только верхняя часть¹¹. Однако эти наблюдения неточны. Как мы видели, у большинства крупных сосудов из нижнего слоя стоянки орнаментом покрыто не менее $\frac{3}{4}$ поверхности стенок. Отмеченная В. М. Раушенбах особенность характерна лишь для полусферических чаш — форм, почти не имеющих аналогий на севере. В связи с этим, особое значение при хронологическом сопоставлении кельтеминарских и зауральских материалов приобретает отмеченное В. М. Раушенбах сходство костяных наконечников из Джанбас 4 с поздними типами древних шигирских¹².

В 1956 г. датировка стоянки Джанбас 4 была рассмотрена А. П. Окладниковым в связи с публикацией материалов пещеры Джебел. Сравнивая эти памятники, он пришел к выводу, что «в стратиграфической шкале Джебела находки со стоянки Джанбас-кала № 4... всего вероятнее поместить на уровне не четвертого, а более позднего, третьего сверху слоя, или, самое большее, на грани третьего и четвертого слоев»¹³.

Четвертый слой датирован им IV тысячелетием до н. э., третий — первый слой — III — началом II тысячелетия до н. э. Находки же с Джанбас 4 «не старше начала третьего тысячелетия до н. э. и, самое большее,

⁷ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры, стр. 6.

⁸ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 146, рис. 24.

⁹ В. И. Сарияниди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, БЭ-8, ч. IV, 1965, стр. 39, 40, табл. III. Памятники геокюрского периода датируются второй половиной IV — началом III тысячелетия до н. э. с перспективой удвения даты до IV тысячелетия до н. э. (см. там же, стр. 6).

¹⁰ В. М. Раушенбах. Указ. соч., стр. 148.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 209.

последней четверти или рубежа четвертого тысячелетия»¹⁴. О соответствии в материалах Джебела и Джанбас 4 мы подробнее скажем ниже. Здесь отметим лишь, что при сопоставлении материала А. П. Окладников ошибочно посчитал двусторонне обработанные наконечники (ромбовидной, треугольной и других форм) с поздней стоянки Джанбас 14, как происходящие из Джанбас 4¹⁵.

В других работах, вышедших в том же году и несколько позже, А. П. Окладников как будто бы несколько уточняет свою позицию, считая, что к III или концу IV тысячелетия до н. э. относятся не только стоянка Джанбас 4, но и находки в Джебеле, «залегающие выше пятого позднемезолитического слоя этой пещеры в ее четвертом слое сверху»¹⁶.

В 1957 г. в работе, посвященной кельтеминарским памятникам Хорезма и сопредельных территорий, мы попытались хронологически классифицировать известный к этому времени материал. Сравнительный анализ материалов нескольких десятков стоянок с развешанным культурным слоем (главным образом с территории Акчадарьинской дельты Аму-Дарьи, с Узбоя и из Северо-Восточного Приаралья) позволил довольно отчетливо выделить две большие хронологические группы памятников.

Ранняя группа (ранний этап кельтеминарской культуры) была датирована концом IV — первой половиной III тысячелетия до н. э. В нее включены стоянки Джанбас 4 и некоторые более мелкие комплексы, представленные подъемным материалом и показывающие различную степень близости к джанбасским находкам, особенно, поскольку это касается керамики и ее орнаментации. Ко второй половине III — началу II тысячелетия до н. э. была отнесена поздняя группа стоянок. Основой для абсолютных дат послужили главным образом соответствия с материалами Джебельской пещеры и некоторыми памятниками более северных областей¹⁷. В рамках этой периодизации определялось место и некоторых из стоянок Акчадарьинской дельты, открытых и опубликованных позднее¹⁸.

Наконец, большой интерес представляют хронологические сопоставления материала Джанбас 4 с материалами южнотуркменистанских памятников, намеченные в последнее время В. М. Массоном. Основываясь на разработанных С. П. Толстовым и автором¹⁹ соответствиях орнаментальных мотивов кельтеминарской и южнотуркменистанской керамики, он пришел к выводу, что эти параллели являются не только свидетельством южных влияний на кельтеминарскую орнаментику, но могут служить основанием для синхронизации памятников. «Подобные сопоставле-

¹⁴ Там же, стр. 209.

¹⁵ А. П. Окладников ссылается при этом на таблицу в книге С. П. Толстова «По следам древнехорезмийской цивилизации» (стр. 70, рис. 18а, 8), где вместе с находками из Джанбас 4 изображены эти наконечники. Однако в подрисовочной подписи указано их точное происхождение.

¹⁶ А. П. Окладников. Древнейшее прошлое Туркменистана. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР», т. I. Ашхабад, 1956, стр. 129; Он же. Неолитические охотники и собиратели на территории Туркменистана. «История Туркменской ССР», т. I, кн. I. Ашхабад, 1957, стр. 34. К сожалению, и в этой и в другой работе автор снова пишет о наличии якобы в материале Джанбас 4 ромбовидных наконечников стрел.

¹⁷ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, стр. 25—33; Он же. Кельтеминарская культура. М., 1957. Автореф. канд. дисс.

¹⁸ А. В. Виноградов. Раннекельтеминарская стоянка Кунык 1. КСИЭ, вып. XXX, 1958, стр. 16—22; Он же. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР 1957 г. МХЭ, вып. 4, 1960, стр. 63—81; Он же. Новые материалы для изучения кельтеминарской культуры, МХЭ, вып. 6, 1963, стр. 90—102.

¹⁹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 72; А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, стр. 38—42.

ния, — пишет В. М. Массон, — позволяют отодвигать нижнюю границу кельтеминарской культуры до последней трети или, возможно, даже второй половины IV тысячелетия до н. э. (в противовес появившейся в последнее время в литературе тенденции датировать эту культуру более поздним временем)»²⁰.

Наиболее неблагоприятно до недавнего времени обстояло дело с хронологией стоянок позднего этапа кельтеминарской культуры, важных для решения вопросов этногенеза древнего населения Хорезма и сопредельных территорий. Хронологическая характеристика этого этапа базировалась на материалах нескольких небольших развеечных стоянок, к тому же отделенных друг от друга огромными малоизученными археологически территориями. Естественно, что периодизация их была связана со значительными трудностями, главнейшей из которых было опасение посчитать территориальные различия в материальной культуре за хронологические.

В этих условиях крупный комплекс материалов со стоянки Джанбас 4 служил одним из немногих эталонов для сравнения десятков развеечных стоянок не только Хорезма, но и Узбоя²¹, Северо-Восточного Приаралья²², центральных и южных Кызылкумов²³.

Надо полагать, что именно благодаря тому, что стоянка Джанбас 4 была до недавнего времени единственной стоянкой на огромной территории степей и пустынь Средней Азии и Казахстана, давшей культурный слой неолитического времени, она привлекла к себе внимание исследователей и явилась объектом довольно многочисленных попыток передатировки. При этом выявились существенные разногласия, причина которых состоит в том, что место стоянки в хронологическом ряду первобытных памятников Средней Азии определялось главным образом по степени соответствия материалам памятников более северных областей — Прикамья, Южной Сибири, — абсолютная хронология которых сама недостаточно точна. Впрочем, поиски северных аналогий были вызваны тем, что в материалах стоянки Джанбас 4 нет привозных вещей, которые можно было бы сопоставить с материалами южных памятников. К тому же, последние были в то время еще очень слабо изучены. И даже сейчас, когда материал по неолиту Средней Азии увеличился во много раз, датировка стоянки и вместе с тем определение нижней хронологической границы кельтеминарской культуры, вызывает большие затруднения.

²⁰ В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 47, 48; Он же. Южнотуркменистанский центр равнинземледельческих культур (в свете работ ЮТАКЭ, 1955—1958 гг.). «Труды ЮТАКЭ», т. X, Ашхабад, 1960, стр. 33. В последней работе южнотуркменистанские — кельтеминарские аналогии локализируются хронологически периодом Намазга II — Анау II. Это хронологическое сопоставление было подтверждено и в последней работе В. М. Массона, «Средняя Азия и Древний Восток», стр. 177, 178.

²¹ М. А. Итига. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя. «Труды ХЭ», т. II, 1958, стр. 259—310.

²² А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, в. XXV, 1949, стр. 49—58; Он же. К вопросу о происхождении андроновской культуры, стр. 6—10; А. В. Виноградов. Археологическая разведка в районе Аральска — Саксаульской в 1955 г. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР», т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 75—85.

²³ А. И. Тереножкин. Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана. ВДИ, 1947, № 2, стр. 80; М. Д. Джуракулов. Следы кельтеминарской культуры в степях Северной Бухары, «Труды Самаркандского университета», в. 135, 1964, стр. 113—128; Н. Н. Вахтурская. О поездке в Южные Кызылкумы в 1955 г. МХЭ, вып. I, 1959, стр. 39—51; У. Исламов. Кельтеминарская культура на Махан-Дарье, «Научные работы и сообщения», Отделение общественных наук АН Уз. ССР, кн. 4. Ташкент, 1961, стр. 258—271.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

О степени археологической изученности Акчадарьинской дельты и характере неолитического материала, найденного на ее территории, можно судить по вышеизложенному. Новые материалы позволяют пересмотреть предложенную нами ранее периодизацию кельтеминарских памятников.

Ни у кого из исследователей, знакомых с неолитическими материалами Хорезма, не вызывает сомнений, что Джанбас 4 является одним из самых ранних памятников этого района. Одна из наиболее характерных особенностей орнамента на сосудах из нижнего слоя стоянки — широкое применение прореченного прямолинейного и особенно волнистого орнамента и некоторых специфических композиций. Из последних, как нам неоднократно приходилось отмечать, особенно важную роль играют крупные геометрические фигуры, заштрихованные волнистыми и прямыми линиями. Ни на одной из акчадарьинских кельтеминарских стоянок в таком количестве и в таком ярком выражении эти мотивы орнамента не встречаются.

На всех территориях, где волнистый орнамент характерен для неолита, он связан с керамикой наиболее ранних памятников. Эта закономерность прослежена в неолите Среднего и Южного Зауралья²⁴ и Нижнего Приобья²⁵ и, что наиболее важно, характерна для расписной керамики юга Средней Азии²⁶.

Археологический комплекс из нижнего слоя стоянки Джанбас 4, естественно, характеризуется не только отмеченными выше особенностями. Если говорить об орнаменте, то нельзя не отметить как признак ранней даты стоянки свободные асимметричные композиции («плавающие» фигуры и др.). Вместе с тем, существенную роль играют такие приемы нанесения орнамента, как насечки и вдавления, ямочный, гребенчатый и некоторые другие виды орнамента, а из мотивов — простые повторяющиеся элементы: елка, зигзаг, полосы насечек, ленты отпечатков зубчатого штампа и др. Все они занимают большое место в орнаментике керамики более поздних стоянок. Что же касается форм керамики, то как одну из важных деталей отметим наличие в материалах стоянки сосудов со сливами — полусферических чаш. Сливы однотипные — короткие и широкие.

Для сравнения привлечем другой крупный комплекс — со стоянки Кават 7. Существенные различия между ними можно проследить по ряду признаков.

1. Соотношение различных форм сосудов. Большие вертикально-вытянутые сосуды, полусферические чаши и сосуды с шаровидным туловом — формы, составляющие подавляющее большинство керамики, — имеются в материалах обеих стоянок. Однако сосуды с шаровидным туловом в Джанбас 4 встречены единично, а в Кават 7 представлены уже довольно большой серией (30—40 сосудов). В обоих комплексах имеются сосуды со сливами, но в Кават 7 появляются новые, типологически более поздние их формы — сосуды с длинными желобчатыми сливами и различной формы и длины трубчатыми носиками.

2. Мотивы орнаментики. Решающее значение в орнаментике керами-

²⁴ В. М. Раушенбах. Керамика шигирской культуры. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 57 и сл.; Она же. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы, стр. 9, 10; К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. «Археология и этнография Башкирии», т. I, Уфа, 1962, стр. 21 и сл.; Г. Н. Матюшин. Мезолит и неолит Башкирии. М., 1964, стр. 18. Автореф. канд. дисс.

²⁵ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА № 35, 1958, стр. 28, 56.

²⁶ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 33.

ки обеих стоянок имеет прочерченный орнамент во всех его разновидностях (от 40 до 50%), а также нанесенный насечками и вдавлениями (от 30 до 50%). В применении технических приемов нанесения орнамента существенных различий не имеется. Различия заключаются в мотивах и характере расположения орнамента на стенках сосудов. В отличие от охарактеризованного выше джанбасского, орнамент на керамике со стоянки Кават 7 более геометричен и стандартизован. Фигуры, заполняющие орнаментальные пояса, уменьшаются в размерах и принимают более правильные очертания. Характерен орнамент в виде сравнительно узких полос, украшающих верхнюю часть сосуда и состоящих из повторяющихся элементов: полос, рядов насечек, ямок, елки, треугольников и т. д.

Мы должны обратить внимание на прочерченный орнамент в форме простого меандра в материалах стоянки Кават 7. То, что он встречается здесь в нескольких разновидностях и на сосудах разных форм, свидетельствует, очевидно, о возникновении его в более раннее время. В то же время в материале нижнего слоя Джанбас 4 он не встречен ни разу. Более того, до последнего времени этот мотив не был известен в керамике ни одной из остальных кельтеминарских стоянок, в связи с чем в ходе изучения материалов Кават 7 возник вопрос, не является ли этот орнамент отражением каких-то локальных особенностей культуры в пределах Акчадарьинской дельты. Однако позже этот вид орнамента был найден на керамике ряда стоянок Джанбасской группы (Джанбас 11, Джанбас 32), а также в материалах Бурлы 3.

Кремневый инвентарь стоянок существенных различий не дает, так как общий характер его и все основные формы изделий присущи и Джанбас 4, и Кават 7, и десяткам других кельтеминарских стоянок. Одно из главных отличий — отсутствие на Джанбас 4 скребков на отщепах и решительное преобладание их над концевыми скребками (129 из 142 экз.) в материале Кават 7.

Эта закономерность в хронологическом плане в целом характерна для родственных кельтеминару культур. Так, при хронологическом сопоставлении примерно пятидесяти памятников башкирского мезолита и неолита прослежено постепенное увеличение числа скребков на отщепах (относительно концевых) от ранних памятников к более поздним²⁷. Джебельская пещера показывает более сложную картину. В ранних слоях скребки на отщепах преобладают, в 4—5 слоях их несколько меньше, чем концевых; в 3—4 — снова преобладают скребки на отщепах. Таким образом, в синхронных, по нашему мнению, кельтеминару комплексах Джебела (слой 4—3) мы видим сходную тенденцию — слой 4 (ранний) дает 14 концевых скребков и 7 на отщепах; 3 (более поздний) — равное их число (по 12 экз.)²⁸.

Таким образом, многие признаки — одни более, другие менее отчетливо показывают более поздний возраст находок на стоянке Кават 7 относительно материалов нижнего слоя Джанбас 4. Налицо заметные изменения в культуре древнейшего населения дельты. Однако в ее пределах имеются неолитические памятники, совершенно не характерные ни для той, ни для другой из рассматриваемых стоянок.

Мы имеем в виду большую группу стоянок и отдельных находок, локализующихся преимущественно вдоль восточного берега Южной дельты и в Северной дельте. Это стоянки Джингельды 6, многие из мамурских и таджиказганских, а из памятников внутренних районов — стоянки Джанбас 11 и Джанбас 5. Они выделяются также характером орнаментики и в первую очередь чрезвычайно широким употреблением «шагающей гребенки» и гладкой «качалки».

²⁷ Г. Н. Матюшин. Мезолит и неолит Башкирии.

²⁸ А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 194, 195.

Зона распространения этого типа орнамента очень велика. Украшенная им керамика найдена на многих развеейных западноказахстанских стоянках, широко распространена в памятниках Южного и Среднего Приуралья и Зауралья, Западной Сибири и ряда смежных территорий. Очертить четкие хронологические рамки бытования этого орнамента сейчас вряд ли возможно; датировка некоторых памятников, где он появляется впервые и получает широкое распространение, — дискуссионна. Однако можно отметить общую закономерность: повсюду керамика с орнаментом этого типа является более поздней, чем керамика с прочерченным орнаментом. На всех территориях она имеет широкое распространение лишь в памятниках заключительного этапа неолита, в энеолите и различных периодах бронзовой эпохи²⁹.

Другие приемы орнаментации на стоянках этой группы также имеют сравнительно поздний облик. Зубчатый орнамент распространен широко, но в иных, кроме «пагающей гребенки», формах встречается реже. Насечки и мелкие вдавления, короткие прочерченные линии образуют на стенках сосудов систему мелких геометрических фигур, преимущественно треугольников. Широко распространен мотив узких, ниспадающих от венчика «висячих» узоров. Узкие орнаментальные ленты по верхней части сосуда являются самым распространенным композиционным приемом. Сплошное покрытие стенок орнаментом характерно лишь для части сосудов небольших размеров.

Обычно керамические коллекции со стоянок этой группы невелики и очень фрагментарны. Поэтому многие из них не дают возможности, в отличие от Джанбас 4 и особенно Кават 7, реконструировать полный набор форм сосудов. Однако то, что мы знаем о керамике этих стоянок в целом, позволяет утверждать, что она сохранила все основные формы, характерные для более раннего времени, за исключением, пожалуй, ладьевидных сосудов.

Как общий признак, отметим заметное измельчание известных форм. Особенно это коснулось сосудов вертикально-вытянутых пропорций, размеры которых в среднем значительно уступают сосудам этой группы из нижнего слоя Джанбас 4 и из Кават 7. Более мелкими становятся и шаровидные сосуды, которые к тому же представлены на этих стоянках экземплярами с отличающейся от более ранних профилировкой верхней части. В частности, получают широкое распространение шаровидные сосуды с низкой цилиндрической или слегка расширяющейся кверху шейкой и резким переломом в месте перехода от шейки к тулову. Нередко встречаются миниатюрные сосудики различных форм. Бесспорно неолитических сосудов с плоским или даже уплощенным дном (за исключением нескольких миниатюрных) на развеейных стоянках не найдено.

По публикуемому во II главе материалу можно видеть, что небольшие коллекции кремневых и кварцитовых (Северная дельта) изделий со стоянок поздней группы в общем дают все те же типы орудий, что и более ранние стоянки. Там, где комплексы изделий из камня более или менее значительны, встречаются наконечники стрел кельтепнарского типа, пластины

²⁹ К. В. Сальников, Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы, стр. 24 сл.; Г. Н. Матюшин, Мезолит и неолит Башкирии, стр. 16, 18—20; Н. П. Клипарисова, Чебаркульская неолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 59, М., 1955, стр. 57—59; Л. Я. Крижевская, Стоянка Чебаркуль II эпохи неолита и раннего металла. Вопросы археологии Урала, вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 29—31; В. М. Раушенбах, Керамика шигирской культуры, стр. 58 сл. В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, стр. 56; М. Н. Комарова, Неолит верхнего Приобья, КСИИМК, вып. 64, М., 1956, стр. 100; М. Ф. Косарев, Хронология и культурная принадлежность ранних нижнетомских памятников. «Памятники каменного и бронзового века Евразии», М., 1964, стр. 159 сл.; Он же, Десятовское поселение. КСИИМК, вып. 97, М., 1964, стр. 85 сл.

с приглушенным краем всех, известных по более ранним стоянкам типов, пластины с боковыми выемками, сверла и скребки и другие формы. Выявленные нами ранее, на более широком территориально материале, особенности кремневой индустрии позднего этапа³⁰ в пределах дельты несколько ступеневываются. В частности, на поздних стоянках Акчадарьинской дельты не обнаружены ни характерные, скажем, для Саксаульской II, крупные серии двусторонне обработанных наконечников стрел (22 экз.) и копий (26 экз.), ни крупные, обработанные двусторонней ретушью или только по краю охотничьи ножи.

Таким образом, на территории Акчадарьинской дельты выделяются три хронологические группы стоянок, отражающие, очевидно, три последовательных этапа в истории неолитического населения дельты.

К первой, ранней группе, кроме нижнего слоя стоянки Джанбас 4, следует отнести стоянки Кават 5 и Кунык 1, а также, возможно, вновь открытую и еще не раскопанную стоянку Джанбас 31. Первые три стоянки по материалу наиболее близки между собой, хотя, очевидно, и не одновременны. Ограниченность материала, особенно керамического, со стоянок Кават 5 и Кунык 1 не позволяет провести точное хронологическое сопоставление их с нижним слоем Джанбас 4. Возможно, в пределах раннего периода, они относятся к несколько более позднему времени, чем последняя.

В среднюю группу памятников Акчадарьинского неолита мы включаем Кават 7 и небольшие развеянные стоянки Южной дельты и Акчадарьинского коридора: Дингильдже 6, Кургашин Г и Д, Таджи-Казган 6а, Кырк-Кыз 1, Джанбас 4 (верхний слой), Джанбас 32 (зачистка у шурфа № 2). Близкий материал дают нижние слои траншей на Бурлы 3. Различия при обих основных признаках между этими стоянками более заметны, чем между стоянками ранней группы. В орнаментике всех этих памятников орнамент прочерченный и нанесенный насечками и вдавлениями играет главную роль. Зубчатый встречается сравнительно редко, а такие приемы, как «шагающая гребенка» (зубчатая «качалка») и гладкая «качалка», не встречаются вовсе. Различия между ними в степени сходства с орнаментикой ранних стоянок, сходства количественного (количества прочерченного орнамента) и качественного (композиции). Трудностей для относительной датировки памятников в пределах данного этапа еще больше. За исключением Кават 7, ни одна стоянка не дает хорошего комплекса керамических находок. Поэтому более ранняя в пределах группы дата Кават 7 может быть следствием лишь недоброкачества материала остальных стоянок.

Поздняя группа — самая крупная по числу местонахождений и территории их распространения, но не по объему материала. К ней относятся из стоянок Джанбасской группы Джанбас 5 и Джанбас 11, из Мамурской группы — Мамур 3 и 4, из Байрамказганской группы — Байрамказган 4, из стоянок Акчадарьинского коридора и Северной дельты — Таджи-Казган 6, 8, 2, 3, 10, 14, Куралы 1, Барак-там 10, а также стоянка Джингельды 6. На керамике ранних стоянок этой группы (Таджи-Казган 6, Джанбас 5) появляется орнамент, нанесенный «качалкой» — гладкой и зубчатой. Широко распространен орнамент, нанесенный при помощи зубчатого штампа.

На самых поздних стоянках этой группы (Таджи-Казган 2, 3, 10, 14, Куралы 1 и др.) оттиски «качалки», зубчатый орнамент, мелко геометризированные композиции, выполненные с применением насечек, вдавлений и коротких отрезков прочерченных прямолинейных линий, составляют основу орнамента.

Наконец, материал некоторых стоянок (Джанбас 11, Джингельды 6, Таджи-Казган 8) позволяет рассматривать их как промежуточные между ранними и поздними стоянками поздней группы.

³⁰ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, стр. 30.

Перечисляя Акчадарьинские неолитические памятники, мы не назвали примерно треть из описанных в предыдущей главе стоянок. Не рассматривались также и многочисленные, частично упоминавшиеся выше и полностью отмеченные на карте (см. рис. 1 на стр. 8), отдельные находки. По ряду признаков многие из них можно было бы отнести к двум последним этапам хорезмского неолита. Однако состояние материала этих местонахождений таково, что сделать это можно только условно, без какой-либо гарантии. Кроме того, эти материалы ничего принципиально нового в характеристику каждой группы не вносят и могут послужить лишь для решения некоторых других вопросов (общая характеристика хорезмского неолита, топография стоянок, расселение племени и т. д.).

В заключение приводим сводную таблицу памятников по хронологическим группам.

Ранняя группа: Джанбас 4 (нижний слой), Джанбас 31 (?), Кават 5, Кунык 1.

Средняя группа: Кават 7, Джанбас 32 («зачистка у шурфа № 2»), Таджи-Казган 6а, Кургашин Г и Д, Дингильдже 6, Кырк-Кыз 1, Джанбас 4 (верхний слой).

Поздняя группа: Таджи-Казган 6, Джанбас 5, Таджи-Казган 8, Джанбас 11, Джингельды 6, Таджи-Казган 2, 3, 10, 14, Куралы 1, Барактам 10.

АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Мы уже говорили, что обоснования абсолютных дат памятников кельтеминарской культуры оставляют желать лучшего. Строго говоря, каких-либо существенных улучшений в этом вопросе не произошло и сейчас: многие из указанных выше, затрудняющих абсолютную датировку хорезмского неолита причин действительны и поныне.

Если при разработке кельтеминарской хронологии ориентироваться в основном на более южные памятники, а это, очевидно, наиболее перспективно из-за сравнительно устойчивых дат последних, то в лучшем положении оказываются стоянки ранней группы.

В общем виде место стоянки Джанбас 4 в хронологическом ряду неолитических памятников Средней Азии довольно хорошо определяется и ее кремневыми изделиями и керамикой. Сейчас можно с уверенностью говорить, что наконечники стрел кельтеминарского типа — пластинчатые, одношпильные — появляются в Средней Азии не на самых ранних этапах неолита. Момент появления их фиксируется стратиграфической колонкой Джебела и памятников джейтунской культуры. Основываясь на этих данных, а также на других, менее достоверных (о них мы скажем ниже), следует считать, что период наконечников стрел кельтеминарского типа хронологически следует за периодом симметричных трапеций. Очевидно также, что эти два типа изделий в неолите Средней Азии в ряде случаев не только хронологически соприкасаются, но и сосуществуют короткое время.

В Джебеле трапеции, сначала асимметричные, затем симметричные появляются в 6 слое, встречаются в 5—6 и 5а слоях и заканчивают свое существование в 5 слое. В последнем А. П. Окладников нашел пять трапеций, в следующем, четвертом, — ни одной, но зато там были два наконечника стрел кельтеминарского типа³¹.

В памятниках джейтунской культуры наконечник кельтеминарского типа найден только на Чопан-депе, причем не в самых ранних его слоях

³¹ А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 194, 195. В четвертом слое пещеры найдено сечение ножевидной пластины с ретушью по торцам, обломанное сверху, которое А. П. Окладников считает миниатюрным треугольником, возможно, трапецией (стр. 96, 97, рис. 56, 1). В сводной таблице оно не получило отражения.

(Чопан-депе 2). На Джейтунском поселении их нет. Наконечник из Чопан-депе является, по-видимому, самым ранним в этой серии изделий.

В слое Чопан-депе 2, помимо различных пластинчатых изделий микролитического типа, найдено также несколько мелких симметричных трапеций. Количество последних в этом слое заметно сокращается и относительно числа трапеций в нижнем слое, и относительно числа остальных изделий из кремня³².

Сейчас известно, что подобной формы пластинчатые наконечники стрел характерны для очень широкой территории, тянущейся полосой на север от приаральских степей и захватывающей многие районы Зауралья. Памятники с находками таких наконечников оставлены, вероятно, близким по культуре населением, что объясняется, надо полагать, общими корнями происхождения и подтверждается, в первую очередь, сходством основных закономерностей в развитии орнаментики керамики. Большинство наконечников кельтеминарского типа связано с памятниками достаточно поздними, во всяком случае не выходящими за пределы неолита (Палкинская стоянка³³, стоянки у Андреевского озера³⁴, Усть-Юрюзанская³⁵, Сабакты III³⁶ и др.). Там, где имеется достаточное количество материалов по неолиту и мезолиту, прослеживается то же хронологическое соотношение между наконечниками кельтеминарского типа и геометрическими микролитами, что и в Джебеле и Джейтунской культуре. Об этом свидетельствуют материалы стоянок у Андреевского озера³⁷, а также мезолитические и неолитические памятники Башкирии³⁸.

Из памятников среднеазиатско-казахстанского степного неолита находки трапеций известны на стоянках Западного Казахстана, Северо-Восточного Приаралья, Инкар-Дары, Акчадарьинской дельты, Узбоя³⁹.

На всех, за исключением Агиспе и Саксаульской 1, стоянках трапеций встречены единично и представлены мелкими симметричными, уже дегенерирующими образцами. Все стоянки развешенные и не могут служить в данном вопросе эталонами, однако все же интересно будет отметить, что ни на одной из них наконечников кельтеминарского типа не найдено. Их нет на стоянках Саксаульской 1⁴⁰, Агиспе, Казалинск, Баше-Куль, Кайран-Куль⁴¹, на инкардарьинской стоянке Жалпак 2⁴², акчадарьинской

³² О. К. Бердыев. Южная Туркмения в эпоху неолита. Ашхабад, 1965, стр. 10, 13. Автореф. дисс. Материал раскопок С. А. Ершова на Чопан-депе (1958 г.) хранится в секторе археологии Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР.

³³ П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, № 24, 1951, стр. 41—42, 45, рис. 1, 18—19.

³⁴ П. А. Дмитриев. Вторая Андреевская стоянка. «Труды ГИМ», вып. 8, 1938, табл. 1/4; И. Я. Словоцов. О находке предметов каменного периода близ г. Тюмени. «Записки Зап.-Сиб. отделения РГО», кн. VII, вып. 1, табл. 14, рис. 60, а, в; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, стр. 26, рис. VIII, 3, 5.

³⁵ Л. Я. Крижевская. Археологические работы в Башкирии. КСИМК, вып. 51, 1953; Г. Н. Матюшин. Мезолит и неолит Башкирии, стр. 13; Г. Н. Матюшин датирует Усть-Юрюзанскую стоянку концом мезолита, что вряд ли обоснованно, судя хотя бы по аналогиям с Джебелом.

³⁶ Г. Н. Матюшин. Мезолит и неолит Башкирии, стр. 13.

³⁷ В. Н. Чернецов. К вопросу о сложении уральского неолита. История, археология, этнография Средней Азии. Сб. статей к 60-летию С. П. Толстова (в печати).

³⁸ Г. Н. Матюшин. Мезолит и неолит Башкирии, стр. 16, 17.

³⁹ А. А. Формозов. Из истории передвижения групп первобытного человека в эпоху мезолита. СЭ, 1955, № 1, стр. 168—170; А. В. Виноградов. Новые материалы для изучения кельтеминарской культуры, стр. 95—97, рис. 4, 5.

⁴⁰ А. В. Виноградов. Археологическая разведка в районе Аральска — Саксаульской в 1955 году. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР», т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 76.

⁴¹ А. А. Формозов. Из истории..., стр. 168—170; Он же. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, стр. 51, 52; Он же. К вопросу о происхождении андроновской культуры, стр. 8.

⁴² А. В. Виноградов. Новые материалы для изучения кельтеминарской культуры, стр. 91—95.

стоянке Джингельды 6⁴³, на узбойских местонахождениях Бала-Ишем 8, 9, Орта-кую⁴⁴. Как известно, почти во всех этих районах находки наконечников кельтеминарского типа отнюдь не являются исключительными. Особенно показательны в этом отношении стоянки Саксаульская 1 и Агиспе, в материалах которых, как отмечалось, трапеции представлены небольшими сериями. Остальные стоянки дают либо перемешанный материал, либо сохранили единичные трапеции как пережитки техники предшествовавшего времени. Отметим, что на некоторых стоянках трапеции найдены вместе с двусторонне обработанными формами.

В материалах нижнего слоя стоянки Джанбас 4 нет геометрических микролитов, но имеется серия наконечников кельтеминарского типа. Находка в IV слое Джебела подобных наконечников так же, как и в Джанбас 4, вместе с двусторонне обработанными наконечниками, позволяет провести хронологическое сопоставление этих комплексов. Их очень близкое сходство, а в ряде случаев идентичность их кремневого инвентаря нам уже приходилось отмечать⁴⁵. Оно хорошо проявляется при сравнении всех основных типов кремневого инвентаря: наконечников стрел кельтеминарского типа, пластин с боковыми выемками, пластин с притупленным краем и скошенным концом, проколов, нуклеусов, различных типов скребков⁴⁶. Кроме наконечников кельтеминарского типа, А. П. Окладников описал происходящие из IV слоя маловыразительные (либо обломки, либо незаконченные обработкой) пластинчатые наконечники с выделенным симметричным черешком⁴⁷. Такие изделия, как было отмечено, имеются и в материале Джанбас 4⁴⁸.

С другой стороны, хронологическое соответствие этих комплексов подтверждается тем, что некоторые из отмеченных выше типов, например, пластины с притупленным краем, «со скошенным или прямым ретушированным основанием, затупленной спинкой и острием на верхнем конце»⁴⁹, наконечники на пластинах с симметрично выделенным черешком, в вышележащих слоях пещеры уже не встречаются.

Джебельская керамика в целом отлична от джанбасской и по форме сосудов, и по тесту, из которого она изготовлена. Большие лепные сосуды из IV слоя Джебела сходны с джанбасскими по размерам, форме венчика, шейки, дна, но отличаются пропорциями. Там же имеются аналогии одному из вариантов кельтеминарских полусферических чаш⁵⁰.

Все это позволяет, как нам кажется, говорить о одновременности нижнего слоя Джанбас 4 и IV слоя Джебела. Имеются некоторые соображения в пользу того, что Джанбас 4 хронологически более соответствует времени конца IV слоя Джебела⁵¹.

Однако следует исключить вероятность хронологического соответствия нижнего слоя стоянки Джанбас 4 также и III слою Джебела, на наш взгляд, более позднему.

⁴³ Материалы стоянки публикуются в настоящей работе (см. стр. 117—119).

⁴⁴ М. А. И т и н а. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя. ТХЭ, т. II, 1958, стр. 268, рис. 3, стр. 299, рис. 10, 9; стр. 300, рис. 11, 2.

⁴⁵ А. В. В и н о г р а д о в. К вопросу о южных связях..., стр. 29; Он же. Кельтеминарская культура, стр. 6; А. В. В и н о г р а д о в, М. А. И т и н а. Рецензия на «Труды ЮТАКЭ», т. VII, СЭ, 1959, № 1, стр. 158—161.

⁴⁶ Мы не согласны с мнением некоторых исследователей, что крупные размеры наконечников кельтеминарского типа обязательно определяют их более раннюю, по сравнению с остальными, дату, особенно когда это касается не серий, а единичных находок. Крупные экземпляры этих изделий имеются и в материалах нижнего слоя Джанбас 4, и на стоянке Кават 7.

⁴⁷ А. П. О к л а д н и к о в. Указ. соч., стр. 95—97.

⁴⁸ См. стр. 42 настоящей работы, рис. 12, 7—8.

⁴⁹ А. П. О к л а д н и к о в. Указ. соч., стр. 91, 98, рис. 54, 2.

⁵⁰ Там же, стр. 104—106, рис. 61, 1, рис. 62, 1—5, рис. 62а.

⁵¹ Главное из них состоит в том, что, как известно, периоду IV слоя Джебела (бытовавшие наконечников кельтеминарского типа) непосредственно предшествует период геометрических микролитов. Для Джанбас 4 мы таких данных не имеем.

Четвертый слой Джебела датирован и археологически, и по радиоуглероду.

Археологическая датировка отнюдь не безупречна. Наиболее сложным здесь является вопрос о керамике.

В некоторых слоях пещеры (с I по V—VI) найдены обломки импортных южных сосудов, часть которых хорошо датируется. А. П. Окладников, связывая начало гончарства с V слоем, считает, что в слои Va, V—VI, VI и VII керамика — местная лепная и импортная — попала случайно из верхних слоев (очевидно, из V и вышележащих) и, во-вторых, в частности, что обломки круговых сосудов из IV слоя — чернолощеного и оранжево-красного полосчатого лощения — также случайны в этом слое. Напомним, что речь идет не о 2—3 черепках, а о 17 — в первом случае и о 9 — во втором. Культурные отложения пещеры бедны керамикой, и эти 26 фрагментов на этом фоне очень заметны.

Исходя из этого, найденные в IV слое обломки чернолощеной круговой керамики⁵² при датировке не были приняты во внимание. В основу ее были положены ближневосточные аналогии (хронологически очень широкие — Тепе-Гиссар 1, Персеполь, Телль-Хассуна, Мерсин и др.) упоминавшимся выше невыразительным пластинчатым наконечникам с симметрично выделенным черешком.

Археологическая датировка IV слоя IV тысячелетием до н. э. была в 1959 г. прокорректирована радиоуглеродным анализом органических остатков. Анализ (один из первых двух), проведенный Радиоуглеродной лабораторией Института археологии АН СССР, дал несколько более раннюю дату — конец V — начало IV тысячелетия до н. э. (6030±240)⁵³.

Нельзя не согласиться с В. М. Массоном, впервые подчеркнувшим хронологическое значение кельтеминарских — южнотуркменских аналогий в орнаментике керамики. Хронологические выводы его, основанные на этих сопоставлениях, мы уже приводили. Наиболее серьезными основаниями правомерности подобных заключений являются следующие:

1. Большое своеобразие сравниваемых орнаментальных композиций, не имеющих столь же близких аналогий на других территориях⁵⁴.

2. Керамика, украшенная таким образом и в кельтеминаре и в памятниках южнотуркменского энеолита, имеет строгую хронологическую локализацию.

Отдельные мотивы орнаментики нижнего слоя стоянки Джанбас 4 соответствуют орнаменту древнейшей керамики раннеземледельческих памятников юга. Однако это лишь общее сходство, объясняющееся, вероятно, родственными корнями этих культур. Наиболее близкие параллели Джанбас 4 дает материал периода Анау II — Намазга II. На юге — это развитый энеолит, характеризующийся почти полным исчезновением кремневых орудий и обособлением двух областей распространения памятников с расписной керамикой — восточной и западной. Параллели кельтеминарскому орнаменту имеются лишь в памятниках последней; восточная их не дает вовсе. В отличие от предшествующего времени (Намазга I), для которого характерна роспись в виде силуэтных треугольников, в период Намазга II их сменяет роспись в виде фризов, образованных заштрихованными или покрытыми сеткой геометрическими фигурами⁵⁵. Кельтеминар-

⁵² Наиболее ранние аналогии ей А. П. Окладников отмечает в материале нижнего, третьего слоя Шах-тепе (по Т. Арне — конец IV тысячелетия до н. э.).

⁵³ Х. В. Протопопов, С. В. Бутомо. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (C₁₄). СА, 1959, № 2, стр. 32.

⁵⁴ Джанбасская орнаментика в ее наиболее специфических проявлениях находит аналогии лишь в материалах стоянок Андреевского озера (Нижнее Приобье), что послужило основанием для предположения об участии кельтеминарской культуры в сложении неолитических культур Нижнего Приобья (В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, стр. 29—31, табл. IX, 4, 5, стр. 59—60).

⁵⁵ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 137, 138.

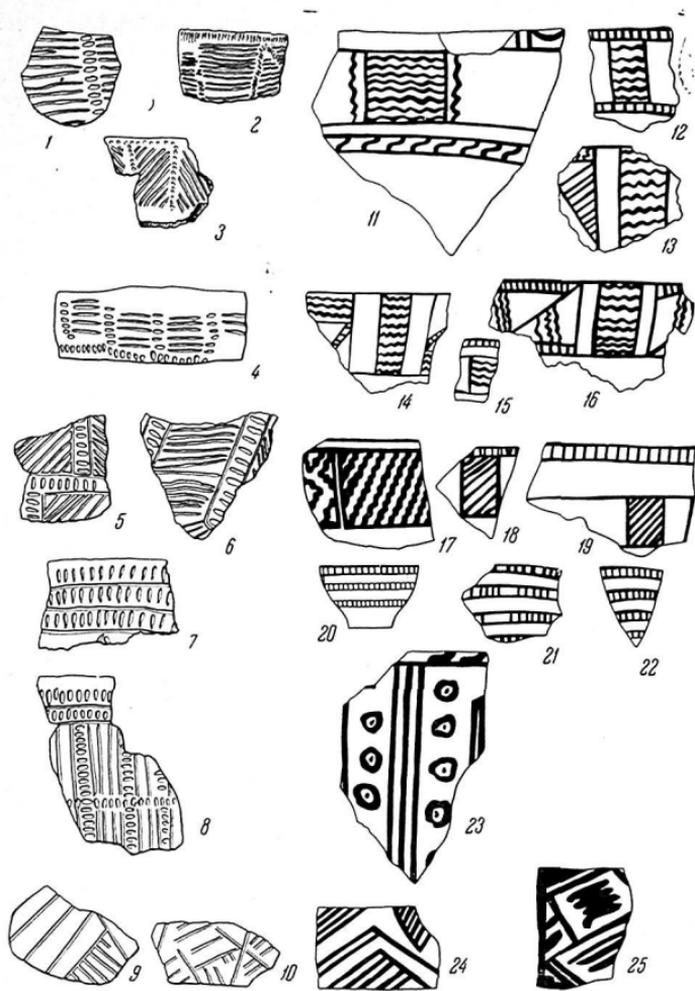

Рис. 62. Сравнительная таблица орнаментов на керамике из нижнего слоя стоянки Джанбас 4 (слева) и земледельческих памятников Юго-Западной Туркмении

1—10 — керамика из нижнего слоя стоянки Джанбас 4; 11 — Кара-депе, шурф № 1, ярус II (САИ, Б 3—8, табл. XIV, 21); 12 — керамика типа Намазга II (ТЮТАКЭ, т. X, стр. 33, рис. 13); 13 — Кара-депе, раскоп I, слой Кара 3 (САИ, Б 3—8, табл. XIII, 20); 14 — Кара-депе, раскоп I, слой Кара 3 (САИ, Б 3—8, табл. XIII, 6); 15 — Кара-депе, шурф № 1, ярус XII (САИ, Б 3—8, табл. XIV, 22); 16 — Кара-депе, раскоп I, слой Кара 3 (САИ, Б 3—8, табл. XIV, 11); 17 — керамика времени Намазга III (ТЮТАКЭ, т. X, стр. 445, табл. XXVI, 13); 18 — Кара-депе, из комплекса типа Намазга III (ТЮТАКЭ, т. VII, стр. 352, табл. XXVII, 2); 19 — Кара-депе, шурф № 1, ярус XII (САИ, Б 3—8, табл. XV, 19); 20 — Кара-депе, слой Кара 3 (САИ, Б 3—8, табл. II, 23); 21 — Анау II (САИ, Б 3—8, табл. VIII, 30); 22 — Намазга-депе, шурф № 1, ярус XVIII (САИ, Б 3—8, табл. XVII, 76); 23 — керамика типа Кара I Б (ТЮТАКЭ, т. X, стр. 428, табл. VIII, 24); 24, 25 — керамика типа Намазга II (ТЮТАКЭ, т. X, стр. 33, рис. 13)

ские композиции с применением прочерченного волнистого и прямолинейного орнамента могут быть сопоставлены с орнаментами типа I—IV, VIII и IX из выделенных В. М. Массоном для монохромной керамики⁵⁶. Правда, в ряде случаев сходство их довольно отдаленное. Наиболее же близки джанбасским композиции X типа — «фризы, разделенные на участки

⁵⁶ В. М. Массон. Энеолит южных областей Средней Азии, ч. II. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. САИ, БЗ-8, 1962, стр. 11—14, табл. IV.

прямоугольниками, заполненными внутри горизонтальными отрезками волнистых линий»⁵⁷.

Джанбасские композиции несколько упрощены, к тому же они не всегда имеют характер фризов. Однако общий и достаточно сложный принцип построения этих композиций исключает возможность случайных совпадений (рис. 62).

Начеченные соответствия хронологически могут быть еще более уточнены. В настоящее время памятники западного района времени Намазга II разделены на два этапа — ранний и поздний. Первый из них представлен материалами слоя Кара 4 (Кара-депе) и нижними слоями шурфов на Намазга-депе; второй — материалами слоев Кара 2 и 3 и верхних слоев шурфа на Намазга-депе.

Для раннего Намазга II характерна керамика с полихромной росписью пестрыми фризами и треугольными шевронами, заполненными измельченными геометрическими фигурами, среди которых первое место занимают треугольники.

В позднем Намазга II эта керамика постепенно вытесняется монохромной. Орнамент X типа впервые появляется в полихромном исполнении, однако уже на керамике позднего этапа. Одновременно этот мотив появляется и на монохромной керамике, а в конце периода (Кара 2) становится широко распространенным⁵⁸.

Несколько упрощенная модификация этого типа орнамента встречается, хотя и сравнительно редко, и на керамике следующего этапа — Намазга III, для которого в целом уже характерна пестрота и измелченность геометризированной орнаментики⁵⁹. Это те же прямоугольнички, заштрихованные волнистыми и прямыми линиями, в том числе не только горизонтальными, как и в предшествующее время, но и наклонными⁶⁰. Последняя особенность как будто более соответствует принципу джанбасской орнаментики. Этот тип орнамента связывается с традициями предшествующего времени и непосредственно с орнаментом X типа⁶¹.

Таким образом, можно считать, что самые близкие параллели наиболее специфической части джанбасского орнамента ограничены хронологическими рамками позднего Намазга II — начала Намазга III. Комплексы типа Намазга II датируются в настоящее время IV тысячелетием до н. э., а Намазга III — концом IV — первой половиной III тысячелетия до н. э.⁶² Учитывая это, а также рассмотренные выше соответствия в материалах Джанбас 4 и Джебела, можно ориентировочно датировать нижний слой стоянки Джанбас 4 (и раннюю группу кельтеминарских стоянок в целом) второй половиной IV тысячелетия до н. э.

Значительно сложнее обстоит дело с датировками двух более поздних групп стоянок. Рассмотрим в этом плане находки с Кават 7.

Наибольшую ценность для хронологических сопоставлений представляют сосуды с желобчатыми сливами и трубчатыми носками. Все наиболее характерные типы их были описаны выше.

Ближайшие (территориально) аналогии сосудам со сливами и трубчатыми носками также уводят нас на юг, в область распространения раннеземледельческих культур. Для керамики эпохи энеолита и бронзового века подгорной полосы Копет-Дага сосуды со сливами и носками мало характерны, хотя и встречаются. Так, среди керамики этапа Намазга III и

⁵⁷ В. М. Массон. Энеолит южных областей Средней Азии, стр. 12.

⁵⁸ Там же, стр. 17, 18.

⁵⁹ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 156, 157.

⁶⁰ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. «Труды ЮТАКЭ», т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 299—302, 350—353, табл. XXV, 10, табл. XXVI, 3, табл. XXVII, 2, 12, табл. XXVIII, 11; Он же. Кара-депе у Артыка (в свете раскопок 1955—57 гг.), «Труды ЮТАКЭ», т. X, стр. 445, табл. XXVI, 13.

⁶¹ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении, стр. 300.

⁶² В. М. Массон. Энеолит южных областей Средней Азии, стр. 7.

более поздней имеются небольшие чайнички с носиком⁶³. Здесь же иногда встречаются кухонные котлы с небольшими сливами, а также большие хозяйственные сосуды с крупными и широкими сливами⁶⁴. Сосуды в форме чайников с короткими прямыми трубчатыми носиками встречены и в керамике Намазга V⁶⁵. Однако и в форме носиков, и в форме сосудов большого сходства с керамикой стоянки Кават 7 не обнаруживается. Значительно более близкие параллели этой керамике мы обнаруживаем в материалах памятников Мисрианской равнины, относящихся к так называемой «культуре архаического Дахистана», которая несколько отличается от культуры племен центральной части подгорной полосы и по своим традициям связана с культурой астрабадского бронзового века⁶⁶. Вот как описывается одна из групп керамики с поселения Изат-кули: «Столь же характерной формой (наряду с кувшинами и чашами на трех ножках. — А. В.) являются сливы, в нашем материале обычно красноглиняные. Благодаря двум крупным фрагментам удалось определить форму сосудов со сливами. Это были довольно крупные полусферические чаши с одним сливом, слегка поднимающимся вверх. Сливы из серой глины имеют другую форму в виде вытянутого вперед открытого носика с узким каналом для слива, отличающаяся последним обстоятельством от широких и иногда массивных сливов красной и светлой глины»⁶⁷. Аналогичной формы сосуды имеются и на другом поселении этой культуры — Мадау-депе.

Отметим, что формы сливов и носиков, а также и формы самих сосудов, которым они принадлежат (кроме отмеченных выше полусферических чашек), в керамике архаического Дахистана значительно сложнее и разнообразнее, что объясняется и значительно более поздней датой культуры даже сравнительно с поздним кельтеминаром (В. М. Массон относит культуру «к первой трети I тысячелетия до н. э. с заглуплением во вторую половину II тысячелетия до н. э.»)⁶⁸ и более быстрым темпом культурного развития этих областей сравнительно с северной периферией.

Наиболее важными в хронологическом аспекте являются аналогии нашим материалам среди находок из Шах-тепе.

По данным раскопок Т. Арне, самые ранние сосуды с носиками найдены в верхних частях III слоя, в его промежуточной зоне, ближе к слою Пв (Шах-тепе III, Шах-тепе III—II). Много их и в слое Шах-тепе II (Шах-тепе Пв, Па² и Па¹)⁶⁹. Формы носиков и сливов (но не сосудов, которым они принадлежали), близкие каватским, встречены практически во всех указанных слоях. Мы имеем в виду различные типы трубчатых носиков и длинные и короткие лоблообразные сливы. Первые, в более или менее близкой к каватской форме, найдены в верхах III слоя и в слое Па⁷⁰. Вторые также в верхах III слоя, в слоях Пв, Па² и даже позднее⁷¹.

⁶³ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка, стр. 360, табл. XXVIII, 12.

⁶⁴ Там же, стр. 363, табл. XXIX, 12.

⁶⁵ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении, стр. 307, рис. 10, табл. XXXVII, 7, 9.

⁶⁶ «История Туркменской ССР». Ашхабад, 1957, т. I, кн. I, стр. 49.

⁶⁷ В. М. Массон. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII, стр. 395. Здесь же отмечается наличие другого типа сливов, в комбинации с носиками (стр. 438).

⁶⁸ Там же, стр. 438.

⁶⁹ Т. Арне. Excavations at Shah-Tepe, Stockholm, 1945, стр. 219—224. Проведение Т. Арне по материалам камеральной обработки находок деление слоя Па на два — Па² и Па¹ вызывает сомнения (см. В. М. Массон. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении, стр. 428).

⁷⁰ Т. Арне. Указ. соч., стр. 223; Pl LX, рис. 481, а — в, 482, 483.

⁷¹ Там же, стр. 219—224; рис. 223а; Pl LVIII, рис. 467; рис. 361; рис. 207, 209; Pl. LX, рис. 479. Последнему экземпляру, по форме очень похожему на длинные открытые сливы из Кават 7, Арне указывает довольно ранние аналогии (Спалк IV, Урук III, Сузы I, Сузы А).

По данным Арне, появление глубоких полусферических чаш с широкими желобчатыми сливами связывается с временем Πa^2 слоя⁷².

Установить точную типологическую последовательность форм носиков и сливов в пределах рассматриваемого периода Шах-тепе очень трудно. Целых сосудов с ясной стратиграфией немного; из 280 отдельных носиков большая часть не имеет прямых указаний на принадлежность к определенному слою и стратифицируется по сходству формы, теста, обработки поверхности с целыми сосудами. Однако все же удается установить, что большинство сложных форм носиков относится уже к концу слоя Шах-тепе Πb и к более поздним слоям. Мы имеем в виду комбинированные трубчато-желобчатые носики, появляющиеся в конце периода Πb , модификации их из слоя Πa^2 ⁷³, сложные, также комбинированные носики из Π слоя (погребение GII)⁷⁴, комбинированные клювовидные носики, появляющиеся в верхней части III слоя и получающие наибольшее распространение на границе слоев Πb и Πa^2 ⁷⁵ и, наконец, комбинированные носики с кольцевыми налетами на трубчатой части из слоя Πa^2 ⁷⁶. Все эти формы в материале Кават 7 аналогий не имеют.

Как видно, хронологически сопоставить Кават 7 с определенным слоем Шах-тепе затруднительно. Полусферические чаши из Πa^2 слоя Шах-тепе как будто сближают его с Кават 7. С другой стороны, для этого слоя (и конца Πb) характерны уже многие сложные, не встречающиеся в Кават 7 формы носиков. Последнему обстоятельству мы склонны отдать предпочтение при датировке стоянки. Полусферические чаши с открытыми короткими сливами не являются специфической формой комплекса Кават 7, на стоянках Акчадарьинской дельты они встречаются и раньше (Джанбас 4) и позже (Джанбас 11 и другие стоянки).

По материалам Гиссара и Хассуны известно, что и на юге они появляются раньше времени Шах-тепе Πa и что, следовательно, датирующее их значение ограничено. Важнее то обстоятельство, что аналогии другим, более характерным формам носиков и сливов имеются в конце III и начале II слоев, преимущественно не в сочетании с более сложными и типологически и стратиграфически более поздними их формами. В абсолютном исчислении это, очевидно, первая половина — середина III тысячелетия до н. э.⁷⁷

При сопоставлении материала стоянок Кават 7 и Джанбас 4 мы уже отмечали некоторые существенные различия в орнаментике, формах сосудов и т. п.

⁷² Там же, стр. 220. В Гиссаре сосуды со сливами, в том числе и полусферические чаши, появляются в слое Πb и получают широкое распространение в слое Πc , которые хронологически сопоставляются со слоем Шах-тепе Πa (E. Schmidt, Excavations at Tepe-Hissar, Damghan, Philadelphia, 1937, Pl. XXXVII. Н. 3956; D. Mc Cown, The Comparative Stratigraphy of Early Iran. Chicago, 1942, стр. 54—55; В. М. Массон. Памятники культуры архайского Дахистана, стр. 433, 434. Еще более раннюю дату дают находки из Хассуны (фрагмент чаши со сливом из Хассуны IA (S. Lloyd, F. Safar, Tell Hassuna, «Journal of Near Eastern Studies», Chicago v, IV, № 4, 1945, рис. 6, 25).

⁷³ Т. Агн е. Указ. соч., стр. 220.

⁷⁴ Там же, стр. 221, 222. Pl. LIX, рис. 474a—в, 475. Т. Арне отмечает аналогии им в материале из Гиссара Πc .

⁷⁵ Т. Агн е. Указ. соч., стр. 222. Pl. LX, рис. 477.

⁷⁶ Там же, стр. 222. Pl. LX, рис. 478.

⁷⁷ Т. Арне предлагает следующие даты слоев Шах-тепе: III — 3200—2900 (2800) гг. до н. э.; II в.— 2900 (2800) — 2300 гг. до н. э.; Πa^2 —2300—2000 гг. до н. э.; Πa^1 —2000—1800 гг. до н. э.

Аналогии в Шах-тепе находит и желобчатый орнамент, украшающий один из больших сосудов стоянки (см. рис. 29, 7 на стр. 75). В Шах-тепе (на поселении) найдено около 15 обломков керамики — узкожелобчатой и широкожелобчатой. Последняя по технике нанесения орнамента близка каватскому сосуду. К сожалению, почти все обломки таких сосудов беспаспортны (Т. Агн е. Указ. соч., стр. 178).

Меандровый орнамент в нескольких его разновидностях и на сосудах разных форм в Кават 7 предполагает его появление в более раннее время.

То же самое можно сказать и о сравнительно разнообразных по форме каватских трубчатых носиках и сливах. Между тем в Джанбас 4 меандровый орнамент не встречен ни разу, а сливы — короткие и открытые, очевидно, только зарождаются. Это показывает не только на более позднюю дату Кават 7, но и, по-видимому, на более или менее значительный хронологический разрыв между ними. Поэтому стоянку Кават 7 можно отнести к концу хронологического периода, намеченного аналогиями из Шах-тепе. Нам кажется, что датировка ее второй четвертью или серединой III тысячелетия до н. э. на данном этапе наиболее вероятна.

В заключение отметим еще раз, что эта датировка является предварительной и может быть значительно уточнена при дальнейших исследованиях.

Ни одна из стоянок поздней группы не дает таких крупных комплексов находок, как стоянки Джанбас 4 и Кават 7. Материалы их не находят аналогий на юге; довольно близкие иногда северные аналогии (главным образом из районов Зауралья) керамической орнаментике могут содействовать лишь их относительной хронологии. Поэтому сейчас речь может идти лишь об ориентировочной датировке стоянок поздней группы в целом.

Время этих стоянок определяется в основном косвенными данными. Если равней хронологической границей их является середина III тысячелетия до н. э. (время стоянки Кават 7), то поздняя определяется раннесуярганскими, камышлинскими памятниками.

Верхняя хронологическая граница южнокызылкумского неолита (стоянки низовьев Зеравшана) определяется датой поселения и могильника Заман-баба — концом III — скорее первыми веками II тысячелетия до н. э.⁷⁸ или даже первой половиной II тысячелетия до н. э.⁷⁹

Имеются убедительные основания рассматривать заманбабинскую культуру как результат взаимодействия местной позднеолитической культуры степного типа и высокоразвитых южных культур⁸⁰. А это, в свою очередь, исключает возможность сосуществования близких кельтеминарцам южнокызылкумских степных племен и заманбабинцев по крайней мере на территории южных Кызылкумов.

Заманбабинская культура лишь локальное явление для Кызылкумов. Поэтому логично допускать, что на севере, в частности на территории Акчадарьинской дельты, история финального этапа неолитической культуры несколько отличалась, и неолитическая культурная традиция в более чистом виде продержалась несколько дольше. Однако и здесь мы имеем группу памятников, оставленных племенами, жившими в пределах дельты не позднее первой половины II тысячелетия до н. э. Имеются в виду раннесуярганские, камышлинские стоянки⁸¹. Материал их не совсем доброкачествен — все они развеены, и в связи с этим датировка — начало II тысячелетия до н. э.⁸² — не бесспорна. Однако более чем

⁷⁸ Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-баба (к вопросу о культурных связях населения долины нижнего Зеравшана в III—II тысячелетия до н. э. СЭ, 1958, № 2, стр. 33.

⁷⁹ А. Аскарлов. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Л., 1962, стр. 10. Автореф. дисс.

⁸⁰ Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 33; А. В. Виноградов. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР 1937, стр. 80, 84; А. Аскарлов. Указ. соч., стр. 10, 11.

⁸¹ Низовья Аму-Дарьи Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. МХЭ, вып. 3, М., 1960, стр. 82—89.

⁸² С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суярганской культуры. СЭ, 1960, № 1, стр. 45; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 44—46.

вероятно, что они близки по времени заманбабильской культуре. Новые материалы дают возможность говорить о прямой генетической связи камышлинского этапа суяргана и позднего кельтеминара (подробнее об этом см. ниже, стр. 172—176). Соотношение кельтеминарского и ранне-суярганского материалов таково, что вряд ли можно говорить о сосуществовании на территории дельты этих двух культур⁸³.

Учитывая это, стоянки поздней группы можно в предварительном порядке отнести ко второй половине III тысячелетия до н. э., возможно с расширением этой датировки до начала II тысячелетия до н. э. Исходя из всего вышеизложенного, мы предлагаем следующую схему относительной и абсолютной датировки кельтеминарских стоянок Акчадарьинской дельты:

1. Ранняя группа стоянок — вторая половина IV тысячелетия до н. э.
2. Средняя группа стоянок — первая половина — середина III тысячелетия до н. э.
3. Поздняя группа стоянок — вторая половина III — рубеж III и II тысячелетий до н. э.

⁸³ С. П. Толстов, М. А. Итина. Указ. соч., стр. 21.

Глава четвертая

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КЕЛЬТЕМИНАРЦЕВ

Состояние материала не позволяет сейчас дать всестороннюю характеристику кельтеминарской культуры, проследить изменения в хозяйстве и общественном строе кельтеминарских племен на протяжении двух тысячелетий их обитания на территории Акчадарьинской дельты. В частности, нет почти никаких новых материалов для изучения их общественного строя. То же самое в значительной степени относится и к материалу о хозяйственных занятиях кельтеминарцев. К тому же незначительный остеологический материал, полученный в ходе последних работ, который, возможно, позволил бы прокорректировать наши представления о хозяйстве, еще не обработан специалистами.

Поэтому в заключительной главе будут рассмотрены лишь некоторые общие вопросы, касающиеся, главным образом, кельтеминарской культуры в целом.

О ГРАНИЦАХ КЕЛЬТЕМИНАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Число памятников, относимых в настоящее время к кельтеминарской культуре, необычайно велико; не менее обширна и территория, на которой они распространены. После открытия первых неолитических, названных С. П. Толстовым кельтеминарскими, стоянок Хорезма к территории распространения кельтеминарской культуры одна за другой были присоединены такие обширные районы, как Северо-Восточное Приаралье и значительная часть Западного Казахстана, районы Верхнего Узбоя, затем вся остальная (большая) часть Кызылкумов. Имелась склонность относить к кельтеминарской культуре, хотя и не в столь категорической форме, отдельные неолитические находки из Центральных Каракумов и с Устюрта.

Границы кельтеминарской культуры до настоящего времени точно не определены. Приведем в качестве примера несколько археологических карт, где наряду с другими культурами показана и кельтеминарская. Первая карта распространения памятников кельтеминарской культуры, составленная в 1951 г. А. А. Формозовым¹, еще до развертывания работ Хорезмской экспедиции на Узбое, включала в эту территорию, кроме нижнего течения Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, также Северо-Восточное Приаралье и часть территории Западного Казахстана: на севере — до среднего

¹ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 4.

и нижнего течения рек Тургая и Ирғиза, на западе — до района Уила, Сагиза и Эмбы. Примерно аналогичная карта была приведена в «Очерках по истории СССР»².

Курьезны в этом плане две карты первого тома «Всемирной истории»³. На первой из них («Схематическая карта основных неолитических культур V—II тысячелетий до н. э.») кельтеминарская культура занимает огромную территорию вокруг Аральского моря, граница которой на северо-западе заходит далеко за р. Урал, на западе и юго-западе захватывает всю приморскую часть Казахстана и часть Туркмении примерно до широты Кызыл-Арвата; на севере и северо-востоке граница проходит через Актюбинск и район рек Тургая и Ирғиза. На востоке и юго-востоке в эту территорию включены районы нижнего и среднего течения Сыр-Дарьи, в том числе часть Южно-Казахстанской области. Южная граница кельтеминара намечена по линии Арысь — Чарджоу — Кызыл-Арват.

Совершенно иную картину дает вторая карта, которая называется «Период энеолита (III тысячелетие до н. э.)». Кельтеминарская культура охватывает на ней лишь районы нижнего течения Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и часть Узбоя.

Очень широкие границы территории распространения памятников кельтеминарской культуры были в свое время намечены и автором настоящей работы⁴.

Новые материалы дают возможность коренным образом пересмотреть этот вопрос.

Основаниями для сопоставления с хорезмским неолитом и отнесения к кельтеминарской культуре памятников ряда сопредельных районов послужили, главным образом, некоторые характерные формы каменных орудий — наконечники стрел кельтеминарского типа, пластины с боковыми выемками, с притупленным краем и другие, а также общий характер — пластинчатый, микролитический — каменной индустрии. Так было со стоянками Верхнего Узбоя и немногими известными тогда микролитическими находками из Центральных Каракумов, с мелкими разветвленными стоянками Устюрта, почти совсем не давшими керамики и отчасти с памятниками Северо-Восточного Приаралья и Западного Казахстана.

Между тем сейчас совершенно ясно, что зона распространения кремневого микролитического инвентаря, наиболее хорошо представленного материалами раскопок пещеры Джебел и хорезмских кельтеминарских стоянок Джанбас 4 и Кават 7, очень широка. Она охватывает территорию пустынь и степей Закаспия и Приаралья и через западноказахстанские степи смыкается с районами Южного Урала и Зауралья, неолитические памятники которых дают близкую хорезмскому кельтеминару кремневую индустрию.

Не говоря уже об этих отдаленных территориях, даже в пределах Средней Азии мы имеем бесспорные доказательства существования, очевидно, близко родственных, но все же существенно отличающихся друг от друга локальных культур. Кремневые изделия кельтеминарских памятников Хорезма и верхних слоев Джебела практически идентичны, и в то же время керамика их показывает существенные различия. Своеобразный, отличный от кельтеминарского (в особенности по формам керамики) и джебельского керамический комплекс дала стоянка Оюклы, кремневый

² «Очерки по истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства». М., 1956, вклейка между стр. 56 и 57.

³ «Всемирная история», т. I, 1955. Первая карта на вклейке между стр. 112 и 113, вторая на стр. 236—237.

⁴ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, СЭ, 1957, № 1, стр. 25; Он же. Кельтеминарская культура. М., 1957, стр. 1. Автореф. канд. дисс.

инвентарь которой близок кельтеминарскому⁵. Наконец, даже западноказахстанские стоянки, большая часть которых исследована А. А. Формозовым, показывают заметные отличия от кельтеминарских — хорезмских — и по керамике, и по кремневому инвентарю.

Некоторые характерные для керамики западноказахстанских стоянок технические приемы выполнения и мотивы орнамента не встречаются в хорезмском материале. Можно назвать хотя бы прием «отступающей палочки», более широкое применение, даже по сравнению с поздним кельтеминаром, зубчатого штампа в разных его проявлениях, а из мотивов — треугольники с бахромой, крупная «горизонтальная лесенка» и др.⁶ Несмотря на то, что керамика западноказахстанских стоянок более близка кельтеминарской, чем неолитическая керамика с других (исключая низовья Зеравшана) сопредельных территорий Средней Азии и Казахстана (Джебел, Оюклы, Лявлякан), различия между ними достаточно существенны. Можно утверждать, что орнамент кельтеминарских стоянок Хорезма богаче и техническими приемами, и мотивами, и композициями. Еще более существенны различия в формах сосудов. На западноказахстанских стоянках не найдено сосудов ладьевидной формы, с шаровидным туловом, столь характерных для хорезмского кельтеминара; неизвестны пока и полусферические чаши. Наконец, не встречены ни разу сосуды со сливами и носиками, представленные в Хорезме уже довольно значительной серией.

Менее отчетливы различия кремневого инвентаря стоянок. Наконечники кельтеминарского типа встречаются на западноказахстанских стоянках значительно реже, чем в Хорезме. Это обстоятельство позволяет сближать их с неолитическими памятниками зауральской Башкирии, где эти наконечники характерны в той же степени. Наряду с ними для западноказахстанского неолита характерны пластинчатые наконечники другого типа, в Хорезме не встречающиеся, — подтреугольные, а в том числе и с выемкой в основании⁷. Двусторонне обработанные наконечники разных форм более характерны для Западного Казахстана, чем для Хорезма: различие здесь, как мы попытаемся показать ниже (см. стр. 168), не хронологическое, а территориальное. Важны различия в форме нуклеусов: если для западноказахстанских стоянок более характерны конические нуклеусы⁸, то для хорезмских — призматические или плитчатые — односторонние. Наконец, мы не находим в Западном Казахстане столь богатого и разнообразного, как в Хорезме, набора микролитических пластин — вкладышей с притупленным краем. Там неизвестны, в частности, такие характерные кельтеминарские типы, как треугольные вкладыши, вкладыши в форме параллелограмма.

Таким образом, при значительной культурной близости кельтеминарские стоянки Хорезма и западноказахстанские памятники имеют существенные различия. Отметим в связи с этим, что не меньшую близость имеют западноказахстанские материалы и с неолитическими материалами из Южного Зауралья, исследованными недавно Г. Н. Матюшиным⁹.

⁵ В. Бахта, Г. Марков. Археологическая разведка 1957 г. в Западной Туркмении. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», т. 5. Ашхабад, 1959, стр. 45—53; Г. Е. Марков. Раскопки первобытной стоянки Оюклы. «Вестник Московского университета, серия IX, история», № 3, М., 1961, стр. 67—82.

⁶ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 49—58; Он же. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане, КСИИМК, вып. XXXI, стр. 141—147; Он же. К вопросу о происхождении андроновской культуры, стр. 6—10.

⁷ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры, стр. 7; Он же. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, стр. 53—56, рис. 16, 13.

⁸ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры, стр. 7.

⁹ Г. Н. М а т ю ш и н. Мезолит и неолит Башкирии. М., 1964. Автореф. канд. дисс.

Еще более сильные отличия от хорезмских мы наблюдаем у находок из района Узеней, часть которых И. В. Синицыным отнесена к кельтеминарской культуре¹⁰.

О керамике неолитических стоянок Устюрта мы почти ничего не знаем. Последние разведки в юго-восточной части плато также не дали керамики, однако они позволили заметить некоторые отличия в кремневом инвентаре устюртских стоянок и от хорезмских, и от верхнеузбойской материи¹¹. Интересно, что ни на одном из неолитических местонахождений Устюрта — а их известно уже более 50 — не найдены наконечники стрел кельтеминарского типа, малохарактерны для них и пластины с притупленным краем.

Как известно, неолитические стоянки Верхнего Узбоя практически не дали керамики. Кремневый инвентарь их при некоторых несущественных различиях столь же близок хорезмскому, как и материал верхних слоев Джебельской пещеры. Однако, как уже было отмечено, формы кремневых изделий не решают в данном случае вопроса о культурной принадлежности стоянок. Поэтому относить неолитические стоянки Верхнего Узбоя (верхнеузбойская культура) к кельтеминару можно сейчас лишь условно. То же самое можно сказать и об упоминавшихся выше небольших микролитических коллекциях из других районов Каракумов.

Значительные трудности возникают при определении южной границы распространения неолитических памятников акадарьинско-кельтеминарского типа, так как материалы из Внутренних и Южных Кызылкумов показывают довольно пеструю картину. В Южных Кызылкумах известна большая группа неолитических памятников, сходство материалов которых с кельтеминарским материалом (по крайней мере, для раннего этапа) не может вызывать сомнений. Это стоянки Махан-Дарьи (низовья Зеравшана)¹². В отличие от рассмотренных выше случаев, здесь сходство прослеживается не только в формах каменных орудий, но и в керамике — в ее формах, приемах и композициях орнамента. Наиболее важно в данном случае то обстоятельство, что в материалах стоянок находят некоторые аналогии специфические мотивы раннекельтеминарского орнамента.

Поздненеолитические стоянки Махан-Дарьи уже не дают близкого сходства с акадарьинскими — ни в формах керамики, ни в орнаменте ее. На промежуточной территории (район Лявляканских озер, Внутренние Кызылкумы) имеется очень большая группа неолитических памятников с очень близким акадарьинскому кремневому инвентарю и существенными различиями в керамике¹³.

Возможность того, что это могут быть различия хронологического по-

¹⁰ И. В. Синицын. Археологические памятники по реке Малый Узень (Саратовская область и Западный Казахстан). КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 102—104.

¹¹ Е. Бижанов, А. В. Виноградов. Неолитические памятники Каракалпакского Устюрта, сообщение второе. «Вестник КК филиала АН УзССР», № 3. Нукус, 1965, стр. 68—70.

¹² У. Исламов. Кельтеминарская культура на Махан-Дарье. «Научные работы и сообщения. Отделение общественных наук АН Уз. ССР», кн. IV. Ташкент, 1961, стр. 258—271; Он же. Раскопки неолитического памятника на Махан-Дарье. «Общественные науки в Узбекистане», № 2. Ташкент, 1962, стр. 66, 67; Он же. Многослойная стоянка кельтеминарской культуры в низовьях Зеравшана. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 4. Ташкент, 1963, стр. 31—65; Он же. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана. Л., 1963. Автореф. канд. дисс. Он же. Новые данные о кельтеминарской культуре на Махан-Дарье. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6. Ташкент, 1965, стр. 45—52.

¹³ О неолите Лявляканских озер в литературе имеются лишь краткие сведения (Н. Н. Вактурская. О поездке в Южные Кызыл-Кумы в 1955 г. МХЭ, вып. 1, 1959, стр. 39—51; Э. Мамедов. Пески Внутренних Кызылкумов. Ташкент, 1963, стр. 14—15. Автореф. канд. дисс.). Материал более, чем ста неолитических и энеолитических стоянок Лявляканских озер хранится в фондах Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР.

рядка, при этом полностью исключается, так как льявляканские материалы дают непрерывную картину культурного развития по крайней мере от IV тысячелетия до н. э. (стоянки с геометрическими микролитами трапециевидной формы) до середины II тысячелетия до н. э.

Насколько можно судить по результатам предварительного осмотра, воплотивший проточерченный орнамент для льявляканской керамики не характерен; ни разу не встречены здесь отлиски «качалки», очень редок меандр. Детальная хронологическая классификация стоянок Льявляканских озер еще предстоит. Однако уже сейчас можно предполагать, что для самых ранних из них, возможно, будет характерна неорнаментированная или бедно орнаментированная керамика.

При общем сходстве форм льявляканской и акчадарьинской керамики между ними все же имеются заметные различия. В частности, для первой очень характерны (по-видимому, для позднеолитического времени и энеолита) сосуды с ребром в нижней части.

В центральной части Внутренних Кызылкумов (примерно на широте Южной Акчадарьинской дельты и восточнее ее) известно еще несколько пунктов с массовыми находками неолитического времени. Это Актакыр, Бешбулак, Кожпатас, Джиланды, Мештепе-сай и др. К сожалению, за отдельными исключениями, на стоянках этих мест плохо сохранилась керамика. К последним относится Бешбулак, где хорошо представлена позднеолитическая и, очевидно, энеолитическая керамика¹⁴, близкая по орнаменту к керамике акчадарьинских стоянок поздней группы.

Из сказанного выше можно сделать следующий вывод: сейчас вряд ли оправдано отнесение неолитических памятников многих районов Средней Азии и Западного Казахстана к кельтеминарской культуре. Оно было вызвано в свое время слабой археологической изученностью большинства этих районов.

Археологические работы привели здесь к выделению групп неолитических стоянок, материал которых не может быть связан с кельтеминарской культурой (Джебель, Оюклы, нижнеузбойская культура, памятники некоторых районов Устюрта, Льявлякан). С другой стороны, стала значительно лучше известна материальная культура насельников низовий Аму-Дарьи — коренных кельтеминарцев и в связи с этим выявились заметные различия между стоянками этого района и западноказахстанскими.

Выделение в степных и пустынных районах Средней Азии ряда локальных археологических культур эпохи неолита — дело ближайшего будущего. Это вполне закономерный этап в историческом исследовании неолитической эпохи, связанный с интенсивным накоплением материала. Можно предполагать, судя по имеющимся уже данным, что это будут крупные культуры, охватывающие территории по несколько тысяч или даже десятков тысяч квадратных километров, территории, сильно отличавшиеся в эту эпоху по природным условиям (сравни безводный Устюрт, слабо обводненные Внутренние Кызылкумы и переувлажненные дельтовые районы — Акча-Дарью и Махан-Дарью).

Что касается кельтеминарской культуры, то нам представляется, что наиболее правильным было бы ограничить ее территорию Акча-Дарьинской дельтой и прилегающим с востока и юго-востока районами Внутренних Кызылкумов. Памятники этой территории показывают единство основных признаков культуры, проявляющиеся не только в кремневом инвентаре, но и в формах керамики и специфических композициях ее орнамента, признаков, в данной хронологической совокупности и взаимосвязи для памятников других территорий Средней Азии и Западного Казахстана не характерных.

¹⁴ И. Н. Вактурская. Указ. соч., стр. 41—44.

Мы уже отмечали, что восточная и юго-восточная границы распространения керамики акчадарьинского типа нуждаются в уточнении. Вопрос о соотношении территориально отдаленных акчадарьинских — кельтеминарских и махандарьинских неолитических материалов (ранних) также остается пока открытым, по крайней мере до полной публикации последних.

Что касается северной и северо-восточной границ, то мелкие разветвленные стоянки Восточного Приаралья (Жалпакская группа стоянок и др.)¹⁵ явно тяготеют к кругу микролитических памятников Северо-Восточного Приаралья и Западного Казахстана.

Рассматривая вопрос о выделении локальных культур, мы вместе с тем отнюдь не оспариваем той бесспорной и глубокой культурной общности, существовавшей в неолитическую эпоху на обширных территориях Закаспия и Приаралья, Западного Казахстана, вероятно, Южного Зауралья и более северных районов, общности, обусловленной, очевидно, единством происхождения и последующими взаимовлияниями существовавших здесь в эпоху неолита культур.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КРЕМНЕВОЙ ИНДУСТРИИ КЕЛЬТЕМИНАРЦЕВ (В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «МИКРОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКЕ»)

Существующие разногласия во взглядах на относительную значимость керамики и каменных орудий как исторических источников широкого плана¹⁶ несколько не умаляют роли каменного инвентаря в решении важных исторических вопросов. Высокая специализация каменных орудий, характерная для неолитической эпохи, увеличивает значение каменной индустрии как источника для исследования разных сторон экономики древнего населения и в конечном итоге уровня его общественного развития. Особенно большие возможности открывает в этом отношении метод функционального микроанализа орудий, основы которого разработаны С. А. Семеновым¹⁷.

Техника обработки камня, ее уровень и особенности являются в большинстве случаев прямым отражением уровня развития производства и косвенно некоторых особенностей хозяйства, технической и шире — культурной традиции, характера природного окружения и многих других факторов, в первую очередь интересующих исследователя, занимающегося проблемами каменного века.

Накопленный к настоящему времени материал по неолиту настолько огромен, что непосредственно ознакомление с ним на сколько-нибудь значительной территории часто практически невозможно. Особое значение в связи с этим приобретают некоторые, в значительной степени условные, понятия, отражающие особенности обработки камня в определенном районе и на определенном отрезке времени. Разное, порой принципиально отличное толкование содержания этих понятий сильно затрудняет сравнительное исследование материала с больших территорий, выделение крупных культурных областей и т. д.

В полной мере это относится к понятиям «микролиты», «микролитическая техника» (или «микролитизм», «микролитическая индустрия»

¹⁵ А. В. Виноградов. Новые материалы для изучения кельтеминарской культуры. МХЭ, вып. 6, 1963, стр. 91—97.

¹⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 64—77; А. А. Формозов. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком. СА, 1957, № 4, стр. 66—74; Он же. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 9, 18, 19.

¹⁷ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957.

и др.). В последнее время отчетливо выявились две точки зрения по этому вопросу.

А. П. Окладников, характеризуя неолит Монголии, пишет, что в нем «нет ничего особенно микролитического, если брать термин «микролитический» в установленном для Запада значении. Здесь нет мелких кремневых изделий геометрически правильных очертаний в виде трапеций, симметричных и асимметричных треугольников, сегментов, и др.»¹⁸ В качестве другого признака микролитической культуры А. П. Окладников называет также «соответствующую технику обработки камня, в том числе специфическую затупливающую края пластинок ретушь», связывая оба эти признака с «конкретными культурно-экономическими традициями капшейской культуры юга»¹⁹.

Другая точка зрения наиболее отчетливо сформулирована А. А. Формозовым. Указывая, что термины «микролитическая техника» и «геометрические орудия» не синонимы и что под процессом микролитизации, происходившим в верхнем палеолите, понимается обычно не появление геометрических изделий, а развитие техники отделения от призматического нуклеуса все более правильных и тонких пластинок и изготовление орудий из них, он пишет: «Основное, что характеризует стоянки степной и пустынной зоны Азии, — это даже не мелкие размеры орудий (маленькие орудия можно найти и в других районах). Главным является высокосовременная специализированная техника выделки орудий, при которой почти все они изготавливаются из ножевидных пластинок, а не из отщепов, причем двусторонняя обработка применяется редко»²⁰.

Это разногласия существенные, принципиальные, и они нашли отражение в обобщающих работах, влияя в известной степени на выводы культурно-исторического характера. А. П. Окладников, автор одного из разделов первого тома «Всемирной истории», утверждает, что никаких отчетливых следов микролитической техники нет ни в Монголии, ни далее на восток — в Китае²¹. А. А. Формозов же, напротив, пишет об огромной зоне культур микролитического типа, охватывающей районы пустынь и степей Азиатской части СССР, а за ее пределами — Монголии и Китая²².

В советской археологической литературе определения «микролитизм», «микролитическая культура» употребляются у разных авторов в равном понимании. Обычно микролитическими называются комплексы,

¹⁸ А. П. Окладников. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура. МИА, № 86, 1960, стр. 66.

¹⁹ Там же, стр. 66. Ту же точку зрения, но в более категорической форме вслед за А. П. Окладниковым высказал В. Е. Ларичев, писавший о «настоящих микролитах, т. е. орудиях геометрической формы». Резко критикуя «ошибочные гипотезы» о микролитическом характере неолита Центральной Азии, Северо-Восточного Китая, Забайкалья и некоторых других территорий, В. Е. Ларичев пишет, что термин «микролитическая культура» по отношению к неолиту Северо-Восточного Китая и Монголии неосторожно и совершенно условно употребляемый первыми исследователями, ввел в заблуждение других последователей. У них это понятие превратилось в аксиому. Как видно из вышеприведенных выдержек, В. Е. Ларичев отождествляет понятия «микролитизм» и «изделия геометрической формы» (В. Е. Ларичев. Неолит Восточного Забайкалья и вопрос о так называемой «микролитической культуре». «Сборник тезисов, докладов и сообщений на научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока». Иркутск, 1960, стр. 31; Он же. К вопросу о микролитическом характере неолитических культур Центральной Азии, Забайкалья и Дунбейя. «Труды Бурятского комплексного НИИ СО АН СССР», серия востоковедения, вып. 3. Улан-Уде, 1960, стр. 31—43).

²⁰ А. А. Формозов. Микролитические памятники Азиатской части СССР. СА, 1959, № 2, стр. 48, 52. Эта точка зрения последовательно проведена и в другой работе того же автора — «Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке». М., 1959.

²¹ «Всемирная история», т. 1. 1955, стр. 105.

²² А. А. Формозов. Микролитические памятники Азиатской части СССР.

содержащие орудия геометрической формы — трапеции, сегменты, треугольники (в дальнейшем мы будем называть их условно «геометрические микролиты традиционных форм») независимо от количества их и характера остальных орудий. Общеизвестным (или по крайней мере широко распространенным) является применение определения «микролитический» по отношению к пластинам с притупленным краем, со скошенным концом и некоторым другим типам изделий из пластин. Наконец, определение «микролитическая культура» довольно часто употребляется и для характеристики развитой пластинчатой индустрии позднепалеолитической и особенно мезолитической и неолитической эпох, обычно в тех случаях, когда сечения ножевидных пластин — с ретушью и без ретуши — широко применялись для оснащения составных орудий. О подобного рода микролитах пишет П. П. Ефименко, характеризуя материальную культуру кроманьонцев²³, О. Н. Бадер по поводу мезолитических находок с р. Чусовой²⁴ и многие авторы при описании пластинчатого кремневого инвентаря неолитических стоянок южных районов СССР²⁵.

Таким образом, вопреки утверждению В. Е. Ларичева, мы встречаемся зачастую с иным, значительно более широким пониманием «микролитизма» и «микролитической техники». Как следует из этимологии слов «микролиты», «микролитический», исследователи, применившие впервые эти определения, хотели подчеркнуть как отличительную черту описываемых ими мезолитических комплексов — большое количество мелких правильно ограниченных ножевидных пластин, их сечений и орудий из них, т. е. общее измельчение каменного инвентаря. Впоследствии было установлено, что характерные для этих комплексов орудия геометрических форм встречаются не только в мезолите, а, с другой стороны, что имеются мезолитические комплексы с совершенной пластинчатой индустрией, мелкими изделиями из сечений пластин, обилием различного типа вкладышей, но без геометрических микролитов традиционных форм — трапеций, сегментов, треугольников.

Возвращаясь к спору о том, что же такое микролиты, и рассматривая обе точки зрения, нетрудно установить в чем их основное различие. Первая из них (А. П. Окладников, В. Е. Ларичев) основывается при определении микролитизма в значительной степени на внешних признаках: наличие или отсутствие среди находок геометрических микролитов традиционных форм. Вторая (А. А. Формозов) рассматривает геометрические орудия лишь как одно из проявлений микролитизма, а последнее понятие — более широко, как определенную технику обработки камня, совершенную технику пластин, характерную для определенного времени и определенных районов.

Последнее нам кажется наиболее правильным. Если геометрические микролиты являются отражением «соответствующей техники обработки камня» (А. П. Окладников), а это может быть только техника рассечения ножевидных пластин на части и дальнейшая их обработка, техника, основывающаяся в конечном итоге на совершенной пластинчатой индустрии, то она может быть выражена и другими признаками: пластинчатыми вкладышами с притупленной спинкой (различных типов) или, ска-

²³ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 291, 292.

²⁴ О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадигевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951, стр. 7—14.

²⁵ Ю. С. Гришин, рассматривая мелкий пластинчатый инвентарь, собранный им на разветвленных донных стоянках долины Онона, пишет: «Обычно исследователи называли его микролитическим. Однако А. П. Окладников и В. Е. Ларичев возражают против такого названия» (Ю. С. Гришин. Древние памятники среднего течения р. Онона. «Монгольский археологический сборник». М., 1962, стр. 76).

жем, геометрическими изделиями иных, нетрадиционных форм. Вправе ли мы подобные комплексы называть микролитическими?

Если допустить, что единственным определяющим признаком микролитизма являются геометризированные изделия, то почему в число микролитических не включаются памятники, дающие изделия прямоугольной формы, в виде параллелограмма, вкладыши с притупленной спинкой в виде асимметричных вытянутых треугольников, наконец, очевидно, близкие функционально традиционным геометрическим микролитам необработанные сечения пластин различных форм? Так, в картах и сводках по микролитам Европейской части СССР²⁶ не получили отражение ни мезолитическая стоянка Елип Бор со своеобразными мелкими вкладышами прямоугольной формы²⁷, ни неолитический Оленеостровский могильник, где мелкие изделия из пластин правильных геометрических очертаний — прямоугольники с круговой ретушью — найдены в пазах костяных ос-
нов²⁸.

Можно поставить вопрос несколько в ином плане. Известно, например, что многослойный памятник эпохи мезолита и неолита — пещера Джебел — показывает непрерывающуюся культурно-этническую и техническую традицию. А. П. Окладников справедливо указывает на «преемственность в формах каменных изделий и технике их изготовления на всем протяжении времени, когда грот служил местопребыванием человека»²⁹. Все основные приемы обработки кремня — общие для всех десяти слоев пещеры, однако два нижних и четыре верхних слоя не дали геометрических микролитов. Можно ли кремневый инвентарь этих слоев называть микролитическим? И, с другой стороны, можно ли называть микролитическими кремневые комплексы позднего мезолита и раннего неолита Десны, дающего устойчивые серии изделий геометрической формы — треугольников — и основную массу орудий из крупных отщепов и обломков³⁰, или раннемезолитические комплексы Днепровских порогов, для которых характерны грубые крупные трапеции³¹.

Очевидно, в связи с этим было бы ошибкой отождествлять микролитизм и изделия геометрических форм. Точка зрения А. А. Формозова, рассматривающая это явление прежде всего как определенную технику обработки кремня, нам кажется более правильной. Основным исходным моментом микролитической техники является совершенная пластинчатая индустрия и изготовление подавляющего большинства орудий из ножевидных пластин. Другим, не менее важным — техника расщепления пластины на части и использование сечений с дополнительной обработкой или без обработки. Микролитическая техника в таком ее понимании предполагает высокий уровень развития вкладышей техники. Форма и степень совершенства последней могут быть различными и зависят от многих причин: местной технической традиции, уровня техники обработки камня и др. Геометричность вкладышей обусловлена самой формой сечения пластины, а геометрические микролиты традиционных форм — сегменты, треугольники и трапеции — можно рассматривать лишь как одно из прояв-

²⁶ А. А. Формозов. Из истории передвижений групп первобытного человека в эпоху мезолита. СЭ, 1953, № 4, стр. 169; Он же. Этнокультурные области..., стр. 82—106.

²⁷ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXIX, 1950, стр. 99—101, рис. 33, 78.

²⁸ Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, 1956, стр. 117, рис. 70, 15, 21, 25—26, 28. В. А. Равдоникас совершенно справедливо называл эти изделия микролитами (см. там же, стр. 20 и др.).

²⁹ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. VII, Ашхабад, 1956.

³⁰ М. В. Воеводский, А. А. Формозов. Стоянка Песочный ров. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 47.

³¹ А. А. Формозов. Этнокультурные области..., стр. 73, 74.

лений микролитизма, наиболее выразительное, вызванное высокой специализацией составных вкладышей, совершенствованием подгонки их в пазах основы в прямое или зубчатое лезвие.

В разных культурах и даже в одной культуре на разных ее этапах микролитическая техника может иметь своеобразное, характерное только для определенного времени и определенной территории внешнее выражение.

Каменная индустрия среднеазиатского степного неолита (так же как и неолитических памятников некоторых сопредельных территорий), бесспорно микролитическая по характеру техники, демонстрирует один из таких вариантов. На материалах кельтеминарских памятников можно проследить главные особенности техники обработки камня в неолите на этой территории. В основе ее у кельтеминарцев лежит прием, составляющий, как нам представляется, одну из основ микролитической техники вообще — преимущественное использование для изготовления орудий не целых пластин, а их сечений. Вкратце мы уже касались этой темы при рассмотрении кремневых коллекций со стоянок Джанбас 12, Кават 7 и др. (см. главу II).

Не касаясь сейчас законченных обработкой каменных орудий, убедительно подтверждающих это положение, рассмотрим еще раз группу изделий, фигурирующую обычно в археологическом описании как ножевидные пластины без ретуши.

В коллекциях со стоянок с пластинчатой индустрией они составляют обычно значительную группу находок. Предполагается, что часть сечений пластин без какой-либо подправки использовалась в обиходе, в частности, в качестве вкладышей лезвий. Это подтверждается документально и исследованием следов сработанности и многочисленными находками костяных основ с необработанными пластинами в пазах.

Просмотр довольно большой серии (около 700 экз.) необработанных обломков ножевидных пластин со стоянки Кават 7, а затем ряда других более мелких развезенных стоянок Акча-Дарьи, Внутренних Кызылкумов и Устюрта дал очень интересный результат. Оказалось, что среди них не так уж много пластин, пригодных для дальнейшей обработки или использования как таковых. Из 680 обломков со стоянки Кават 7 только 200 с небольшим могли быть использованы полностью в дальнейшем. 182 обломка (около 30%) представляют собой короткие сечения верхней части пластин с ударной площадкой и отбивным бугорком. Среди остальных, кроме малопригодных, изогнутых, с остатками желвачной корки и т. д., много (примерно 15% от общего количества) коротких обломков нижней части пластин, как известно, часто изогнутой, скошенной или суженной.

О преднамеренном дроблении пластин и о широком распространении этого приема у кельтеминарцев свидетельствует и еще одна группа кремневых находок, характерных в той или иной степени для стоянок Акча-Дарьи. Мы имеем в виду короткие обломки верхней части пластин со следами преднамеренной подготовки для рассеечения в виде легких выемок по одной, чаще по обеим сторонам пластины. Последние образованы обычно крутой ретушью. В материалах Кават 7 их насчитывается около 60 экз. Иногда встречаются целые пластины с симметрично (иногда слегка асимметрично) расположенными легкими выемками, отделяющими верхнюю часть пластины. Несомненно, это свидетельства специальной техники рассекания пластины в заранее намеченном месте, аналогичной в целом технике обработки пластин и пластинчатых отщепов, характерной для себильской культуры долины Нила³².

³² E. Vignard. Les stations et industries sebiliennes du Burg el Makkazin. Region de Kom-Ombo (Haute Egypte). «Bulletin de la Société préhistorique française», t. 42, fasc. 8. Paris, 1953, p. 691—702.

Следует отметить в связи с этим, что в некоторых микролитических комплексах эпохи мезолита и неолита единично или небольшими сериями обнаружены пластины с маленькими противолежащими выемками. А. А. Формозов, выделивший серию таких изделий в материалах Нижнешиловской стоянки и предложивший называть их пластинами с выделенной головкой, отмечает, что они встречаются в материалах Кистрика на Кавказе, на стоянках Шубин и Кляяци в Белоруссии, Гулин в Польше³³. Пластины с выделенной головкой встречаются и в памятниках мезолита и неолита Средней Азии, в частности в Джебеле³⁴, и, как отмечалось, на кельтеминарских стоянках. На территории Казахстана пластинки с выделенной головкой известны по материалам сборов Белослюдовых на семипалатинских дюнах³⁵. Имеются они и на некоторых стоянках Зауралья³⁶. Все эти изделия делятся на два типа: 1) выемки оформляют пластину с отсеченной верхней частью; 2) выемки выделяют верхнюю часть пластины с ударной площадкой и отбивным бугорком. Таковы, в частности, пластины приведенные в работе А. А. Формозова. Они аналогичны большинству кельтеминарских изделий подобного рода. Аналогии с нагуйфийскими и гелуанскими материалами, проведенные А. А. Формозовым, в данном случае не кажутся вполне убедительными. Дело в том, что и палестинские, и египетские пластины (вернее изделия из них) выступают уже в препарированном виде, т. е. с удаленными уже утолщенными и искривленными концами пластины. Назначение выемок у поздненагуйфийских и гелуанских пластинчатых наконечников стрел не вызывает сомнений: они сделаны для более удобного прикрепления к древку³⁷. Вероятно, с подобными же целями делались и мелкие противолежащие выемки у пластин первого типа, хотя не исключено, что часть их использовалась аналогично широко распространенным выемчатым пластинам. Вопрос же о назначении пластин первого типа нельзя считать решенным. Характерно, что они, в отличие от многих других форм, нигде не составляют сколько-нибудь значительных серий. Исходя из этого и учитывая наши наблюдения над пластинчатыми отходами, можно предполагать, что по крайней мере часть этих изделий находилась в стадии подготовки к отсечению бугорка. Небезынтересно было бы в связи с этим рассмотреть кремневый материал тех комплексов, где они встречаются, с этой точки зрения.

Нельзя не заметить, что у многих пластин с выделенной головкой (второго типа) ретушированы и боковые края ниже выемок. Характер оформления краев, судя по кельтеминарским материалам, может быть совершенно различным. Это обстоятельство как будто бы подтверждает предположение о том, что выемки служили для прикрепления изделия к рукояти. Не исключая для некоторой части изделий подобного назначения, отметим, однако, что ретушировать целую пластину было удобнее, чем короткое ее сечение. Поэтому, возможно, утолщенный верхний конец ее отделялся в нужном месте после обработки всей пластины.

Мы уже говорили, что микролитическая техника предполагает, на наш взгляд, высокую ступень развития вкладышей техники. Изобилие различного типа вкладышей — одна из характерных черт инвентаря кельтеминарских стоянок. В материалах Кават 7 примерно из 1000

³³ А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 102, 1962, стр. 138, рис. 22, 1—5, рис. 23, 1—7.

³⁴ А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 83.

³⁵ Коллекция хранится в МАЭ, № 3211.

³⁶ Н. П. Кипарисова. Чебаркульская неолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 56, рис. 16, 2.

³⁷ Г. Чайлд. Древний Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 62.

орудий, свыше 400 являются пластинчатыми вкладышами. При этом мы не учитываем ретушированных сечений пластин, использование части которых в качестве вкладышей очень вероятно. Подобное же соотношение характерно и для большинства остальных кельтеминарских стоянок.

Среди ретушированных вкладышей стоянки Кават 7 можно выделить три типа, представленных каждый примерно равным количеством изделий.

Первый — небольшие сечения правильно огранных пластин с легкой приостряющей краевой ретушью по одной или обеим сторонам, часто противоположащей.

Второй — так называемые «пластины с ломаным лезвием». Техника изготовления их и главные морфологические признаки описаны в главе II (см. стр. 102).

Третий — различного типа пластины с притупленным краем (или, как их еще называют, пластины с притупленной спинкой).

Большинство вкладышей первого типа не дали следов сработанности, и говорить о их применении в каких-либо определенных составных орудиях можно лишь предположительно. Пластины с ломаным лезвием, в целом более прочные и массивные, как показал микроанализ, использовались частично для изготовления орудий домашнего обихода или вспомогательных охотничьих — ножей, пилок и др.

Наиболее интересны вкладыши третьего типа — с притупленным краем. Ареал распространения их — территориально и во времени — очень широк. На территории Европейской части СССР они появляются в самом начале позднего палеолита (нижний горизонт Тельманской стоянки). То же самое показывает и кавказский материал. Позднее на этих территориях они получают широкое распространение и являются одним из показателей зарождающейся микролитической техники обработки камня³⁸. В мезолитическое время эти изделия встречаются на большинстве памятников лесостепной и лесной зоны Восточной Европы, где они бытуют на протяжении всего мезолита³⁹, в то время как в Крыму, где они очень характерны для верхнего палеолита, пластинки с притупленным краем исчезают в самом начале мезолита⁴⁰. Напротив, на Кавказе они проходят через весь мезолит и сохраняются, возможно, и в раннем неолите⁴¹. Различные типы подобного рода изделий характерны для микролитических индустрий — верхнепалеолитических, мезолитических и раннеолитических — Северной Африки и Ближнего Востока⁴². Ни на

³⁸ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 325 и др.; С. Н. Замятин. Палеолит Западного Закавказья. «Сборник МАЭ», т. XVII, стр. 452 и сл.; Он же. Новые данные по палеолиту Закавказья. СЭ, 1935, № 2, стр. 117, рис. 2.

³⁹ А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА, XXI, 1954, стр. 38—51; А. Д. Столяр. Первый Васильевский мезолитический могильник. «Археологический сборник», издание Гос. Эрмитажа, вып. I, JL, 1959, стр. 144.

⁴⁰ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 39—42. Пластинок с притупленным краем нет и в близких культурно крымским мезолитическим памятниках Днепровских порогов. Все это позволило А. Д. Столяру утверждать, что пластинки с притупленным краем «с правом могут рассматриваться в качестве одного из отличительных признаков локальных (в основе — этнических или же протоэтнических) групп мезолита» (А. Д. Столяр. Указ. соч., стр. 144).

⁴¹ А. А. Формозов. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе. СА, 1963, № 4, стр. 183—187; Н. О. Бадер. О соотношении культуры верхнего палеолита и мезолита Крыма и Кавказа. СЭ, 1961, № 4, стр. 21, 22.

⁴² Сводку литературы см.: Н. О. Бадер. О соотношении верхнепалеолитических и мезолитических культур Крыма, Кавказа и Ближнего Востока. Доклад на VII МКАЭН. М., 1964; В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 82—120.

одной из этих территорий до эпохи позднего неолита пластины с притупленным краем не доживают.

Из близких территориально и культурно к среднеазиатским можно отметить лишь неолитические памятники Урала и Зауралья, в которых пластины с притупленным краем (первого типа, см. ниже) характерны для раннего неолита, а единично встречаются и позднее⁴³.

На территории Средней Азии и Казахстана они встречены почти всюду в неолитических памятниках с пластинчатой индустрией, однако в разных районах их роль в кремневом инвентаре существенно различна. В восточноказахстанских стоянках они встречаются лишь изредка и не составляют сколько-нибудь существенных серий⁴⁴. На западноказахстанских, приаральских стоянках с микролитическим инвентарем они встречены уже в значительно большем количестве⁴⁵⁻⁴⁷. Наиболее полно они представлены в материалах кызылкумских и каракумских памятников эпохи мезолита и неолита. В Джебеле они появляются со слоя 5—6⁴⁸. Очень характерны они для неолитических памятников Северо-Западной Туркмении⁴⁹, стоянок Узбоя⁵⁰ и Центральных Каракумов⁵¹. В Кызылкумах, кроме кельтеминарских памятников Акча-Дарья, крупные серии пластин с притупленным краем имеются в материалах южнокызылкумских махандарьинских стоянок⁵², и на всех, известных к настоящему времени неолитических и энеолитических памятниках Внутренних Кызылкумов⁵³.

На кельтеминарских стоянках Акча-Дарья и некоторых других памятниках степного неолита Средней Азии, как мы уже отмечали, выделяются несколько типов пластин с притупленным краем — сечения пластин различной длины, преимущественно узких, с очень крутой, почти вертикальной ретушью по одной из сторон, отсекающей часто до $\frac{1}{3}$ пластины.

Более совершенной их разновидностью являются пластины с притупленным краем и одним или двумя обработанными концами (рис. 63, 1—5). Последние достигают иногда длины в 4—5 см и имеют

⁴³ На этих территориях, несмотря на относительно слабую изученность палеолитической и мезолитической эпох, бытование пластин с притупленным краем можно проследить с позднего палеолита и до неолита (О. Н. Бадер. Основные этапы этнокультурной истории и палеографии Урала. МИА, № 79, 1960, стр. 92 сл.; Г. Н. Матюшин. К изучению мезолита и неолита Башкирии. «Археология и этнография Башкирии», т. II. Уфа, 1964, стр. 32—41; Он же. Мезолит и неолит Башкирии).

⁴⁴ Г. Ф. Коробкова. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма. «Новые методы в археологических исследованиях». М.—Л., 1963, стр. 231. См. также неопубликованные материалы обширных сборов бр. Белослюдовых и В. И. Каменского в районе Семипалатинска, фонды МАЭ, колл. № 3241, 1726.

⁴⁵⁻⁴⁷ А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане, стр. 141. Интересно в связи с этим, что неолитические стоянки Устюрта почти не дают пластин с притупленной спинкой; Е. Бижанов, А. В. Виноградов. Неолитические памятники Каракалпакского Устюрта. «Вестник ККФАН УзССР», 1965, № 2, 3.

⁴⁸ А. П. Окладников. Пещера Джебел... стр. 194. В 6 и 7 слоях их нет, в 8, самом нижнем, найдена лишь одна пластина с притупленным краем.

⁴⁹ Г. Е. Марков. Раскопки первобытной стоянки Оюкль, стр. 70—82.

⁵⁰ М. А. Итина. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя. ТХЭ, т. II, 1957, стр. 259—310; «Низовья Аму-Дарья, Сарыкамыш, Узбой», стр. 292—315.

⁵¹ А. А. Марущенко. У истоков культуры. Следы протонеолитических культур в Кара-Кумах, «Туркменоведение», № 7—9, 1931; А. П. Окладников, С. Г. Кляшторный. Археологические работы в Центральном Кара-Кумах.

⁵² У. Исламов. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана, автореферат кандидатской диссертации. Л., 1963; Он же. Новые данные о кельтеминарской культуре на Махан-Дарье. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6. Ташкент, 1965, стр. 49.

⁵³ Н. И. Вактурская. Указ. соч., стр. 41—44. Из неопубликованных материалов отметим стоянки в районе Ливляганских озер, находки из Аланды, Аккыра, Кокпатаса, Джилаиды и других мест. Материал хранится в фондах Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР.

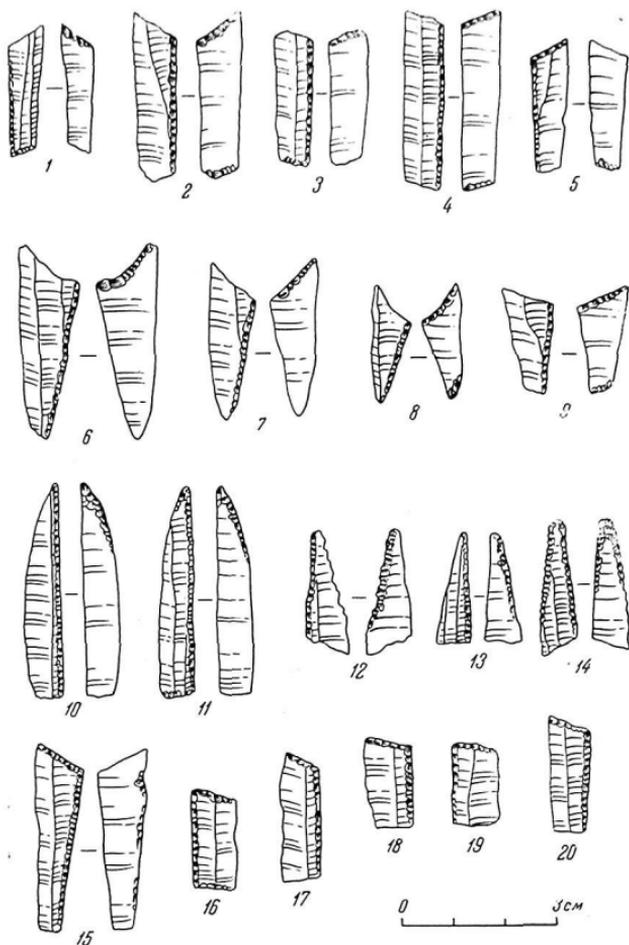

Рис. 63. Кельтеминарские вкладыши типа «с притупленным краем»

1, 6 — со стоянки Джанбас 4 (нижний слой); 2—5, 9, 13—14, 20 — со стоянки Кават 7; 7 — со стоянки Кургашии Г; 8 — со стоянки Джанбас 12; 10—11 — со стоянки Дингильдже 6; 12 — со стоянки Мамур 4; 15 — со стоянки Байрам-Казган 1; 16 — со стоянки Мамур 4; 17, 19 — со стоянки Мамур 3; 18 — со стоянки Джанбас 5

форму, близкую к параллелограмму или прямоугольнику. Один конец этих изделий обычно более узкий, и это не является следствием первоначальной формы пластины, а сделано преднамеренно. Более широкий конец обрезался прямо или косо крутой ретушью, чаще всего со стороны брюшка. При скошенном конце, иногда подчеркнутым легкой выемкой, на углу пластины, противоположном притупленной стороне, образовалось косое острие. Противоположный узкий конец обработан, как правило, противоположающей ретушью, обычно более пологой.

Изделия этого типа, в отличие от собственно пластин с притупленным краем, не имеют широкого распространения и составляют специфику отдельных районов в определенное время. Наиболее ранние на территории СССР и очень близкие по морфологическим признакам аналогии им имеются в материалах южнорусских позднелеолитических стоянок Камен-

ная балка I и II⁵⁴ и особенно кавказских⁵⁵ и некоторых ближневосточных памятников этого же времени⁵⁶. Отмечено, что подобного рода изделий в более поздних памятниках становится больше, однако дальше конца мезолита — раннего неолита они не идут⁵⁷.

Кельтеминарские изделия описываемой формы могут также быть сопоставлены с несколькими более ранними и одновременными изделиями — пластинчатыми вкладышами с одним или обоими прямосрезанными ретушью концами, но без крутой притупливающей ретуши по одной из сторон. Нам известны такие изделия со стоянки Елин Бор на Оке, Оленеостровского могильника, одиннадцатого слоя Улан-Ходы, со стоянок Азопкино (Башкирия), Усть-Нарым (Восточный Казахстан), Агиспе (Западный Казахстан) и других мест⁵⁸. Большинство пунктов с находками подобного рода относятся к концу мезолита и неолиту; за отдельными исключениями (Елин Бор, Оленеостровский могильник) пластины эти встречаются единично.

Разновидностью вышеописанных орудий являются изделия треугольной, или близкой к треугольной формы (рис. 63, 6—9). Внешне они очень напоминают некоторые из типов асимметричных треугольников и треугольных острий, хорошо известных по позднелеолитическим и мезолитическим памятникам Кавказа и Ближнего Востока. Близки к ним они, по-видимому, и функционально, однако отличаются характером обработки. В основе это та же пластина с притупленным краем и одним или двумя обработанными концами. Крутая ретушь со спинки рассекает пластину почти по диагонали, срезая часть ребра. Широкий конец пластины — меньшая сторона асимметричного треугольника — обрабатывался с брющка; в этом первое отличие описываемых орудий от асимметричных треугольников. Обычно он сильно скошен, часто имеет хорошо выраженную полукруглую выемку. Острый выступ, образованный широким концом и необработанной стороной пластины, иногда усиливается легкой выемкой со стороны последней.

Противоположный конец пластины почти никогда не имеет формы правильного треугольника со сходящимися в одной точке концами. В этом другое их существенное отличие от микролитов — асимметричных треугольников. Сохранившаяся узкая часть торца пластины обычно скошена крутой ретушью, иногда не обработана совсем, т. е. здесь соблюдается

⁵⁴ М. Д. Гвоздовер. Разведки палеолита на Нижнем Дону. «Изв. Ростовского обл. музея краеведения», № 1 (3). Ростов н/Д., 1959; Ее же. Палеолитическая экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ в 1959—1960 гг. «Вопросы антропологии», вып. 7, 1961.

⁵⁵ С. Н. Замятин. Палеолит Западного Закавказья. I. Палеолитические пещеры Имерети. «Сборн. МАЭ», XVII, 1957, стр. 462—487; Г. К. Никорадзе. Палеолит Грузии. «Труды II Международной конференции АИЧПЕ», т. IV, 1934; Б. А. Купфин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 120—123; рис. 128; М. К. Габуния. Палеолитические остатки из Эдзсанской (Бармаксызской) пещеры. «Труды ИИАН Груз. ССР». Тбилиси, 1965.

⁵⁶ Изделия близких к описанному типов наиболее характерны для памятников кебарийского типа Палестины (Н. О. Бадер. О соотношении верхнелеолитических и мезолитических культур Крыма, Кавказа и Ближнего Востока, стр. 6, 7).

⁵⁷ Н. О. Бадер. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита. СА, 1965, № 4, стр. 10, 11.

⁵⁸ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы, стр. 100; А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР, стр. 45; Он же. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, стр. 50—52; Он же. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 52; Н. Н. Гурпина. Оленеостровский могильник, стр. 117; Л. П. Хлобытин. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале. КСИИМК, вып. 97, 1964, стр. 26—28, рис. 7; Г. Н. Матюшин. Стоянки с микролитическим инвентарем в горной Башкирии. КСИИМК, вып. 97, 1964, стр. 67—70; Г. Ф. Коробкова. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма, стр. 228, 229.

тот же принцип обработки, что и у пластин с притупленным краем и одним или двумя обработанными концами. Эти изделия являются специфически кельтеминарскими.

Наряду с ними имеются орудия треугольной или подтреугольной формы (асимметричные), у которых обе стороны треугольника обработаны крутой ретушью со спинки. Они встречаются реже (рис. 63, 15). Наиболее близкие им по времени аналогии имеются в материале Джебельской пещеры⁵⁹.

Наконец, последним вариантом пластин с притупленным краем являются изделия в форме подтреугольного асимметричного острия (рис. 63, 10—14). От вышеописанных они отличаются характером обработки острия, образованного крутой притупляющей ретушью по одной стороне и тонкой полой, со стороны брюшка — по другой. Противоположный острию конец пластины иногда обработан крутой ретушью. Изделия этого типа встречаются на кельтеминарских стоянках довольно редко.

Существенным при характеристике особенностей кельтеминарской кремневой индустрии является то обстоятельство, что все перечисленные выше орудия так же, как и некоторые другие, — пластины с выемками, пластинчатые одношипные наконечники стрел, встречающиеся на других территориях обычно в более раннее время, бытуют здесь до конца неолита. Нами уже отмечалось, что на позднекельтеминарских стоянках Акча-Дары значительно чаще встречаются двусторонне обработанные наконечники стрел, чем на ранних. Однако даже в это время господствующая роль пластинчатых наконечников бесспорна. Достаточно привести данные о количественном соотношении этих двух типов наконечников:

Тип наконечников	Ранняя группа	Средняя группа	Поздняя группа	Всего
Наконечники стрел двусторонне обработанные, разных форм	2	4	8	14
Наконечники стрел пластинчатые, одношипные (кельтеминарского типа)	6	38	12	56

Ту же самую тенденцию к количественному сокращению к концу неолита (не исчезая, однако, полностью до самого конца его) показывают и изделия типа с притупленным краем. В основном это происходит за счет изделий с обработанными концами: собственно пластинки с притупленной спинкой доживают в дельте до энеолита (камышлинский этап суярганской культуры)⁶⁰.

Вопрос о назначении различного типа мелких пластинок с притупленным краем долгое время был дискуссионным. Полемизируя с Д. Пейрони, трактовавшим эти изделия в позднелеолитических памятниках как вкладыши для составных орудий, П. П. Ефименко предполагал их использование в качестве ножичков для подрезания волос. Не отрицая в принципе возможность использования их в качестве вкладышей, он по-

⁵⁹ А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 91, рис. 54, 2; стр. 157, рис. 94, 5.

⁶⁰ На одной из камышлинских стоянок найдена пластина с притупленным краем и скошенным крутой ретушью (со спинки) концом (С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суярганской культуры. СЭ, 1960, № 1, стр. 20, рис. 5).

гагал, ссылаясь на отсутствие каких-либо положительных данных, что эта функция пластин с притупленным краем более характерна для эпилеолита⁶¹. В настоящее время вкладышевые функции пластин с притупленным краем признаются большинством исследователей. Это доказано, в частности, находками их *in situ* в пазах костяной основы со стоянки Талицкого⁶² и косвенно данными микроанализа таких пластин из Амвросиевского костяка. Последнее показало отсутствие на них каких-либо следов сработанности, что исключает как будто бы их использование в качестве орудий домашнего обихода⁶³.

Таким образом, можно считать, что уже в наиболее ранних формах пластины с притупленным краем выступают как вполне специализированные изделия — вкладыши.

Прямых указаний на использование этих орудий в эпоху неолита мы не знаем. Тем не менее трудно даже предполагать какое-либо другое их назначение в это время. Вместе с тем даже при характерной для неолита высокой специализации каменных орудий, нельзя исключить их побочное использование и для других целей. Известно, например, что такие высокоспециализированные изделия, как пластинчатые наконечники стрел кельтеминарского типа, употреблялись в качестве сверл⁶⁴. Но это явление, несомненно, уже иного, вторичного порядка.

Прямоугольные пластины с притупленным краем, в том числе и с ретушированными концами, употреблялись, очевидно, для оснащения прямолезвийного охотничьего оружия. Прекрасный материал для реконструкции этих изделий дает Оленеостровский могильник, в котором сохранились орудия, оснащенные вкладышами прямоугольной или близкой к ним формы, сделанные, однако, без применения притупляющей ретуши⁶⁵.

Вместе с прямоугольными вкладышами в одном орудии применялись и пластины с притупленным краем и асимметричным острием на одном конце. Это, безусловно, не проколки, как полагает Г. Ф. Коробкова и вслед за ней У. Исламов⁶⁶, а специализированные вкладыши, отдель-

⁶¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938, стр. 399. В последнем переработанном издании книги П. П. Ефименко высказывает по существу ту же точку зрения, относя эти изделия к числу орудий, связанных с домашним обиходом — раскраиванием и шитьем меховой одежды и пр. и считая, что в качестве вкладышей они более характерны для конца позднего палеолита и мезолита (П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 336, 377, 452, 533, 563 и др.). С мнением П. П. Ефименко о целевом назначении пластин с притупленным краем сейчас трудно согласиться. Однако следует учитывать, что эти изделия могли быть использованы в верхнепалеолитическое время побочно, для различных целей, в значительно большей степени, чем позднее.

⁶² М. Д. Гвоздовер. Вкладышевые наконечники с палеолитической стоянки Талицкого. «Уч. зап. МГУ», вып. 158. «Ископаемый человек и его культура на территории СССР». М., 1952, стр. 207—210; О. Н. Бадер. Первоначальное заселение Урала и Волгокамья человеком. «Уч. зап. Молотовского гос. университета», т. V, вып. 2, 1947, стр. 93.

⁶³ П. И. Борисковский отмечает, что микропластинки с притупленным краем располагались в костяке отдельными компактными группами (П. И. Борисковский. Раскопки в Амвросиевке и проблема палеолитических культурных мест. КСИИМК, вып. XXXVII. М.—Л., 1951, стр. 12—14). Интересны в этом плане и наблюдения А. Д. Столяра, сделанные при раскопках одного из погребений (№ 17) Первого Васильевского могильника. Среди костей скелета было найдено шесть небольших обломков пластин с притупленным краем, в том числе одна с косо срезанным крутой ретушью концом. Учитывая отсутствие каких-либо кремневых находок в остальных погребениях и некоторые другие данные, А. Д. Столяр рассматривает эту серию однотипных орудий как оснащение какого-то метательного орудия, поразившего покойного (А. Д. Столяр. Указ. соч., стр. 107, 92, рис. 15, 1—7).

⁶⁴ У. Исламов. Кельтеминарская культура на Махан-Дарье. «Научные работы и сообщения». Ташкент, 1961, стр. 262.

⁶⁵ Н. Н. Гурина. Указ. соч., стр. 117, рис. 70, 15, 21, 25, 26, 28.

⁶⁶ Представление о том, что все изделия этого типа проколки, основано на наличии у некоторых изделий из Усть-Нарыма следов заполированности на кон-

ные из которых могли быть использованы побочно или вторично в качестве проколов. О том, что это — один из видов пластинчатых вкладышей типа с притупленным краем, свидетельствует и обработка противоположного острия конца пластины, и мелкозубчатая ретушь по краям острия у некоторых изделий. Для проколов эти признаки не характерны.

В свое время нами была предложена реконструкция орудия о применении вкладышей этого типа⁶⁷. Материал Оленеостровского могильника подтверждает такую реконструкцию. Среди микролитического типа вкладышей здесь имеются узкие пластинки с острым концом, которые, как правило, вставлялись по краям, замыкая собой вкладышевый ряд и образуя тем самым правильную прямую линию края орудия, в особенности со стороны его ударного конца⁶⁸.

Пластинки треугольной и подтреугольной формы, видимо, идентичны функционально асимметричным треугольникам и трапециям. Несмотря на очень широкое (территориальное и хронологическое) распространение последних, прямых свидетельств об их применении все еще очень мало. Большинство исследователей считают, что они являлись вкладышевыми лезвиями⁶⁹. С. Н. Замятин, в частности, считал весьма вероятным употребление геометрических микролитов, особенно трапеций и вытнутых треугольников для изготовления зубчатых гарпунов, и предложил реконструкцию такого изделия⁷⁰. Форма и характер обработки кельтеминарских треугольников (притупленная длинная сторона, косая, часто выемчатая короткая сторона) позволяют с достаточным основанием считать их лезвиями-вкладышами для оснащения мелкозубчатого охотничьего и рыболовческого снаряжения — копей, гарпунов и т. д.

ИЗ ИСТОРИИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АКЧА-ДАРЬИ

Из общих вопросов истории кельтеминарского населения Хорезма до сих пор наибольшее внимание исследователей привлекал вопрос об истоках кельтеминарской культуры. Наиболее важным результатом было выяснение общности исходного пласта — мезолитического, лежащего в основе как раннеземледельческих культур Южной Туркмении, так и культур охотников и рыболовов степей и пустынь севера Средней Азии. Последнее обусловило и тесные контакты между этими резко различными по хозяйст-

пе острия (Г. Ф. Коробкова. Результаты изучения производственных функций..., стр. 231). Аналогичные ачкадарьинским изделия со стоянок Махан-Дарьи и большинство близких им орудий из Усть-Нарыма не показывают линейных следов сработанности.

⁶⁷ А. В. Виноградов. Новые неолитические находки..., стр. 72, 73, рис. 8, 12—13, рис. 10.

⁶⁸ Н. Н. Гурина. Указ. соч., стр. 116, 117, рис. 2, 3, 5.

⁶⁹ Наиболее полную сводку материалов по вопросу о назначении геометрических микролитов см.: С. Н. Бибиков. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических обществ Крыма. «Уч. зап. ЛГУ», Л., 1949, № 85, серия историч., вып. 13, стр. 20—23. Микроисследование трапеций из памятников джейгунской культуры показало, что часть их имеет зеркальную заполировку и, видимо, использовалась в качестве вкладышей для серпов (О. К. Бердыев, Г. Ф. Коробкова. Производственные функции каменных и костяных орудий из Чагылы-деше. «Известия АН Туркм. ССР, серия обществ. наук», 1964, № 6). Отметим также сообщение Г. Чайлда об экспериментах Лики, показавших, что «дротики с микролитическими вкладышами являются особенно эффективным оружием при охоте на определенные виды дичи (Г. Чайлд. Древний Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 51, 52).

⁷⁰ С. Н. Замятин. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. «Пролемы истории первобытного общества. Тр. Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия», т. LIV. М.—Л., 1960, стр. 86, 87, рис. 1.

ву и образу жизни группами древнего населения, контакты, выразившиеся в сходстве некоторых важных элементов культуры⁷¹.

Вопрос о влиянии высокоразвитой культуры юга Средней Азии на культуру охотников и рыболовов севера имеет отнюдь не узколокальный, среднеазиатский интерес. Значение этих исследований выходит далеко за пределы Средней Азии. Сейчас совершенно ясно, что районы Северного Закаспия и Приаралья явились в каменном веке и позднее районами контакта населения Средней Азии и более южных районов, с одной стороны, и Урала и Зауралья, с другой. Многочисленные соответствия в культуре населения каменного века этих территорий, в частности неолита, общеизвестны. Правда, некоторые из них интерпретируются по-разному и в ряде случаев прямо противоположно. Так, близкие аналогии в орнаментике ранней керамики — кельтеминарской и нижнеобской — рассматриваются большинством авторов как результат южных влияний на культуру неолитического населения Нижней Оби или даже как результат участия кельтеминарского этнического компонента в сложении неолитической культуры на этой территории⁷². Однако существует и прямо противоположное мнение⁷³.

Так же противоречиво интерпретируются и менее выразительные, но заметные соответствия в материальной культуре, особенно в орнаментике кельтеминарской, с одной стороны, и шигирской и горбуновской культур, с другой⁷⁴.

Нам уже приходилось высказывать свою точку зрения по этим вопросам⁷⁵. Отметим, что в свете новых данных о южном происхождении многих культурных проявлений кельтеминара, в том числе и характерных в более или менее модифицированном виде для северных культур, факты кельтеминарского культурного влияния на севере представляются нам еще более убедительными. Несомненно, что наибольшая часть их приходится на раннекельтеминарское (или даже предкельтеминарское) время.

Вместе с тем нельзя отрицать и фактов обратного культурного влияния. Новые позднекельтеминарские материалы дают, как нам кажется, возможность документально это проследить.

Как отмечалось выше (см. главы II и III), наиболее характерным для орнамента керамики стоянок поздней группы является «качалка» — зубчатая (преимущественно) и гладкая. Этот тип орнамента чрезвычайно широко распространен в пределах дельты, с одной стороны, и полностью отсутствует в керамике стоянок не только ранней, но и средней групп, с другой. Все это свидетельствует как будто об отсутствии у этого орнамента местных корней. В этом нас убеждает и очень выразительная картина распространения поздненеолитической керамики с оттисками «качалки» на территории Средней Азии. Насколько нам известно, западнее Аму-Дарьи такая керамика не встречена ни разу. Восточнее, в Кызылкумах, южная граница ее распространения определяется довольно четко: южнее Бешбулака⁷⁶ она неизвестна. Это подтверждается и материалами с Махан-

⁷¹ А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 211; А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, стр. 44; В. М. Массон. Древняя Азия и Древний Восток, стр. 178.

⁷² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1949, стр. 71; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, МИА, № 35, 1953, стр. 60; А. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 33 и сл.

⁷³ А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 213—215.

⁷⁴ С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 71; А. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 29; В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956, стр. 147—149.

⁷⁵ А. В. Виноградов. Кельтеминарская культура, стр. 14; А. В. Виноградов, М. А. Итина. Рецензия на VII том «Трудов ЮТАКЭ». СЭ, 1959, № 1, стр. 160.

⁷⁶ Н. Н. Вактурская. Указ. соч., стр. 44.

Дарья⁷⁷ и данными последних работ в районе Лявлякана (Внутренние Кызылкумы). В 1965 г. здесь работами Южнокызылкумского отряда Хорезмской экспедиции было обследовано более ста разветвленных неолитических и энеолитических стоянок с богатыми керамическими материалами, и ни одна из них не дала сосудов с оттисками «качалки». Таким образом, можно считать, что ни для неолита, ни для энеолита Средней Азии орнамент, нанесенный оттисками «качалки», не характерен. Акча-Дарья и прилегающие к ней с юга и востока северные районы Внутренних Кызылкумов являются по существу лишь южной периферией обширной территории распространения в позднем неолите и энеолите орнаментики этого типа. Отметим еще раз, что, говоря об Акча-Дарье (вероятно, это относится и к северным районам Внутренних Кызылкумов), мы имеем в виду лишь заключительный этап кельтеминара — стоянки поздней группы.

Если учесть значительное своеобразие форм и особенно орнаментики керамики акчадарьинских стоянок ранней и средней групп, то, очевидно, широкое распространение оттисков «качалки» в керамике поздней группы можно связывать с проникновением в дельту групп населения из Северо-Восточного Приаралья⁷⁸ или скорее всего с сильным влиянием более северных соседей — поздненеолитических племен Западного Казахстана и Южного Зауралья.

Другим вопросом, который может быть рассмотрен по новым, позднекельтеминарским материалам, является вопрос о соотношении кельтеминарской и суярганской культур.

Открытая в 1945—1946 гг. в Южной Акчадарьинской дельте и охарактеризованная тогда еще на сравнительно ограниченном материале в обобщающих работах С. П. Толстова⁷⁹, суярганская культура получила в последнее время новую, более подробную трактовку⁸⁰. Наиболее важным обстоятельством в интересующем нас аспекте явилось открытие группы разветвленных стоянок и выделение по их материалам раннего, камышлинского этапа суярганской культуры.

Материал раннесуярганских стоянок характеризуется следующим образом. Керамика с примесью дресвы и толченых раковин толстостенная, черная в изломе и слоистая, иногда окрашена снаружи красной краской, часто залощена. По формам сосудов она делится на две основные группы: сосуды с коротким прямым или изогнутым горлом и очень плавным переходом к тулову и сосуды с прямым коротким горлом и крутыми плечиками⁸¹. Характерной особенностью форм раннесуярганской керамики, в особенности второй группы, является сильно раздутое (близкое к шаровидному, сферическому) тулово⁸². Некоторые сосуды со сферическим туловом украшены

⁷⁷ У. Исламов. Многослойная стоянка кельтеминарской культуры в низовьях Зеравшана. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 33, рис. 2; Он же. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана, стр. 6, 8, 9.

⁷⁸ Из двух возможных путей проникновения в дельту с севера этот путь сейчас представляется наиболее вероятным. Неолитические материалы с Устюрта, через который человек мог проникнуть в низовья Аму-Дарьи с севера, показывают более существенные отличия от акчадарьинских, чем приаральские (Е. Бижанов, А. В. Виноградов. Неолитические памятники Каракалпакского Устюрта, сообще-ние 2, стр. 68—70).

⁷⁹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 77, 78.

⁸⁰ С. П. Толстов, М. А. Итина, Проблема суярганской культуры, стр. 14—35; С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, № 6, 1955, стр. 98, 99; Он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА № 1, 1958, стр. 106—109; Он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 41—47; «Низовья Аму-Дарья...», стр. 82—89.

⁸¹ «Низовья Аму-Дарья...», стр. 85; С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суярганской культуры, стр. 16, 17.

⁸² С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суярганской культуры, стр. 17, рис. 3, 7—10.

по нижней части шейки наlepным валиком. Небогатый орнамент, нанесенный обычно насечками, реже зубчатым штампом (елка, веер, полосы насечек, изредка треугольники) покрывают лишь шейку и плечи сосудов. Находки на большинстве разветвленных стоянок вместе с раннесуярганской керамикой кремневых и кварцитовых изделий (преимущественно изготовленных на сечениях ножевидных пластин) позволяют рассматривать такое сочетание как одну из характерных особенностей камышлинского этапа суярганской культуры. Несмотря на то, что среди известных сейчас стоянок камышлинского этапа нет ни одной с неразрушенным культурным слоем и все материалы являются результатами сборов на поверхности, такое сочетание вполне вероятно⁸³.

Как уже было отмечено, характер каменного инвентаря пластинчатый, микролитический, характеризующийся, правда, усилением роли двусторонне обработанных форм изделий. Среди изделий такие типы, как концевые скребки, проколки или сверла, вкладыши с притупленным краем и скошенным притупляющей ретушью концом, скребки на отщепках⁸⁴. Стоянка Уч-Таган дала большую серию двусторонне обработанных изделий⁸⁵.

По многочисленным южным аналогиям раннесуярганской (камышлинской) керамики, нижняя хронологическая граница раннего этапа суяргана может быть отнесена к самому началу II тысячелетия до н. э. (или к рубежу III и II тысячелетия до н. э.)⁸⁶.

В свое время С. П. Толстов, выделивший на территории Хорезма несколько культур эпохи первобытнообщинного строя вполне закономерно и обоснованно связывал суярганскую культуру с появлением в Хорезме нового этнического элемента, исторически связанного с югом, с областями Иранского нагорья и прилежащих стран⁸⁷. Известная в то время по материалам нескольких стоянок базаркалинского этапа суярганская керамика давала совершенно отчетливые, особенно выразительные на фоне синхронного ей тазабагьябского керамического материала, аналогии многим керамическим формам южных древнеземледельческих культур. Ранние суярганские материалы еще не были открыты, поздний этап кельтеминарской культуры характеризовался лишь несколькими небольшими разветвленными стоянками с малым количеством керамики. Сопоставления неолитических кельтеминарских материалов (Джанбас 4) с материалами стоянок эпохи бронзы — суярганскими и тазабагьябскими — не могли дать сколько-нибудь выразительных результатов: слишком велик был хронологический разрыв между ними. Правда, Я. Г. Гулямов, участвовавший в работах на первобытных памятниках Хорезма в 1940—1946 гг. и, в частности, руководивший раскопками суярганской стоянки Джанбас 6, ставил вопрос о преемственной связи кельтеминарской и суярганской культур. Отмечая тесную связь суярганской керамики с расписной керамикой Анау, Я. Г. Гулямов уже тогда пришел к выводу, что суярганская культура «в основном исходит из кельтеминарской»⁸⁸.

Разведки 1954—1956 гг. в Северной Акчадарьинской дельте дали очень интересный материал для изучения раннего суяргана. В статье «Проблема суярганской культуры» С. П. Толстов и М. А. Итина, рассмотрев весь новый материал, вновь подтвердили вывод о суярганской культуре, появившейся в Хорезме с юга. «В начале II тысячелетия до н. э., — пишут они, — в Хорезм из южных земледельческих областей Сред-

⁸³ С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суярганской культуры, стр. 18—20.

⁸⁴ «Низовья Аму-Дарья...», стр. 83—87, рис. 42, 44.

⁸⁵ Там же, стр. 87, 88, рис. 44, 1—10, 17.

⁸⁶ С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суярганской культуры, стр. 15;

С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 42.

⁸⁷ С. П. Толстов. По следам древнехорезмской цивилизации, стр. 78.

⁸⁸ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, стр. 51—53.

ней Азии приходят суярганские племена, культура которых представлена камышлинскими стоянками; это дало нам основание назвать этот ранний этап в развитии суярганской культуры на территории Хорезма — камышлинским. Анализ материалов камышлинских стоянок показал, что культура эта была тесно связана с древнейшим Переднеазиатским Востоком».

Тесная связь суяргана с югом, с Передней Азией не вызывает сомнений. Близкие южные аналогии суяргану — южнотуркменистанские и переднеазиатские, — особенно рельефно ощущающиеся при анализе керамического материала, бесспорны. Однако в свете новых материалов по позднему кельтеминару и раннему суяргану, нам кажется, нет необходимости объяснять их непосредственным переселением суярганцев из южных областей Средней Азии в Хорезм.

Прямые истоки почти всех, характерных для раннего суяргана проявлений культуры, можно найти в позднем кельтеминаре⁸⁹. Наиболее интересен в этом плане материал стоянок Кават 7, Джанбас 11 и некоторых других.

Рассмотрим прежде всего, как наиболее важный в данном случае, керамический материал. Мы уже знаем, что в материалах Кават 7 сосуды со сферическим туловом составляют довольно значительную серию — судя по обломкам, порядка тридцати сосудов. Они отличаются как размерами, так и формой, профилем горла и плечиков. Сравнение их с раннесуярганскими сосудами, особенно второго типа, показывает не только общее сходство (общая форма, пропорции), но и сходство в деталях. Из изображенных на рис. 3 (стр. 17) в статье С. П. Толстова и М. А. Итиной форм очень близкие аналогии в позднекельтеминарском материале имеют сосуды №№ 1 (ср. рис. 31, 2—3 в настоящей книге) 7, 8, 9 (ср. рис. 32, 3—5); 13 (ср. рис. 31, 4—5). Возможно, близки позднекельтеминарским (см. рис. 32, 1, 6—7) представленные не очень выразительными обломками сосуды на рис. 3, 11 и 12 в статье С. П. Толстова и М. А. Итиной. Еще более близки кельтеминарским формы сосудов, изображенных на сравнительной таблице (стр. 18, рис. 4, 1—4, стоянки Камышлы 1, 10, Кокча 2, 4; ср. рис. 32, 1, 2, 8, в настоящей работе). О чертах сходства второй группы раннесуярганских сосудов, происхождение которых связывается с переднеазиатским югом с кельтеминарскими (с коротким горлом и раздутым туловом), говорят и авторы статьи⁹⁰. Близкие соответствия в раннем суяргане — в профилировке верхней части и пропорциях — находит керамика стоянки Джанбас 11, наиболее полно характеризующая позднюю группу кельтеминарских стоянок (ср. рис. 23, 2, 4, 7—10 в настоящей книге и рис. 3, 1—3 в работе С. П. Толстова и М. А. Итиной).

Любопытно, что в кельтеминарской керамике не находят аналогий «невысокие открытые горшки, которые позднее широко распространяются в позднесуярганских и амирабадских комплексах»⁹¹. Очевидно, что перед нами новая форма целиком характерная уже для керамики эпохи бронзы.

В целом, сравнивая суярганскую и позднекельтеминарскую керамику, можно заметить, что последняя отличается большим разнообразием форм, а в пределах группы сосудов с шаровидным или близким к нему туловом большей профилированностью венчика и плечиков сосудов. Отметим также, что переднеазиатские аналогии сферическим сосудам раннесуярганской и позднекельтеминарской керамики, пожалуй, по большинству деталей ближе к кельтеминару. Не исключено, что это обстоятельство объясняется все

⁸⁹ Аналогичная идея высказана в одной из последних работ В. М. Массона, который не находит оснований для вывода о том, что раннесуярганские племена пришли в Хорезм из южных земледельческих районов Средней Азии (В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 184).

⁹⁰ С. П. Толстов, М. А. Итина. Указ. соч., стр. 16.

⁹¹ Там же.

еще слабой, сравнительно с поздним кельтеминаром, изученностью камышлинского этапа суярганской культуры. К тому же керамический материал некоторых раннесуярганских стоянок опубликован не полностью. Вероятно, точки соприкосновения его с позднекельтеминарской керамикой можно было бы умножить.

Что касается других, характерных для раннесуярганской керамики признаков, то многие из них также в той или иной степени присущи и кельтеминару. Широко известны факты окрашивания кельтеминарской посуды в красный и желтый цвет (см. выше, глава II, стр. 41). Нами отмечалось характерное для некоторой части кельтеминарской керамики лощение поверхности. Близок, очевидно, характер обжига — темный цвет излома и слоистость черепка.

Одной из особенностей суярганской керамики уже на раннем, камышлинском этапе ее развития является наличие на некоторых сосудах налепного валика. На кельтеминарской керамике подобный прием украшения сосудов не встречается.

Особенную близость к кельтеминару показывает кремневый и кварцитовый материал раннесуярганских стоянок. Можно утверждать, что при настоящем уровне знаний о кельтеминаре и раннем суяргане он практически неотличим от позднекельтеминарского. Встреченные вместе с раннесуярганской керамикой кремневые и кварцитовые изделия из ножевидных пластин — концевые скребки, проколки или сверла, ножевидные пластины с легкими выемками, пластины с краевой ретушью — все это изделия типично кельтеминарские. Характерно, что среди них имеются такие пережиточные формы, как пластинки с притупленным краем и скошенным крутой ретушью концом⁹², чрезвычайно характерные для кельтеминарской кремневой индустрии.

Особого внимания заслуживают кремневые и кварцитовые находки со стоянки Уч-Таган 2. Состав их специфичен: из 20—30 находок — 10 двусторонне обработанных наконечников стрел, двусторонне обработанный нож и обломок копья. М. А. Итина, производившая сборы на стоянке и обработавшая материал, высказала предположение, что это остатки некогда зарытого в землю, спрятанногоклада. Предположение это очень вероятно; находки собраны на очень ограниченной площади (4 × 4 м), да и состав их очень специфичен. При публикации материала С. П. Толстовым и М. А. Итиной были приведены, как хорезмские — позднекельтеминарские, так и более отдаленные территориально аналогии наконечника стрел с Уч-Таган 2, датирующиеся преимущественно в пределах середины III — начала II тысячелетия до н. э.⁹³ Детализация аналогий всем трем формам наконечников в материалах стоянок среднеазиатского степного неолита — листовидным и миндалевидным с выемкой в основании или с прямым усеченным основанием и ромбовидным с выемкой в основании — заставила бы назвать десятки пунктов как на Акча-Дарье, так и на Верхнем Узбое, во Внутренних Кызылкумах, Северо-Восточном Приаралье. Так же многочисленны аналогии наконечнику копья, обломок которого найден на стоянке Уч-Таган. Это одна из характерных форм позднего неолита Приаралья⁹⁴. Известны они и на кельтеминарских стоянках Акча-Дарьи (см. выше, глава II, стр. 92, рис. 42, 13). Что касается большого двусторонне обработанного кварцитового ножа, то подобные изделия, как справедливо отмечают С. П. Толстов и М. А. Итина, в Хорезме (в Акчадарьинской дельте) действительно не найдены⁹⁵. Однако они хорошо известны по материалам позднеолитических стоянок сопредельных районов. Они найдены на

⁹² «Низовья Аму-Дарьи...», стр. 88, рис. 44, 12—13.

⁹³ С. П. Толстов, М. А. Итина. Указ. соч., стр. 19.

⁹⁴ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, № 1, 1957, стр. 30—32, рис. 5.

⁹⁵ С. П. Толстов, М. А. Итина. Указ. соч., стр. 19.

Верхнем Узбое⁹⁶, в Кызылкумах⁹⁷, и в Северо-Восточном Приаралье⁹⁸. Орудия эти появляются одновременно с крупными наконечниками копий или дротиков и бывают двух видов — двусторонне обработанные, описанного типа, и с краевой, иногда далеко заходящей на боковые стороны ретушью.

Заканчивая о каменных изделиях, отметим, что значительное количество орудий, изготовленных не из кремня, а из кварцита, на раннесуярганских стоянках — особенность не культурного и не хронологического, но географического порядка⁹⁹.

Большая близость кельтеминара и суяргана проявляется и в других важных областях, в частности в приемах домостроительства. Наземная столбовая конструкция кельтеминарских жилищ на стоянках Джанбас 4 и Кават 7 нашла развитие в суярганском домостроительстве. О нем мы знаем по стоянке Джанбас 6, датирующейся концом раннего этапа суярганской культуры, и несколько более поздней стоянке Базар 2, где были обнаружены остатки овальных наземных жилищ со столбовой конструкцией стен и перекрытий¹⁰⁰.

Насколько можно судить по имеющимся сейчас еще очень ограниченными материалам, хозяйство обитателей камышлинских стоянок существенно не отличалось от кельтеминарского. Охота и рыболовство все еще играли существенную роль в хозяйственных занятиях; прямых данных о земледелии и скотоводстве нет, предполагается, что они существовали в зачаточном состоянии¹⁰¹.

Все это вместе взятое позволяет по-прежнему взглянуть на вопрос о происхождении суярганской культуры. Даже если принимать во внимание только один керамический материал, то имеются серьезные основания говорить о прямой генетической связи позднего кельтеминара и раннего суяргана. Пластинчатая же каменная раннесуярганская индустрия, как мы уже говорили, практически неотличима от кельтеминарской. Приемы домостроительства, основы хозяйства и в связи с этим характер расселения в пределах дельты еще более убедительно подтверждают это положение.

Трудно было бы ожидать еще более полного соответствия в культуре поздних кельтеминарцев и камышлинцев, особенно если учитывать, что последние знаменуют собой качественно новый этап в истории населения Хорезма, этап, с которым мы связываем появление первых металлических орудий, земледелия и скотоводства. По археологической периодизации это уже эпоха неолита; отсюда многие не характерные еще для кельтеминара черты в материальной культуре (в частности, плоскодонная посуда, обеднение орнамента и др.)¹⁰².

Трудно было бы объяснить некоторые черты культуры ранних суярганцев, если рассматривать их как пришельцев из южных земледельческих областей Средней Азии. Известно, что пластинчатая микролитическая индустрия, подобная кельтеминарской, начинает исчезать на юге уже в

⁹⁶ Обломок такого изделия имеется среди сборов на стоянке Кугунек 2 (1951, поиск 39). Великолепный, очень крупный двусторонне обработанный нож описываемого типа имеется в сборах геолога В. В. Шолохова близ колодца Кугунек.

⁹⁷ Н. Н. Вактурская. О поездке в Южные Кызыл-Кумы в 1955 г. МХЭ, вып. 1, 1959, стр. 44, 45, рис. 5, 23.

⁹⁸ А. В. Виноградов. Археологическая разведка в районе Аральска — Саксаульской в 1955 г. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР», т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 77—79, рис. 1, 17, рис. 3, 4.

⁹⁹ См. выше, глава II, стр. 133.

¹⁰⁰ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 77, 78; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, стр. 51—54; «Низовья Аму-Дарьи...», стр. 81.

¹⁰¹ С. П. Толстов, М. А. Итина. Указ. соч., стр. 28.

¹⁰² Следует заметить, что синкретическая, по общему признанию, культура Заманбабы дает, в противоположность раннему суяргану, существенные признаки участия южного компонента в ее сложении.

V—IV тысячелетия до н. э., а на рубеже III и II тысячелетий до н. э., о котором идет речь, господствуют изделия из бронзы. Основой хозяйства на юге является орошаемое земледелие с использованием тягловой силы животных и скотоводство. Применяется гончарный круг, сосуды обжигаются в специальных печах. Трудно допустить, что осевшие в Северной Акчадарьинской дельте в начале II тысячелетия до н. э. и знакомые со всеми этими достижениями южные племена подверглись столь сильному влиянию со стороны отсталых кельтеминарцев, вновь освоили давно забытые приемы обработки камня и изготовления керамики, деградировали в области хозяйства.

Анализируя раннесуярганский материал, нельзя упускать из виду и постоянное влияние южной культуры. Нет никаких оснований утверждать о его ослаблении в это время. Этим, в частности, можно объяснить и появление валика на камышлинских сосудах и некоторые другие южные элементы в материальной культуре камышлинцев.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КК ФАН Уз.ССР — Каракалпакский филиал Академии наук Узбекской ССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СВ — Советское востоковедение
СЭ — Советская этнография
ТХЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
ХЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Природные условия, История и методика исследований	7
Физико-географические условия	7
История исследований	11
Некоторые вопросы методики исследования разветвленных стоянок	15
Глава вторая. Неолитические памятники Акчадарьинской дельты	25
Неолитические памятники Южной дельты	25
Памятники внутренних районов дельты	25
Джанбасская группа стоянок	25
Каватская группа стоянок	65
Памятники восточного берега дельты	106
Байрамгазганская группа стоянок	107
Мамурская группа стоянок	111
Памятники северного берега дельты	120
Кургапшинская группа стоянок	120
Неолитические памятники Чоколакской ложбины и Акчадарьинского коридора	121
Таджиказганская группа стоянок	121
Неолитические памятники Северной дельты	125
Каменоломня и кремнеобрабатывающая мастерская Бурлы 3	126
Глава третья. Проблема хронологии	135
Из истории вопроса	135
Относительная хронология	138
Абсолютная хронология	143
Глава четвертая. Некоторые вопросы истории и культуры кельтеминарцев	153
О границах кельтеминарской культуры	153
Об особенностях кремневой индустрии кельтеминарцев (в связи с вопросом о так называемой «микролитической технике»)	158
Из истории неолитического населения Акча-Дарьи	170
Список сокращений	178

Александр Владимирович Виноградов
Неолитические памятники Хорезма

Утверждено
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор издательства *Л. С. Кручинина*
Художник
Технический редактор *А. П. Ефимова*
Корректор

Сдано в набор 25/1 1967 г. Т-01452.

Подписано к печати 24/1 1968 г.

Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографск. № 1

Усл. печ. л. 15,75+1 вкл. (0,35 п. л.). Уч.-изд. л. 15,3.

Тираж 2 000 экз. Тип. зак. 3553. Цена 99 коп.

Издательство «Наука»

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

92 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»